

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Философия и социология;
культурология

Научный журнал

№ 4(4)

Киров
2009

Главный редактор

В. С. Данюшенков, доктор педагогических наук, профессор,
чл.-кор. РАО

Редакционная коллегия:

В. Т. Юнгблуд,
доктор исторических наук, профессор
(зам. главного редактора);

А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент
(отв. секретарь);

Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор;

Л. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент;

М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор;

О. А. Останина,
доктор философских наук, профессор;

Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук, доцент;

В. Ф. Юлов,
доктор философских наук, профессор

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел.: (8332) 678-860 (научный отдел), (8332) 673-674 (Издательский центр)

Редактор О. И. Коробкова
Компьютерная верстка – Л. А. Кислицына

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Поросенков С. В.</i> Духовность личности и экзистенциальный смысл	6
ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ	
<i>Суворов Г. В.</i> Социально-гуманитарное и естественнонаучное познание: возможность интеграции	12
<i>Счастливецва Е. А.</i> О природе понимания. К вопросу о полемике Г. Шпета и В. Дильтея	18
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ	
<i>Штайн О. А.</i> Маска в аспекте социальной коммуникации	23
ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ	
<i>Пацак И. В.</i> Представление Х. Ортеги-и-Гассета о современной европейской культуре и проблема социальных отношений	27
<i>Пилецкий С. Г.</i> Мысли о любви	30
<i>Полякова И. П., Батракова Т. С., Копытина М. Ю.</i> Влияние одиночества на внутренний мир личности и её повседневную жизнь	35
<i>Прошак А. В.</i> К проблеме идентификации реальности в медиаполе	40
<i>Травников Г. Н.</i> Эволюция философско-антропологической мысли: к проблеме происхождения и сущности человека	43
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ	
<i>Дьяченко И. В.</i> Социокультурное исследование дискурса и индикатива рекламы кино	47
<i>Витязев А. К., Борозинец Г. А.</i> Профессиональная подготовка матерей – новый шаг в развитии трудового материнства	51
<i>Гаук А. В.</i> Феномен социального символизма в байкерской субкультуре	53
<i>Дидковская Я. В.</i> Студенчество конца XX – начала XXI в.: динамика профессионального самоопределения	57
<i>Хвостов А. А.</i> Ужасы в жизни учащейся молодёжи	61
<i>Закревская Н. Г.</i> Формирование научного сообщества в университете физической культуры: социально-культурный дискурс	64
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ	
<i>Старшцына О. А.</i> Вербальные и невербальные знаковые системы управленческого воздействия	68
<i>Батомункуева А. Д.</i> Концептуальные основания исследования управленческих компетенций в истории науки	71

ОТРАСЛЕВАЯ СОЦИОЛОГИЯ

<i>Крылов А. В.</i> О закономерностях возникновения социально-экономических кризисов	76
<i>Полухина М. В.</i> Роль СМИ в формировании стереотипных представлений о социальной работе как профессии в Свердловской области	79
<i>Таланов С. А.</i> Влияние семьи на преступность несовершеннолетних: опыт социологического анализа	82
<i>Хизбуллина Р. Р.</i> Профессиональная ориентация молодого специалиста в условиях трансформации российского общества: социологический аспект	87
<i>Горбачева Н. Б.</i> Ценности семейной жизни в сознании тольяттинской молодежи	90

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Серопян А. С.</i> Реальная философия Ф. Бэкона и реализм Достоевского	93
<i>Басенкова Л. В.</i> Современная детская игровая субкультура и моделирование социальных отношений	96
<i>Гасникова С. Ю.</i> Инокультурность как фактор формирования национальной идеологии в споре славянофилов и западников	99
<i>Кузьмин А. А.</i> Трансформации «телесного кода» в русской традиционной культуре (на материале волшебных сказок)	104
<i>Матусевич Е. В.</i> Теоретическое освоение процесса идентификации в поликультурной ситуации: сравнительный анализ концепций постмодернизма и постколониализма	107
<i>Шауцукова Л. Х., Махотлова М. А.</i> Природно-прекрасное в традиционной культуре адыгов ...	113
<i>Васильев В. А. А. А.</i> Кокель в художественной культуре Украины в 10–20-е гг. XX в.	116
<i>Спирин В. А., Стародумов А. А.</i> Потребление как культурно-антропологический феномен	119
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	127

CONTENTS

- Porosyonkov S. V.* Spirituality of the person and existential sense
- Suvorov G. V.* Social-humanitarian and natural-scientific cognition: possibility of integration
- Schastlivtseva Ye. A.* On the nature of understanding. The polemic of G. Spet and W. Dilthey
- Shtain O. A.* Mask in social communication
- Pashchak I. V.* Jose Ortega-y-Gasset's conception of modern European culture
- Piletsky S. G.* The thoughts about love
- Polyakova I. P., Batrakova T. S., Kopytina M. Y.* Influence of loneliness on the inner world and daily life of the person
- Prosbak L. W.* On the problem of reality identification in media-field
- Travnikov G. N.* Evolution of philosophically-anthropological thought: on the problem of origin of man
- Dyachenko I. V.* Social and cultural research of film advertising discourse and indicative
- Vityazev A. K., Borozinets G. L.* Maternal training as a new stage of developing professional motherhood
- Gauk A.* Phenomenon of social symbolism in the biker subculture
- Didkovskaya Y. V.* Students at the end of the XX – the beginning of the XXI centuries: the dynamics of professional self-identification
- Khvostov A. A.* Horrors in life of studying youth
- Zakrevskaya N. G.* Formation of scientific community at physical training university: the welfare discourse
- Staritsyna O.* Verbal and nonverbal symbol systems of management influence
- Batomunkuyeva A. D.* Conceptual foundations of administrative competence investigation in the history of science
- Krylov A. V.* On regularities of the occurrence of social and economic crises
- Polukbina M.* The role of mass-media in forming stereotypes concerning social work as a profession
- Talanov S. L.* Influence of family on minor delinquency
- Khizbullina R. R.* Professional orientation of young specialists in the transforming russian society: sociological aspects
- Gorbacheva N.* Values of family life in the consciousness of togliatti youth
- Seropyan A. S.* F. Bacon's real philosophy and Dostoevsky's realism
- Basenkova L. V.* Modern children's game subculture and modelling of social relations
- Gasnikova S. Y.* Another's culture as the factor of formation of national ideology in the dispute of slavophiles and westerners
- Kuzmin A. A.* Transformation of body code in Russian traditional culture (on the material of the collections of fairy tales)
- Matusevich E. V.* Theoretical measuring of identification process in cultural heterogeneous context: a comparative analysis of postmodern and postcolonial concepts
- Shautsukova L. H., Makhotlova M. A.* The beautiful in nature in Adyghe traditional culture
- Vasilyev V. A. A.* Kokel in artistic culture of the Ukraine in 1910–1920
- Spirin W. A., Starodumov A. A.* Consumption as a cultural-anthropological phenomenon

ДУХОВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ

Духовное самоопределение личности представляет собой относительно самостоятельный процесс индивидуального освоения человеком содержания духовной культуры, когда это содержание становится смыслом и исходной ценностью в мировоззрении, образе жизни, деятельности конкретного человека. Если речь идет о самоопределении, то подразумевается спонтанность, уникальность, творчество, открытость личности по отношению к формирующим её процессам, к духовной ситуации времени.

Духовное самоопределение личности может быть предметом изучения психологии, педагогики, социологии, культурологии. Это может быть предметом анализа с различных философских позиций, то есть с позиций марксизма, неотолизма, постмодернизма, аналитической философии, экзистенциализма и других философских направлений. В данной работе рассматривается экзистенциальный аспект понимания духовности личности.

Осмысление экзистенциальных оснований духовности, а в связи с этим решение проблемы духовного самоопределения личности нашло отражение в творчестве М. Шелера, М. Хайдеггера, Ж. П. Сартра, Н. А. Бердяева. Экзистенциальный смысл духовного самоопределения личности через символы религии раскрывали такие экзистенциально мыслящие теологи, как П. Тиллих, К. Барт, Р. Бультман, Д. Бонхёффер.

Экзистенциальный смысл духовного самоопределения может найти рациональное выражение на основе ряда принципиальных идей, разработанных философией экзистенциализма.

Это идея онтологической дифференциации, то есть проведение различия онтического и онтологического содержания суждений, когда в познавательной деятельности относительно самостоятельное значение придается тому, что существует, и существованию самому по себе. Именно обособле-

ние существования от предметных значений того, что существует, образует предпосылку мышления о духовности не только как о чем-то нематериальном, но и наполнении понятия духовности положительным смыслом.

Принципиальной идеей экзистенциализма является также положение об экзистенциальной сущности человека. Ж. П. Сартр полагал, что сущность человека есть его существование. М. Хайдеггер считал более корректным и точным выражением понимания человека положение, что существование – это субстанция человека. Отсюда подлинная самоидентификация и интеграция качеств, образующих целостность личности, заключены в форму «я существую». И эта внепредметность человеческого существования также составляет существенную предпосылку положительного смысла духовности.

С идеей самоидентификации «я существую» органично связана и идея развертывания предпонимания существования. Предпонимание существования раскрывается не только и не столько как познавательное отношение человека к миру, сколько как онтологическая характеристика способа человеческого существования. Понимание себя существующим, вырастающее из развертывания предпонимания как первичной данности всего перво-встречаемого мира, обретает своё самоопределение перед лицом смерти. Экзистенциальное понимание – живой нерв духовности личности. Если из онтологического смысла существования определить содержание понимания в гносеологическом плане, то экзистенциальное понимание – это целостность всех познавательных способностей, превращающая любое значение в смысл проявления этой целостности. Смысл, рождающийся из целостности познавательных способностей, определяет сближение и совпадение значений истины и ценности. Личность в процессе духовного самоопределения соединяет исходные ценности и фундаментальные истины в убеждениях, принципах понимания себя и мира в целом.

Духовное самоопределение личности характеризуется асимптотическим сближением факто-теоретических и оценочных суждений. Факто-теоретические суждения являются истинными, когда они

соответствуют действительности. Оценочные суждения соотносят действительность с ценностями, которые конституируют целостность личности. Сверхшающееся духовное самоопределение личности ведет к сближению и совпадению истинных и ценностных значений, так как личный смысл присутствия в мире и сам мир соизмеримы в актах понимания существования. М. Шелер, понимая дух как экзистенциальную независимость личности от эмпирической жизни, полагал, что Бог нуждается в человеке не меньше, чем человек нуждается в Боге, они взаимополагают друг друга. Эта идея в монотеистическом мышлении отражает неразрывную коррелятивную связь экзистенциального самоопределения личности и определенности всего сущего при допущении тотального смысла бесконечной сложности мира и значений, вырабатываемых всем человеческим познанием.

Открытая человеческому разуму бесконечность качественного многообразия существующего мира, как и бесконечность все новых значений, открываемых и создаваемых познавательной деятельностью, ведет к вопросу о том, что или кто может быть основанием смысла присутствия человека в мире. Можно ли в какой-то совокупности качеств человека и формах осознания себя через интеграцию этих качеств определить тотальную целостность духа личности, соизмеримую с бесконечностями качественного многообразия существующего мира и значениями человеческого познания?

Когда речь идет об экзистенциальном смысле духовного самоопределения личности, то подразумеваются процессы, определяющие формирование и развитие в человеке качественных характеристик отношения к существованию внепредметных, нематериальных значений того, что существует. Слово «экзистенция» латинского происхождения и означает «существование». Поскольку экзистенциальное понимание человека обращено к нематериальным и внепредметным значениям существующего, постольку это понимание по необходимости полагает человека духовным существом, правда, в философии экзистенциализма дух не субстанция, – а развертывание, динамика, необратимая изменчивость чистого существования к своему окончанию.

Принципиальные идеи относительно экзистенциального аспекта понимания человека включают следующее. Во-первых, процесс развертывания экзистенции формирует и развивает самоидентификацию человека не с предметами, не с собственным телом, не с половой принадлежностью, не с социальными ролями, не с лексическим субъектом общения, а с существованием. «Я существую» без названных выше форм предметной, биологической, социальной самоидентификации – это фундаментальный онтологический акт человеческого самопознания.

Во-вторых, процесс экзистенциального самоопределения личности включает формирование у человека переживания и понимания уникальности, самоценности каждого мгновения существования, которое необратимо развертывается в направлении к своему окончанию. Следует подчеркнуть, что уникальность здесь не отождествляется с единичностью, т. е. неповторимостью сочетания признаков, характеризующих психику, тело, социальные роли индивида. Уникальность в экзистенциальном аспекте подразумевает нечто противоположное единичности, а именно: переживание и понимание совпадения собственного существования с абсолютным бытием всего существующего. Можно заметить, что в истории человечества те религии приобретали большее значение и влияние, в которых символика и смысл вероучения наиболее полно развивали переживание и понимание причастности собственного существования к абсолютному бытию, к источнику бытия вообще.

В-третьих, экзистенциальное самоопределение личности предполагает формирование у человека отношения к своей личной смерти и к вечности. Парадоксальная сопряженность отношения к конечности собственного существования с отношением к вечности в рациональном мышлении проявляется как неразрешимое противоречие, т. е. антиномия: смерть и вечность абсолютно взаимоисключаемы. Однако экзистенциальное понимание в своей безначальной исходности по отношению ко всем значениям мира предметов и ко всем значениям человеческого познания полагает смерть как ничто, т. е. полагает смертью полную незначимость чего бы то ни было в мире. Развертывание челове-

---

ческого существования к своему окончанию – необходимая, неопределенная, неизбежная и только собственная возможность, что в экзистенциальной философии проанализировал М. Хайдеггер.

Асимптотическое приближение человеческого понимания к собственной смерти открывает вечность, так как время и временность существования чего бы то ни было, включая и временность собственного существования, производится человеческим пониманием из абсолютности внепредметного и нематериального, «чистого» существования. Экзистенциальная направленность самоопределения личности предполагает, следовательно, опору в развитии понимания собственной смерти не только на рациональное мышление, но и на такие способности человека, как вера, экзистенциальное самопонимание, мистическое постижение, интуиция.

Экзистенциальное самоопределение как способность, направленная на осмысление собственной смерти, представляет собой существенный процесс творения духовного содержания в самоопределении личности. Приближение к пониманию собственной смерти на пути осмысления абсолютности ничто как отрицания и ничтожения всех значений чувственных образов и абстрактных значений мышления ведет к самопониманию личности, где духовность как экзистенциальная независимость от всей эмпирической жизни становится открытой для позитивного вневременного, внепространственного, внепредметного самоопределения. Эта открытость, появившаяся на апофатическом основании, ставит самоопределение личности на уровень тотального целостного со-бытия с любыми положительными принципами определения бесконечной сложности бытия. В данном аспекте духовное самоопределение личности, преодолевшей апофатику смысла смерти, открыто позитивным идеям религий, дающих ту или иную символику смерти или посмертного существования.

В-четвертых, экзистенциальный аспект самоопределения личности предполагает формирование у человека смысла собственного существования в единстве со смыслом бытия всего мира в целом. «Зачем и почему существую я?» – этот вопрос соизмерим с вопросом: «Зачем и почему всё суще-

ствует?» Так как в предельной постановке этих вопросов человеческое понимание распространяется не только и не столько на непосредственно известный и открытый общечеловеческому познанию материальный мир, то в экзистенциальном аспекте само содержание понятия «смысл» означает открытие человеком духовной сопричастности своего личного существования абсолютному и целостному бытию, бытию всего мира, предполагаемого в единстве того, что известно человеческому познанию, и того, что ему неизвестно.

Экзистенциальное понимание смысла предполагает создание условий для самоопределения человеческого существования. То, что полагают воспитательные и образовательные действия в отношении человека как внешние значения, кем-то созданные, например внешние воздействия, выдающие готовые значения: «смысл жизни в борьбе за демократию», «смысл жизни в построении карьеры», «смысл жизни в богатстве», – это независимые от содержания утверждений несмыслообразующие действия с точки зрения экзистенциализма. Внешнее привнесение готовых значений создаст лишь отчужденные рациональные или чувственно-образные схемы «борьбы за демократию», или «построения карьеры», или «накопления богатства». Экзистенциальный смысл духовности личности предполагает смысл как самоопределение существования, а существование метафизически (не во времени!) предшествует всем значениям существующего мира, предметным и социокультурным формам человека.

Как воздействует общество, социальные институты на процесс духовного самоопределения личности, рассматриваемого в экзистенциальном аспекте? В самом общем плане можно отметить, что развитие индустриального общества и становление постиндустриального, информационного общества в целом негативного воздействуют на экзистенциальное самоопределение личности. Само развитие экзистенциализма, его теоретическое оформление в XX столетии можно рассматривать как интеллектуальную реакцию на экзистенциальные проблемы человека, порождение особенностями общественного развития в последние столетия. Идея о «неподлинном существовании» стала у М. Хай-

деггера ярким выражением антиэкзистенциального характера воздействия общества на человека.

Более конкретно антиэкзистенциальный характер воздействия общества на человека можно выявить на примере такого социального института, как образование.

Образование – социальный институт, в рамках которого осуществляется целенаправленная деятельность по формированию человека на основе сложившихся социокультурных принципов. Это значит, что образование как социальный институт, образование как деятельность, образование как содержание личности в виде качественных характеристик культурного образа человека предполагает особые принципы исходного понимания мира, общества, человека.

Если вести речь о сформировавшейся за последние 300 лет системе образования и образовательной деятельности в Европе, то можно зафиксировать, что принципы современной европейской образовательной парадигмы исключают экзистенциальный аспект образования и направлены на закрепление способов формирования личности, которые не формируют смысла бытия, не открывают самоидентификацию «я существую», не формируют отношения человека к собственной смерти, не позволяют развить духовную сопричастность собственного человеческого существования к абсолютному бытию. Наоборот, европейское образование ориентировано на развитие предметных и социальных самоидентификаций рационально действующего субъекта в системах причинных и функциональных связей материального мира природы, общества, техники и технологий.

Рамки данной работы не позволяют показать антиэкзистенциальную сущность всей сложившейся европейской образовательной парадигмы, назовем лишь два принципа. Первый был разработан Р. Декартом, Б. Спинозой, Г. Лейбницем и другими представителями новоевропейской философии и введен в образовательную теорию и практику Я. А. Коменским, он заключается в первичности разума для человеческого познания. Этот принцип ориентирован на формирование и развитие в человеке прежде всего *рациональных* форм познания мира, т. е. умения оперировать понятиями, суждениями,

создавать умозаключения и овладевать теоретическими знаниями. Вера, экзистенциальное понимание, интуиция, мистическое постижение отодвигались на периферию образовательной деятельности. Конечно, в субъективные намерения Р. Декарта, Б. Спинозы, Г. Лейбница, Я. А. Коменского не входило противопоставление рациональности этим способностям человека. Но объективное развитие европейского образования привело к односторонней ориентации только на научную рациональность. Было бы ошибкой думать, что значительную роль в этом процессе сыграли атеистические идеи или мыслители, их выражавшие. Атеистические идеи – это отражение объективных изменений человека индустриального и постиндустриального обществ, в которых остро и необходимо востребована научная рациональность в качестве основы познания и практики.

Второй антиэкзистенциальный принцип европейской образовательной парадигмы ориентирует формирование личности именно на *научную* рациональность, а не на все богатство разума как познавательной способности. Сущность этого принципа состоит в том, что предметом познания в процессе обучения должен быть объективный мир сам по себе. Приоритетным становится объективно-истинное знание, т. е. знание, соответствующее действительности независимо от человека, его субъективности, его оценочных суждений или суждений должностования. Изначально исключается уникальность собственного понимания и самопонимания, которая вытесняется общезначимым знанием о мире; человек начинает истолковывать сам себя, исходя из внешних значений, закрывающих возможность самоопределения человеческого существования.

Исключением из сферы действия этих принципов является духовное образование, развиваемое христианскими конфессиями, так как оно содержит в себе органическую необходимость экзистенциальных принципов, должных применяться к формированию личности. Духовность как экзистенциальная независимость человеческого самопонимания от материального мира, несомненно, присуща христианскому образованию. Смысл бытия, отношение к собственной смерти и к вечности, самоидентификация вне предметных значений, уни-

---

кальность собственного существования в сопричастности к абсолютному бытию вместе с развитием веры как чрезвычайно значимой способности – все это присутствует в христианском подходе к образованию.

В частности, христианская психология, которая обосновывает современную православную педагогику, очерчивает тот образ человека, который должен быть ориентиром для духовного образования. Это можно видеть, например, в работе православного священника и психолога Б. В. Ничипорова «Введение в христианскую психологию: размышления священника-психолога» (М., 1994), а также в коллективной монографии «Начала христианской психологии» (Под ред. Б. С. Братуся. М., 1995). Христианская психология дистанцируется по отношению к таким направлениям, как бихевиоризм, деятельностная психология, трансперсональная психология, так как в них не исследуется душа как духовная целостность личности.

Следует видеть и понимать проблемы в реализации экзистенциального аспекта образования. Речь идет не только и даже не столько о политических, правовых, методологических проблемах развития образования в рамках господствующей ныне в России и других странах европейской сциентистской модели. Главные и фундаментальные проблемы возникают в связи с глубокими изменениями, охватившими человека в индустриальном и постиндустриальном обществе.

Особо значимыми являются изменения в сфере отношения современных людей к собственной смерти, изменения европейских языков, изменения психической реальности человеческого «я». По каждой из этих проблем в последние десятилетия проведены обширные и глубокие исследования психологов, социологов, лингвистов, культурологов, философов, написаны десятки монографий. Если предельно коротко выразить их сущность, то можно сказать, что современный человек в сравнении со всеми прошлыми эпохами и культурами теряет способность переживать и понимать смысл собственного существования и смысл бытия вообще. Современный человек понимает смерть как случайное эмпирическое событие, и ему крайне затруднительно понять тотальное значение своей смер-

ти, не говоря уже об акте понимания смерти как окончания собственного существования, сопряженного с вечностью.

Изменения в современных языках обнаруживают тенденцию быстрого исчезновения символических форм, тенденцию потери онтологической функции глаголов, и особенно глагола «быть», эти функции обесцениваются, из языка уходит качественное многообразие переживания и понимания существования. Древнееврейский, древнегреческий и латинский языки были языками бытийными и бытийными. Например, глагол «экзистировать» в латинском языке имел целый спектр значений, которые утрачены в современных европейских и русском языках. Священные тексты и тексты отцов церкви писались на языке, насыщенном символическими формами и сложной архитектурикой понимания смысла того, что значит «быть». В связи с этим, говоря об экзистенциальном аспекте образования, следует иметь в виду сложнейшую проблему передачи смысла древних бытийных, символических языков в современном предметном и информационно насыщенном языке.

Наконец, есть и проблема исторической изменчивости психической реальности человеческого «я». Суть проблемы в том, что «я» для А. Августина, Ф. Аквинского и даже Р. Декарта было абсолютным, центрированным, самотождественным элементом сознания, и потому такое «я» было адекватно тотальности, абсолютности смысла бытия, открывавшегося пониманию человека. Как показывают исследования многих школ психоанализа, психическая реальность «я» современного человека теряет абсолютность, центрированность и самотождественность. «Я» современного человека множественно, причинно и функционально зависимо от различных психических процессов, разорвано на фрагменты состояний при выполнении разных социальных ролей и т. д. и т. п. Сегодня палитра многообразия человеческого «я» такова, что все формы обращения к экзистенциальным смыслам заведомо обречены на провал. Парадокс в том, что у большинства современных людей нет той инстанции в психических процессах, к которой обращен экзистенциальный смысл. А потому экзистен-

циальный аспект образования и здесь нуждается в глубоком методологическом обосновании.

Модернизация образования, определяя направленность качественных изменений образования как социального института и образовательной деятельности, предполагает формировать личность, способную к интеграции многообразных значений, продуцируемых современным информационным взрывом. Решение экзистенциальных проблем об-

разования или их учет субъектами образовательного процесса – это основа возможности открытия смысла бытия личностью, вовлеченной в образовательный процесс. А реализация этой возможности – существенное условие интеграции в сознании человека разнообразных значений потоков информации, творческого отношения человека как к миру в целом, так и к профессиональной деятельности.

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 165.0

Г. В. Суворов

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ: ВОЗМОЖНОСТЬ ИНТЕГРАЦИИ

The article is devoted to the problem of interrelations of social-humanitarian and natural-scientific disciplines. The positive factors of integrating methodological approaches of humanitarian and natural sciences are found out.

Статья посвящена проблематике взаимодействия социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Выявляются положительные факторы взаимопроникновения методологических установок гуманитарных и естественных наук.

Ключевые слова: методология, практика, мировоззрение, наука, ценности, субъективность, рациональность, идентичность, диалог, конструирование, интеграция.

Keywords: methodology, practice, world outlook, science, values, subjectivity, rationality, identical, dialogue, construction, integration.

Сложность и противоречивость проблематики социально-гуманитарного познания, перспективы его исследования и существующие здесь трудности обуславливают необходимость теоретического осмысления данной проблемы на новом критическом уровне. Постоянный интерес к данной проблематике определяется, прежде всего, той ролью, которую играет производство научного знания и его практическое использование в современной цивилизации. Решающее место здесь занимают потребности самой науки в систематической разработке ее методологических проблем и в новых подходах к философскому обоснованию ее достижений, тем более что в современной науке появляются новые научные дисциплины со своими методологическими проблемами. Как известно, проблема взаимодействия гуманитарного и естественнонаучного познания оставалась злободневной на протяжении всего последнего столетия, и, несмотря на это, многие принципиальные вопросы исследования, связанные с его изучением, остаются по-прежнему открытыми. Более того, если сложить векторы движений дискуссий о различиях и сходствах между естественными, социальными и

гуманитарными науками, то сумма будет примерно равной нулю. По сей день продолжаются разговоры о том, какие особенности наук о природе и наук о культуре могут считаться выражением «подлинной научности», а какие – только приближением к ней или, напротив, отдалением от нее [1]. Названные обстоятельства определяются не только многообразием подходов в исследованиях, посвященных данной проблематике, но и стремительными изменениями в самой науке, что вызывает необходимость постоянного обновления теоретического дискурса. В данном случае важным аспектом исследования выступает возможность интеграции естественнонаучного познания с социально-гуманитарными науками.

Когда мы говорим о научном знании, то мы понимаем, что есть разные области этого знания, разные дисциплины, но есть и нечто общее, что делает науку наукой. Фиксация этого общего является условием продуктивного сравнения различных областей науки и выявления их специфики. Но для того чтобы определить общее между различными науками, следует выделить признаки, отличающие науку от других форм человеческого знания. Известно, что до конструирования науки в особый тип познания существовало практическое и мировоззренческое познание. Их взаимодействие и взаимопроникновение сегодня уже не нужно специально доказывать, оно характерно как для социально-гуманитарных, так и для естественных наук и составляет важный аспект социокультурной детерминации научного познания. В недрах практики и мировоззрения возникли особые познавательные идеалы – ценности, которые существенно отличаются от ценностных норм современной науки. Так, если главной формой практической деятельности стала установка на приобретение и накопление знания ради получения жизненных благ, то в научном познании ориентация на успех и эффективность очевидна только для прикладных разработок. Можно выделить и другие отличительные особенности, делающие науку относительно самостоятельной от практики: это систематичность теоретических нормативных и операциональных элементов; точность эмпирии и теории; приоритет сомнения над верой; дисциплинарная специализация эмпирических и теоретических знаний. В свою очередь, главной отличительной чертой мировоззрения является то, что оно направлено на понимание и освоение человеческого

отношения к миру. Поэтому все мировоззренческие формы ориентируются не на познание реальности, а на изобретение и развитие духовных ценностей, конструируемых в рамках отношения «человек – мир». В отличие от научного познания в мировоззренческой теории действует приоритет духовности над логикой, а завершенность теоретического исследования невозможна из-за плюрализма методов и решений [2].

Рассматривая отличительные особенности научного познания от мировоззрения и практики, мы можем выделить две основные познавательные установки, которые необходимы для четкого определения науки. Во-первых, наука изучает все только как объект, управляемый определенными законами, и цель науки – открыть эти законы. При этом в качестве объекта исследования могут выступать как природные, так и социальные объекты, любые фрагменты и феномены бытия. Мы знаем, что массив объективных, предмет-объектных знаний о мире есть и в мировоззренческом и в практическом познании, но данные виды познания не выходят за рамки налично-данного практического опыта, за рамки практики сегодняшней исторической эпохи. Исходя из этого можно сформулировать вторую установку научного познания, которая заключается в том, что конструирование науки происходит тогда, когда она открывает такие предметные миры, которые еще не освоены в практике и могут быть освоены в возможных практиках будущего. Для этого наука формирует слой теоретического знания, посредством которого осваиваются такие объекты и их закономерности, с которыми человек еще не имел дела в практике и которые начинают практически осваиваться только после их теоретического освоения. Иллюстрацией для данного утверждения может служить открытие электромагнитных волн, сделанное Д. Максвеллом в середине XIX в., через несколько десятков лет появилось радио и только через столетие – телевидение, мобильные телефоны и т. д.

Две базисные установки научного исследования и связанные с ними особенности средств, методов и субъекта научной деятельности фиксируют общие признаки науки, ее единое ценностное ядро, которое присуще как естествознанию, так и социально-гуманитарным наукам. Но зарождение науки не отменило и не заменило практику и мировоззрение. Они были и остаются базисными типами освоения природы и человеческого бытия. Ряд взаимоотношений трех типов познания приобрел положительную социокультурную значимость. Так, практика обогащает науку своим растущим «здоровым смыслом» и стимулирует прикладные исследования, а формы мировоззрения дают науке методологические модели развития, получая взамен необходимый материал для универсальных оценок и рефлексии. Безусловно, в любом позна-

вательном акте, как в естествознании, так и в социально-гуманитарном знании, явно или неявно присутствуют ценностные или иные культурные предпосылки. Субъективность исследователя, реконструирующего некий социальный объект, и связанные с этим мировоззренческие и идеологические установки, в большой степени присутствуют в социально-гуманитарном знании. Но и в естественных науках субъективность была фактором множественности описаний и объяснений, особенно когда они сталкивались с уникальными объектами исследования, например в космологии или палеонтологии. Можно предположить, что в отличие от естествознания для социально-гуманитарных наук анализ ценностных установок выходит на первый план, но он специфичен для них в условиях неклассической и постнеклассической науки.

Демаркация научного и вненаучного знания позволяет нам провести различие понятий «социально-гуманитарное знание» и «социально-гуманитарная наука» и, опираясь на данную экспликацию, рассуждать о специфике гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Следует особо отметить, что в содержание социально-гуманитарного знания входит не только наука, но и обыденный здравый смысл, эссеистика, публицистика, литература, то есть огромный массив знаний, который служит программами жизнедеятельности человека, а значит и предполагает наличие вненаучных форм деятельности. Социально-гуманитарные науки можно определить как сугубо научную область социально-гуманитарного знания, в которой исследование ограничивается только рамками научной деятельности, с использованием специальных средств и методов.

На наш взгляд, рассмотрение специфики гуманитарного и естественнонаучного познания должно проходить в рамках исторического подхода, который предполагает анализ изменений не только корпуса научного знания, но и методов науки, типов научной рациональности, социальных функций науки, ее ценностного статуса в культуре. Таким образом, понять ценностную природу социально-гуманитарного познания можно только исходя из принципа исторического развития, анализируя степень изменчивости всех основных компонентов научного знания, начиная от уровня эмпирических фактов и теорий и заканчивая методами науки, ее целевыми и ценностными установками, выражающими определенный тип научной рациональности. Используя концепцию динамики науки В. С. Степина, мы можем проследить генезис и структуру социально-гуманитарного знания, обнаружить предпосылки как размежевания, так и интеграции с естественными науками. Схема автора «классическая наука – неклассическая наука – постнеклассическая наука» позволяет преодолеть односторонний подход экстернализма и интерна-

лизма к интерпретации научного знания, а понятие «научная рациональность» обнаруживает новые измерения, открывающие возможности для диалога различных культурных традиций и поиска новых мировоззренческих ориентиров цивилизационного развития [3].

Известно, что классическая наука сформировалась в период XVII–XIX вв. На данном этапе возникли свои познавательные ценности и идеалы, благодаря которым наука получила собственную идентичность, а основные процедуры научного исследования стали регулироваться внутренними нормами. В рамках классической рациональности ученый начинает во многом осознавать свои методы в виде ясных, четких правил, где одна проблема требует одного метода решения. Безусловно, как и другие области научного знания, социальные и гуманитарные науки имели свои истоки еще в древности (этап «преднауки»), в накапливаемых знаниях о человеке, различных способах социального поведения, условиях воспроизводства тех или иных социальных общностей. Но в качестве особых научных дисциплин они конституировались лишь в XX столетии, когда в культуре техногенной цивилизации отчетливо оформилось отношение к объектам управления и преобразования. Именно в рамках неклассической и постнеклассической рациональности и происходила рефлексия над ценностной спецификой гуманитарных наук, когда отношение к любым исследуемым явлениям и процессам как к объектам являлось одним из обязательных условий научного способа познания, в том числе и социально-гуманитарного. Основным фактором такой смены социально-культурных приоритетов стало всеохватывающее развитие товарно-денежных отношений, когда рынок капитализма превращал различные человеческие качества в товары, имеющие денежный эквивалент. Именно общность технологии материального и идеального творчества дала основание К. Марксу ввести категорию духовного производства. Религия, право, мораль, искусство, наука – все они являются лишь «особыми способами производства» и подчиняются «его общим законам» с «анатомией» общественного производства вообще [4]. После работ Маркса и Г. Зиммеля М. Вебер дал идеал целерационального действия, предполагающий особый тип рациональности, основанной на принципах объективности, законодательного регулирования, планирования и расчета. Таким образом, новая рациональность включалась в самые различные области человеческой жизнедеятельности, организуя экологию, право, науку, искусство, обыденную жизнь людей. Эти смыслы укоренились в мировоззренческих универсалиях культуры, в понимании человека и его социального бытия, создавая предпосылки для возникновения социально-гуманитарных наук. Реализация возможностей их становления

была связана с распространением ранее выработанных наукой представлений и методов на новую область исследования и формирование оснований социально-гуманитарных наук [5].

В середине XIX в. особую остроту обретают процессы дисциплинарной дифференциации научного знания. Единая научная картина мира, функции которой ранее выполняла механическая научная картина мира, начинает распадаться. Возникает биология с ее идеей эволюции, формируются технические и социальные дисциплины, которые отпочковываются от философии и превращаются в особые специализированные области научного знания. Дифференциация научного знания остро ставит проблему классификации наук и единства языка науки. Как известно, ранее в качестве языка, обеспечивающего единство науки, был взят язык механики. Так, О. Конт считал, что социология есть социальная механика, а Г. Спенсер развивал идею эволюции, распространяя ее на общество. И здесь возникает уже явная нестыковка с механическими образами, с механистической картиной мира, которая игнорировала идею исторического развития. Сходные идеи можно найти в социальной концепции Ш. Фурье. Он писал о существовании двух типов законов, которым подчиняется мир. Первый из них – это закон материального притяжения, приоритет открытия которого принадлежит И. Ньютону. Фурье полагал, что можно открыть второй тип законов, притяжения по страсти, которая является определяющим свойством природы человека [6].

Дальнейшие шаги, связанные с перестройкой первичных парадигмальных образов, перенесенных из естествознания в социальные науки, были связаны с дискуссиями относительно методологии социального познания. Неокантианцами, которые положили начало этой рефлексии, было неявно предположено, что классический тип рациональности, который явно доминировал в естествознании той исторической эпохи, недостаточен для зарождающихся социально-гуманитарных наук. В них некоторые признаки неклассической и постнеклассической рациональности проявились раньше, чем в естествознании. Именно здесь наука впервые столкнулась с особым типом объектов, которые принадлежат к саморазвивающимся, человекообразным системам, где человек и его деятельность становятся компонентом и системообразующим фактором системы. Изменилось место и роль тех форм мировоззрения, которые раньше извне влияли на науку. Философия, искусство и религия стали лишь источниками идей как эвристических предпосылок теоретических методов. Это позволило В. Виндельбанту и Г. Риккертту определять отличие наук о духе и наук о природе через противопоставление понимания и объяснения, индивидуализации и генерализации, идиографического метода, ориенти-

рованного на описание уникальных исторических событий, и номотетического метода, ставящего целью нахождение обобщающих законов. Следовательно, если естественные науки пытаются обнаружить лишь общие принципы и зависимости, то науки о человеке должны рассматриваться со стороны особенного и индивидуального [7]. Этот принцип стал особенно популярен среди историков, считавших данный аргумент свидетельством того, что между науками о природе и науками о человеке существует непреодолимая пропасть. Принципиальное различие между двумя типами наук ввел В. Дильтей, согласно которому науки о человеке имеют дело с пониманием, а науки о природе – с объяснением. По его мнению, достаточно осуществить «эмпатию», чтобы интерпретировать человеческие действия и их продукты, включая тексты и социальные институты. Однако для того чтобы осмыслить природное явление, следует предложить гипотетическое объяснение и проверить его.

Таким образом, обозначились два крайних полюса в трактовке методов социально-гуманитарных наук: первый полагал их идентичность, второй – их резкое противопоставление. Нет необходимости специально доказывать, что сегодня это деление выглядит неконструктивным и полно противоречий, делающих его бессмысленным. Например, физиология, медицина и антропология изучают человека, но не являются гуманитарными науками, и, наоборот, в XVII в. астрономия Коперника считалась наукой гуманитарной и основывалась на изучении текстов Аристотеля и Птолемея. Кроме того, реальная научная практика развивалась в пространстве между этими полюсами. В этом развитии выявились общие для естествознания и социально-гуманитарных наук черты идеала научности и их спецификации применительно к особенностям изучаемых явлений. В отличие от классической философии, которая была ориентирована на построение завершенных философских систем, претендующих на абсолютную истинность, неклассическая философия рассматривает познающий разум как разум человеческий, который погружен в бытие, в культуру и социальную жизнь определенной исторической эпохи.

В XX в. постнеклассическая рациональность укореняется в целом ряде областей естествознания и технических наук, и в связи с этим возникает новая ситуация понимания двух программ анализа социальных процессов – натуралистической и культурцентристской. Разделение подходов в изучении человека на натуралистические и гуманитарные было предложено Э. Кассирером. Первые ставят в центр внимания природные аспекты, а вторые интересуются социальными и культурными феноменами, то есть сверхприродными образованиями. Данное разграничение было связано с тем, что их различие увязывается с различия-

ми классической и неклассической науки. Появление постнеклассической рациональности не отменяет классической и неклассической рациональности, а лишь сужает сферу их применения. Для решения некоторых задач требования неклассики и постнеклассики становятся избыточными, достаточно классического подхода. Сегодня мы можем говорить о том, что данная идея Э. Кассирера утвердилась в идеалах неклассической гуманитарной науки. Так, согласно исследовательской концепции В. Г. Федотовой, в социальных и гуманитарных науках возможны две стратегические программы: натуралистическая и культурцентристская. Первая сводит все человеческое и социальное к единому универсальному предмету, здесь намеренно объективируется тот предмет, который мы изучаем. Культурцентристский подход ориентирует ученого на учет культурных измерений человека, он предполагает изучение мнений и мотивов поведения [8]. Тем самым наличие двух методологических программ не позволяет окончательно связать с одной из наук термин «социальная» или «гуманитарная». Все будет зависеть от того, в какой исследовательской программе работает исследователь, например, можно строить социологические исследования в качестве натуралистически организованной науки (концепция Т. Парсонса и многие позитивистские социологи), но можно работать в рамках культурцентристски ориентированной социологии (феноменологическая социология А. Шюца, символический интеракционизм Г. Мида). Обе программы выявляют сквозное единство всей науки. Если натуралистическая программа объединяла первоначально естественные науки и особые науки об обществе, то в дальнейшем выяснилась и универсальность культурцентристского подхода. На примере социологии, считавшейся социальной дисциплиной, мы видим, что она может стать вполне гуманитарной и может быть применена даже к такому феномену, как культура. Универсальность культурцентризма действует и в методологии естествознания, где взамен наивно-реалистических представлений и принципа наглядности используются приемы герменевтического понимания.

Таким образом, «натурализм» и «культурцентризм» – это две научно-исследовательские программы, по-разному действующие на одних и тех же объектах социального знания и применимые и функционирующие в разной степени на естественнонаучных объектах. В условиях нелинейности процессов натуралистический подход более пригоден для анализа социума на макроуровне, а культурцентризм – на микроуровне, при этом объективность и предметность анализа как характерные черты науки присущи обоим подходам. Если говорить о более далеких перспективах, можно предположить возможность объединения различных научно-исследовательских программ в рамках меж-

дисциплинарных исследований; речь идет о превращении эпистемологических теорий и исследовательских программ в комплексную систему. Характерной особенностью такой системы является взаимодействие конкурирующих и альтернативных теорий и программ.

Существует мнение, что различие между натурализмом и культурцентризмом заключается в том, что в естественных науках изучение объекта идет монологическим путем, а в гуманитарных науках исследования осуществляются диалогически. Так, М. М. Бахтин считал, что предметом гуманитарных наук выступает «выразительное» и «говорящее» бытие, которое никогда не совпадает с самим собой и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении [9]. Если пределом точности в естественных науках является идентификация ($a=a$), то есть монологическая форма знания: интеллект созерцает объект (вещь) и высказывается о ней, то в гуманитарных науках точность – это «преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое (подмены всякого рода, модернизация, неузнание чужого и т. п.), то есть диалогическая форма знания» [10]. Таким образом, исследователь-гуманитарий обращается с вопросом к другому субъекту и в контексте этой ситуации осуществляется выяснение того, что представляет собой объект и каковы результаты этого исследования. Изучая живой субъект, он всегда может уточнить, о чем идет речь. В отличие от этого естествоиспытатель изучает природу как мертвый объект, который не может дать осмысленного ответа. По мнению В. Г. Федотовой, в диалог как форму знания мы вступаем лишь с теми, кто находится в нашей культурной парадигме, поэтому культурцентристская программа ориентирована на расширение диалога с тем, кого мы познаем. В. Г. Федотова не согласна с тем, что диалога не существует в естествознании – «это не диалог с природой, но диалог ученых, изучающих природу» [11]. Убедительность данной точки зрения наиболее полно подтверждается в синергетике, в которой ученые вступают в диалог с природой, обнаруживают в ней нелинейность и хаос, но пытаются ими управлять и понять их причины. Проблемы, с которыми сегодня сталкиваются специалисты, работающие в области социальных и гуманитарных наук, как и проблемы естественных наук, отличаются глобальностью, сложностью и нелинейностью. Сегодня синергетика выступает междисциплинарной методологией для объяснения процесса возникновения некоторых макроскопических явлений в результате нелинейных взаимодействий макроскопических элементов в сложных системах. При этом свойствами реальных макроскопических систем могут выступать потенциалы поля, социальные или экономические силы, чувства и мысли. Таким образом, синергетику можно рассматривать как стратегию, позволяющую успешно справлять-

ся со сложными системами даже в гуманитарной области знания. Подход с позиции сложных систем оказывается методом, позволяющим восполнить разрыв между естественными и гуманитарными науками.

Следует признать, что различия между естественными и социально-гуманитарными науками, между обыденным, практическим и философским знанием сегодня не столь очевидны, как это было прежде. Но признавая эти демаркации и подчеркивая столь различные методологические особенности и способы исследования гуманитарных и естественных наук, можно ли говорить об их интеграции, и если да, то на какой основе?

Вернемся к исходным дефинициям социально-гуманитарного познания, которые дали Г. Риккерт и В. Виндельбанд. Как известно, к социальным наукам они относили социологию, экономику, которые похожи на естествознание, где выявляются общие закономерности и работают объяснения. А к гуманитарным наукам они относили историю и науки о культуре, в которых действуют другие, индивидуализирующие способы познания, поскольку в их предметной области не может быть повторяющегося. Следовательно, произошло разделение по предмету и методу, которое закрепило за этими науками статус социально-гуманитарных. Но на сегодняшний день данный наивно-реалистический подход более не работает, так как ученый уже не может просто созерцать свой предмет и объект, а конструирует его во всех видах знания: и в социальных науках, и в гуманитарных науках. Все представления человека как субъекта конструируются в формах его деятельности; он не может просто созерцать свой предмет и объект, а конструирует его во всех типах знания: и в социальных, и в гуманитарных науках. Главное своеобразие здесь сводится к тому, что субъект двояко включен в предмет исследования: через стихийную практику жизни и через научные методы выделения дисциплинарных аспектов. Именно этим конструированием своего предмета гуманитарные науки и отличаются от художественной литературы, и от критики и других вненаучных форм знания. В целом конструирование предмета должно отвечать трем требованиям: 1) постулат соответствия, то есть ученый должен понимать свой предмет; 2) следование методам своей дисциплины; 3) чтобы тот, о ком говорится, мог себя узнать [12]. Следует особо отметить и тот факт, что проблема противопоставления индивидуализации и генерализации, идиографического метода, с одной стороны, и номотетического метода – с другой также требует уточнения. Индивидуально неповторимые события имеют место не только в истории общества, но и в процессах исторического развития природы – истории жизни на Земле. На уровне отдельных эмпирически фиксируемых событий и общественные

и природные явления индивидуально неповторимы. Но наука не сводится только к эмпирическим констатациям неповторимых событий. Если речь идет об исторических процессах, то цели науки состоят в обнаружении тенденций, логики их развития, которые позволили бы воссоздать картину исторического процесса. Такое воссоздание исторических процессов представляет собой историческую реконструкцию.

С точки зрения известного методолога Е. А. Мамчур, интеграция двух типов наук происходит на уровне используемых методов. Особенно динамично эти подвижки идут в области гуманитарного знания, представители которого стремятся воспользоваться методами, которые разработаны в естествознании, и этим автор особо подчеркивает, что в самих методах естествознания на сегодняшний момент нет использования гуманитарного знания. Но гуманитарное знание и гуманистическая позиция особенно нужны в экспертном типе знания. «Когда происходит принятие решения, тут для того, чтобы ученый-естествоиспытатель мог помочь экспертизе, он должен занять более широкую гуманистическую позицию», – заключает Е. А. Мамчур [13]. Позиция, согласно которой между социально-гуманитарными и естественными науками существует жесткое различие, скрыто означает существование запретов на переносы уже отработанных методологических схем на новые предметные области. Тем самым закрывается один из важнейших путей получения новых результатов. Ведь научное исследование, как и любые процедуры понимания, тесно связано с такого рода переносом имеющегося опыта на новые ситуации, а если имеющиеся схемы не подходят для нового объекта, их следует изменять. Например, когда биология конституировалась как особая научная дисциплина, ее прогресс был связан с тем, что она использовала методы других наук. Известно, например, что на формирование теории Ч. Дарвина оказали влияние идеи и методологические принципы геологии (Ч. Лайель), палеонтологии, а также концепции социальных наук (А. Смит, Т. Мальтус). В XX в. биология заимствовала физико-химические методы исследования, благодаря которым был достигнут прогресс в генетике и созданы современные биотехнологии.

Разумеется, существует специфика исторических реконструкций в естественных и социально-гуманитарных науках. Когда исследователь реконструирует те или иные фрагменты духовной истории, то он сталкивается с необходимостью понять соответствующий тип культурной традиции, который может быть радикально иным, чем его собственная культура. В этом случае на передний план выходят процедуры понимания, движения по герменевтическому кругу, когда понимание многократно переходит от части к целому, а затем от целого

к части, постигая особенности иной культурной традиции. Акты понимания и процедуры построения исторических реконструкций в гуманитарных науках и в естествознании обусловлены принятой исследователем дисциплинарной онтологией, специальной научной картиной мира. В социально-гуманитарном познании такими общими принципами выступают три фундаментальных положения: любые представления об обществе и человеке должны учитывать историческое развитие; целостность социальной жизни; включенность сознания в социальные процессы. Указанные принципы очерчивают границы, в которых осуществляется построение картин социальной реальности.

Взаимодействие естественных, социальных и гуманитарных наук позволяет сохранить возможность коммуникации, межкультурного взаимодействия, ценность которого более важна, нежели догматика принципов, так как коммуникация – это условие сохранения самого культурного бытия. Поэтому следует согласиться с точкой зрения Ганса Ленка, что разрывы между естественными науками и интерпретационными конструктами, между знанием и действием не так широки, как традиционно думают, так как вмешательство в мир всегда зависит от интерпретации [14].

Современная ситуация в науке может означать, что социально-гуманитарные науки не становятся эпистемологическим идеалом и методологическим стандартом для естественных наук (как когда-то естественные дисциплины претендовали на то, чтобы быть образцом и стандартом для социально-гуманитарных наук). То, что происходит, можно представить как эпистемологическое и методологическое сближение социально-гуманитарных и естественных наук по целому ряду направлений. Сегодня можно констатировать, что и их предметность и инструментарий, и даже цели не столь уж разнонаправлены и вполне соотносимы. Конечно, свои методологические особенности, проблемы и свои уникальные способы исследования есть и у комплекса социально-гуманитарных наук, и у комплекса наук естественных, то есть если мы говорим о науках вообще, то все науки имеют нечто общее, сохраняя при этом свою уникальность. Но в целом взаимопроникновение методов и соответствующих методологических установок отнюдь не обязательно ведет к разрушению дисциплинарной структуры науки. Развитие современного естествознания, с одной стороны, и развитие исследований в области гуманитарных наук – с другой позволяют пересмотреть многие привычные представления о взаимоотношении наук двух типов и сформулировать новое представление об отношении наук к знанию, вере, деятельности, пониманию. Речь идет, например, о таком современном феномене, как взаимодействие в рамках когнитивной науки естественных наук (нейронауки), лингвистики и философии

[15]. И синтез наук должен состоять в том, чтобы они, обмениваясь информацией, помогали друг другу, а не подменяли одной наукой другую, чтобы затем спорить, что важнее.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что сегодня является очевидным, что идеи тех работ, посвященных месту и роли гуманитарного знания в сфере науки, которые были созданы философской мыслью конца XIX – начала XX в., явно нуждаются в уточнении. Потребность в подобной научной ревизии определяется целым рядом обстоятельств и, прежде всего, изменением самого общества и научного знания. Безусловно, что различия между данными типами наук всегда будут существовать, кроме того, есть серьезные отличия и в самом естественнонаучном познании, например, между геологией и физикой, и в гуманитарных науках, например, между историей и психологией. Таким образом, процесс дифференциации научного знания продолжается непрерывно, возникают новые научные дисциплины с новыми механизмами, обеспечивающими рост и развитие соответствующих эмпирических и теоретических знаний.

Примечания

1. Порус В. Н. Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 74–75.
2. Юлов В. Ф. История и философия науки: учеб. пособие. Киров, 2007. С. 9–30.
3. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М., 1992. С. 180–200.
4. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 117.
5. Степин В. С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты) // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 6.
6. Фурье Ш. Избр. соч. М.; Л., 1951. Т. 1. С. 83–108.
7. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология XX век. Антология. М., 1995. С. 72.
8. Федотова В. Г. Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2007. № 6. С. 61–65.
9. Аверинцев С. С. Символ. М., 1972. С. 327.
10. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 362.
11. Федотова В. Г. Указ. соч.
12. Там же. С. 62.
13. Мамчур Е. А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания: к дискуссиям в современной постпозитивистской философии науки. М., 1987. С. 65.
14. Ленк Г. К методологической интеграции наук с интерпретационистской точки зрения // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 50.
15. Лекторский В. А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 38.

УДК 165.242.2

Е. А. Счастливецва

О ПРИРОДЕ ПОНИМАНИЯ. К ВОПРОСУ О ПОЛЕМИКЕ Г. ШПЕТА И В. ДИЛЬТЕЯ

Статья раскрывает основание различия концепций Густава Шпета и Вильгельма Дильтея. Философы по-разному относились к природе понимания. В философии Шпета оно интуитивно, но вместе с тем связано с интерпретацией, идущей от основания вещей, поэтому понимание здесь носит объективный характер. У Дильтея вопрос о природе понимания сводится к описанию психических переживаний людей в герменевтическом круге отношений перехода от части к целому, и наоборот.

The article reveals the basic distinctions of Gustav Shpet's and Wilhelm Dilthey's conceptions. The philosophers treated the nature of understanding differently. In Shpet's philosophy, intuitional understanding is bound with interpretation of the object's basis. Dilthey reduces the problem of understanding to describing human mental experience in the hermeneutical circle of relationships of the part and the whole.

Ключевые слова: понимание, интуиция, Г. Шпет, В. Дильтей, причинность, мотив, цель, отношение.

Keywords: understanding, intuition, G. Shpet, W. Dilthey, causality, motive, aim, relation.

Проблема понимания в русской философии была обозначена еще в философии Памфила Юркевича и впервые раскрыта Василием Розановым. У Розанова мы найдем много идей, схожих с идеями В. Дильтея. Г. Шпет рассматривал понимание в традициях феноменологии, и у него был свой взгляд на данный вопрос, когда он связывал понимание и объяснение. Тем не менее как раз и обнаруживается еще одна точка соприкосновения философии Шпета и Дильтея. Феноменология, как и учение Дильтея, признает такой феномен, как описание, в котором находит отправной момент для понимания жизненного мира. Ранее Brentano работал в рамках дескриптивной психологии, в которой его волновала проблема «ясной идентификации предмета и основных разделений феноменов» [1]. Много лет назад Милль указал на то, что «описать нечто значит утвердить связь между этим нечто (отдельной вещью) и всякой другой вещью, которая обозначается или коннотируется посредством любого из использованных терминов» [2]. Шпет также уделяет внимание проблеме логического описания действительности, под которым скрывается феномен объяснения. Что собой представляет логическое описание действительности? В связи с этим вопросом изложим нашу точку зрения на проблему понимания и обоснуем противоречия, которые лежат в основаниях концепций Шпета и Дильтея.

© Счастливецва Е. А., 2009

У Шпета понимание и интуитивно, и объективно, и связано со смыслом. «Концепция Дильтея не предусматривает никакой чистой интуиции, которая бы имела характер непосредственного знания» [3]. Можно ли сказать, что в основе понимания лежит интуиция смысла, интуиция гармонии? Мы считаем, что этот тайный смысл был заложен еще философией Дильтея, у нас – Василием Розановым, который полагал, что понимание – это движение интуиции к гармонии. Похожий тезис выдвигает и феноменология. В концепции Густава Шпета интуитивное понимание выглядит несколько иначе. Он разбивает смысл на логику, на части, тогда, как кажется, смысл захватывается целиком. Заслуга Шпета, может быть, видится как раз в том, что он раскрывал механизм «быстрой» интуиции, но может оказаться и так, что интуиция интересна именно своей мимолетностью.

Разбивание смысла на его составляющие части было проделано Шпетом благодаря принятию идеи логического восприятия и философии Хр. Вольфа. Понимание философ связывает с объяснением, оно и возможно благодаря объяснению. Объясняя какое-нибудь явление, мы можем полагаться не на понимание его смысла, а на постижение причинной цепи, которой вещи связаны друг с другом, и эта связь объективна. Понимание же в какой-то мере и субъективно. Смысл субъективен здесь в том роде, что зависит от контекста и уровня воспринимающего субъекта. Контекстом может выступать исторический процесс, эпоха, кусок текста, понятие и т. д.; не может быть объективных смыслов, тогда как причинно-следственные связи во многом однородны, так как зависят от объективных вещей и уровня науки, постигающей эти вещи как явления. Причинные связи в социальных науках не образуют смысла явлений сами по себе, безотносительно субъекта, а выражают события и обстоятельства в их взаимодействии. Правило предустановленной гармонии (в современном понимании корреляция) действует и здесь: словесно можно выразить любую каузальную связь. Однако смысл зависит от многих субъективных факторов: понимания целей, мотивов, способностей и т. д. Тем не менее объяснение в социологии по своей социальной природе во многом смыкается со смыслом. Несмотря на то что социальные отношения можно рассматривать как вещи (концепция Дюркгейма), многие факторы требуют субъективного понимания. Эти факторы психологичны по своей природе, в то же время не следует смешивать субъективную природу понимания с субъективностью психических проявлений тех или иных групп индивидов, которых можно изучать в рамках этнологической науки, наблюдая за коллективными проявлениями психики в тех или иных общественных ситуациях.

Понимание, по Шпету, не обходится без объяснения, основу которого составляют причинные связи явлений, даже коллективное сознание, в основе которого лежит типическое, можно объяснить, исследуя типическое как своеобразную вещь в ее взаимосвязи с другими вещами. Типическое объективно наряду с другими явлениями, в типическом происходит объективация субъекта. Само понимание возможно только как теоретическое осмысление чего-либо, поэтому оно объективно, поэтому и смысл, поскольку зависит от логического восприятия контекста, объективен. Логическое восприятие объективно в том смысле, что коррелятивно отражает каузальную действительность, а потому объективно, как объективны каузальные связи вещей.

В целом в феноменологии понимание интуитивно, и смысл интуитивно «схватывается», но субъективен или объективен он, однозначно сказать сложно. Поскольку смысл и значение не разводятся, есть основания полагать, что смысл, скорее всего, объективен, как связанный с предметом, в то же время интуитивное «схватывание» указывает прямо на противоположную субъективную сторону, поскольку интуицией обладает субъект. Однако есть ведь и эйдетическая «интеллектуальная интуиция», о которой говорит Шпет [4], присущая трансцендентальному субъекту, она выходит за рамки субъективного восприятия.

Теперь обратимся к философии Дильтея, так как она была подвергнута критическому анализу со стороны Шпета. Философию Дильтея можно рассматривать как философию гармонии и художественного образа, философию «жизни и понимания», как «реалистическую или критически объективно направленную».

Шпет всюду применяет свой «феноменологический» метод, используя его то в качестве средства критического анализа разделения наук на науки «о природе» и науки «о духе», то в качестве не менее критического анализа «логики» и «психологии» в гуманитарном познании. Полагая основой понимания объяснение, он находит у Дильтея тот фундамент, на котором покоится его собственная философия понимания. Этим фундаментом является постижение смысла в самих жизненных проявлениях путем удачно схваченной и понятой коррелятивности самих явлений нашему восприятию этих явлений в сознании. Жизненные факты прямо коррелятивны сознанию, воспринимающему их. Нужно найти общую основу, логически объясняющую все проявления сознания в нас, тем самым будет заложена теоретическая, а не психологическая основа всякого знания вообще. Этим логическим основанием Шпет называл отношение к вещи, или социальный взгляд на природу любого знака. Этот взгляд предполагает уникальный опыт какого бы то ни было коллектива или группы. Вот почему ему так важно

было проявление типических черт коллектива, в которых только и содержится «объективное» знание действительности.

Однако объяснение необходимо связано с пониманием. Понимание предполагает «указывание значения названий, входящих в описание, их смысла и цели», оно необходимо требует интерпретации (т. е. объяснения) [5]. Основная наука должна быть толковым словарем для наук, логически объясняющим происхождение «корней». Только Дильтей выстроил это здание на психологическом фундаменте, поскольку в его глубине лежат психологические переживания и восприятия жизни.

Избежать психологизма можно следующим образом. Сознание обладает феноменом коррелятивности, когда нашему восприятию соответствует причинно-действенное положение вещей. То, что в природе все взаимосвязано и каждая вещь находится в причинном отношении с другой вещью, доказано еще Вольфом. Этой концепцией и концепцией Дильтея вооружается Шпет, причем у Дильтея закон коррелятивности выражен с предельной ясностью, вопрос только в «жизненности» его философии, в которой просматривается линия психологизма.

Причинная связность вещей, или каузальность, действительно, может служить логическим (достаточным) основанием для объяснения социальных явлений, поскольку все они рассматриваются как вещи (концепция Дюркгейма). Поэтому исследования исторического процесса, социальных наук становится, в конечном итоге, уделом логики: работа Шпета так и называется «История как проблема логики».

Дильтей все более склонялся в сторону описательной феноменологии Гуссерля и постепенно терял связь с предметностью и логикой. Шпет полагал, что, рассматривая социальное поведение в группе или группы как социальный факт, вещь, к изучению этого явления можно применить обычную причинную схему. Поскольку поведение – это своего рода деятельность, то она имеет мотивы, цели, задачи и т. д. Вот тут, однако, начинаются трудности. Очень сложно порой понять истинные мотивы и цели тех или иных социальных групп или отдельных людей. В пучке взаимосвязей поведения различных индивидов и их групп рождается истина, но распутать этот клубок – дело совсем не шуточное. Историк, как и писатель, должен обладать профессиональной интуицией, помогающей ему находить самые приемлемые объяснения для той или иной проявившейся ситуации. Хороший математик также обладает интуицией, которая помогает находить верные решения в, казалось бы, неразрешимой ситуации. Интуиция – это загадка мозга, но она есть и помогает в самых неожиданных случаях. В этом также и загадка профессионализма.

С другой стороны, поведение человека не всегда можно рассматривать только как социальный факт, или вещь. Жизнь человека эмоционально нагружена, и здесь слишком сложно, да и не нужно избегать психологического рассмотрения вопроса. Шпет понимал это, и поэтому дальнейшие его взгляды касались и области психологии. Его концепция о слове является тому подтверждением: слово эмоционально нагружено. Но и здесь философ отделяет зерна от плевел. Чтобы понять смысл значения слова, нужно отбросить словесную экспрессию и взяться за логическую структуру слова и контекст. Психологии, душевным переживаниям, таким образом, отводится минимальное место, хотя полностью они не отрицаются. Все усилия Шпета концентрирует на предметности, логике, с которыми связывает постижение смысла значений, истины и понимания вообще, т. е. с объективностью, в рамках которой может происходить и «объективация субъекта», если в этом есть особая необходимость.

Еще одним моментом в концепции Шпета является связь с герменевтикой. Уже Дильтей наметил контуры этого метода, однако они нуждались в дальнейшей разработке. Герменевтический метод непосредственно связан с проблемой понимания: может ли единичное подняться до понимания общего? Как возможно познание чужой индивидуальности? Понимание бывает различным и зависит от интуиции.

Шпет не совсем прав, когда указывает, что Дильтей дает не очень богатую программу для развития герменевтики. Связь целого и части в концепции Дильтея уже сама по себе замечательная в том роде, что раскрывает смысл работы с контекстом, текстом вообще, что способствует внутреннему пониманию. Чтобы перевести это внутреннее понимание субъектом смысла во внешнее понимание, нужна интерпретация, истолкование текста на его логику, т. е. причинное понимание того, о чем текст. Однако вопрос именно в том, возможно ли объективное истолкование текста. Не будет ли предложенное толкование содержать субъективную оценку, оставшуюся от внутреннего понимания смысла? Чтобы оградить себя от подобных опасений, Шпет предлагает свою программу, основанную на логическом методе (объективной причинной связи вещей). Приведем пример подобного понимания.

Если мы обращаемся, допустим, к наблюдению, мы просто ищем известных отношений между физиологическим и психическим: когда я слышу, что, когда я сделал гримасу, мне было весело, я на самом деле понимаю не психофизический факт, а социальный, то есть передо мною существо, связанное со мною и с другими социальными узлами. Сам же психофизический факт в моем понимании не нуждается: я уже вижу то, что я вижу. Но проблема остается там, где я

должен отделить мое понимание (которое есть тоже социальный факт) от того, что я понимаю. Понимание может быть только там, «где мы имеем дело со *знаками*, так или иначе выражающими действительную вещь», но «наличность психофизического факта здесь *открыта без помощи моего понимания*» [6].

В социальных науках источником понимания являются сообщения других лиц. Психология же находит свой источник познания также и в глубинах собственного «я». Отсюда ясно, что социальные науки должны иметь свой особый метод познания, отличный от методов психологии.

Вообще любая наука возможна благодаря своему предмету, любой же предмет можно изучать как вещь, как знак, например, душу. В этом, как нам кажется, суть концепции Густава Шпета. Однако, работая с текстом, полезно применять и чисто эвристический метод Дильтея (о соотношении части и целого), разработанный впоследствии Гадамером. Этот метод весьма важен для исследования.

Для Дильтея понимание является особым источником познания. Он писал по этому поводу, что когда оно «проникает за пределы “знаков”, оно улавливает не только психическое, но и то, что не может изучаться психологией, не вмещается в ее рамки, но подобно ей не имеет истории» [7]. Речь, очевидно, идет о смысле. Он не может изучаться психологией и очень часто выходит за рамки исторического процесса. Понимание, таким образом, связано со смыслом. Однако Дильтея ошибался, называя понимание особым источником познания. Он думает, что интерпретация (под которой Шпет и обнаруживает понимание) непосредственно связана с предметом исследования. При этом если речь идет об *общем*, то определение предмета и формы должно быть совершенно общим, под которое должны были быть подведены все «частные» носители знаков, потому что только при этом условии можно говорить об определенном *бытии* вещи или объекта. Понимание выступает как орудие исследования, когда мы определяем характер источника, но не самого объекта в его бытии [8]. Короче говоря, если я вижу дом, то мне совершенно не нужно его понимать, поскольку он весь передо мной на виду, но если я читаю о доме в книге или слышу о нем от кого-нибудь, то это совсем другое дело. Опираясь на феноменологический анализ объектов восприятия, Шпет определяет «духовное» как некий знак, манифестацию, обнаружение». У него духовный элемент также подлежит объективированию, как и прочие вещи. Все эти элементы философ называет «знаками» нашего восприятия, а значит, все они подлежат логическому исследованию на причинность. Так он понимает процесс интерпретации (объяснения), или само «понимание» текста. Он хочет определить *форму* бытия «знаков». Понимание выступает только тогда, когда имеет место объясне-

ние, для которого необходим онтологический анализ [9], «необходимо построение, логика исторического предмета», возможные только на базе самой действительности, действительного бытия. Здесь мы подошли к труднейшему вопросу: как в зависимости от предмета конституируется наука со всеми ее методами и приемами? В общем-то, это и было задачей самого Шпета. Возникает другой вопрос: какую же роль в таком построении играет феноменологический анализ? Именно он и разделяет логическое и психическое. Он берет предмет в его логической сущности, т. е. в причинной связи с другими предметами. Заметим, что для Гуссерля феноменологический анализ есть в конечном итоге «схватывание смысла» в процессе восприятия предмета, в результате которого нашему восприятию «является» смысл. Насколько точен этот смысл, зависит от «интуиции» восприятия.

«Феноменологическое исследование», как его определил сам Дильтей, – это был путь «предметной аппрегензии». Переживания субъекта при таком подходе направляются на предметы действительности в их взаимосвязи. Соответственно этот путь служит объективации действительности и, на самом деле, очень похож на метод Шпета, тем более что логика восприятия у Дильтея коррелятивна действительности. Тем не менее Шпет убежден в том, что Дильтей оперирует только с пониманием и только в сфере психического. Его чистое «понимание» пребывает в сфере эвристики и не может считаться научным объяснением, считал Шпет. Дильтей не смог объяснить механизм «понимания», его онтологической основы, говорил он. Приступая к определению формы бытия предмета наук о духе, Дильтей, по мнению Шпета, имел в виду только идеальную связь наук о духе и резюмировал это следующим образом: «Эта связь покоится на отношении переживания и понимания, а в последнем получается три главных положения. Расширение нашего знания за данные в переживании совершается через истолкование объективации жизни, и это истолкование, со своей стороны, возможно только из субъективной глубины переживания. Точно так же понимание единичного (Singularen) возможно только благодаря наличности в нем общего (generellen) знания, и это общее знание имеет опять свою предпосылку в понимании. Наконец, понимание части исторического хода достигает своего совершенства только благодаря отношению (Beziehung) части к целому, и универсально-исторический взгляд (Iberblick) на целое предполагает понимание частей, которые в нем объединены» [10].

Герменевтика находит применение исключительно как метод интерпретации текста, тогда как у Дильтея само социальное явление может быть рассмотрено как целое, а отдельные социальные группы – как части этого целого. При этом отсутству-

ет определение формы исторических объектов, их общее логическое (достаточное, причинное) основание, объяснение носит в целом описательный характер, полагает Густав Шпет. В то же время исключительность самого герменевтического метода как метода соотношения целого и части в их совместном понимании и характер описания по типу корреляции сознания и действительности позволяет Шпету строить собственное концептуальное поле, опираясь в дальнейшем на работы Дильтея.

Примечания

1. Штигельберг Г. Феноменологическое движение. Историческое введение. М., 2002. С. 51.

2. Там же. С. 653.

3. Плотников Н. С. Антропология или история. Полемика Г. Г. Шпета с В. Дильтеем по поводу оснований гуманитарных наук // Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. М., 2006. С. 179.

4. Там же. С. 177.

5. Шпет Г. Г. История как проблема логики. М., 2002. С. 847–848.

6. Там же. С. 883.

7. Там же. С. 895.

8. Там же. С. 896.

9. Плотников Н. С. Антропология ... С. 174.

10. Шпет Г. Г. История ... С. 905–907.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1.:316(045)

О. А. Штайн

МАСКА В АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

По мнению исследователей, маска располагается в сфере, где обитает противоречие видимого/невидимого, имманентного/трансцендентного, истинного/ложного. Возникнув в древности, выдержав ряд метаморфоз, она существует в современном мире, являясь частью социальной реальности.

The mask is the problem of not only anthropology, but of social philosophy as well, when we study human interaction in social context. Mask as a social phenomenon of everyday life is a product of expression and bodily representations of human personality.

Ключевые слова: дискурс, знак, интенциональность, интерсубъективность, коммуникация, маска, манифестация, мифологизация, тело.

Keywords: discourse, sign, intentionality, intersubjectivity, communication, mask, manifestation, mythologization, body.

Маска – древнейший феномен, представляющий интерес как для истории, так и для социально-философских исследований коммуникации.

Маска – это не только то, что мы видим на лицах участников древних обрядов, она, как особый образ, присутствует в самых разных формах коммуникативных отношений, где делается проблемой отношения «своих/ чужих», «веры/неверия», «захвата/защиты», «близости/дали». Как и в древности, маска располагается на границе тайны и яви, скрытого и открытого.

Современный человек вовлечен в процесс массовой коммуникации, потребляет поток сменяющих друг друга образов, каждый из которых не только предьявляет, но и скрывает (маскирует) реальность.

Коммуникативное поведение выражает себя в речевых высказываниях и в выразительных манифестациях. Человек предьявлен в коммуникации текстуально и телесно: через речь, нормированную внешность и нормированное поведение. Социальные установки данного исследования лежат в основе дифференциации «правды» лица и «лицемерия» маски, но только при их наличии возможно говорить о существовании социального порядка.

В классической парадигме философствования было распространено признание главенствующей роли языка и знака в человеческой рациональности. При этом язык рассматривался в том значении, в каком его понимает лингвистика и основанная на классическом языкознании семиотика. Ведущая роль в процессе познания признавалась за вербальным языком, другие средства человеческой выразительности исследовались в меньшей степени. Об этом свидетельствует их именование – «невербальные», [1] где отчетливо звучит первичность и приоритетность вербальной коммуникации. Картезианская дихотомия души и тела оправдывала существование коммуникации на уровне рационального сознания. Но в условиях кризиса классического подхода произошло понимание того, что человек в мире – это не только «душа» или «сознание», человек – это телесное существо. Происходит расширение панорамы коммуникативных средств, включающих все системы воплощенной чувственности человека, складывающейся и влияющей на ход общения.

Поскольку феномен «маски» – одна из проекций социальной коммуникации, то его определение зависит от общей канвы понимания соотношения вербальных и невербальных аспектов коммуникации. В теории классической рациональности Р. Декарта [2] коммуникация свершается на уровне рассуждения («разумной души»), в теории коммуникативного разума Ю. Хабермаса роль законодательного разума значительно снижается, коммуникация свершается, когда «встречаются говорящий и слушатель и взаимно выдвигают притязания на то, что их выражения и мир согласуются друг с другом» [3]. Коммуникативные средства реализуются в выразительности тела и лица как способе манифестации человека в обществе.

Феноменологическое направление позволяет рассматривать человека в его чувственности и телесности, а понятия «телесность», «лицо» и «маска» определять через социальные отношения людей, установленные в жизненном мире. Жизненный мир, определяющийся как осознанный – «жизнь в актах сознания», наделяется смыслом в ходе интенциональной жизни людей посредством «интерсубъективного опыта», т. е. «универсальной социальности, общего пространства всех Я-субъектов» [4].

Интерсубъективность указывает на внутренне присущую сознанию людей социальность (мир пе-

реживается человеком как общий для него и для других), что приводит мысли людей в единое смысловое поле, обеспечивая общность восприятия и понимания мира. Окружающий индивида мир коммуникативен, поскольку в нем возникают отношения взаимного согласия на уровне сознания. Феноменологическая позиция дает возможность представить «маску» в качестве опыта сознания и переживания индивида. Способность речи и способность видения позволяют человеку конструировать образ мира и Другого в нем. Поэтому феномен маски в социальной коммуникации воспринимается в единстве вербальных и невербальных аспектов.

Вербальные аспекты коммуникации выполняют денотативные (функции обозначения) и сигнификативные функции (устанавливающие связь произнесенного слова с универсальными общепринятыми понятиями) [5]. Невербальные аспекты коммуникации выполняют преимущественно манифестативные функции – функции выражения желаний и верований индивида. В манифестации личность «выказывает» себя – это проявляется в интонациях речи, позах, выражении лица, взгляде, мимике. Невербальные аспекты коммуникации выражают веру и желания, манифестируя человеческую субъективность. Манифестация человека является частью общественно доступного институционального комплекса. Участвуя в социальном взаимодействии, люди берут на себя обязательство по его поддержанию. Индивидом при исполнении ролевой позиции фиксируется устойчивый образ себя, предлагаемый в данном фрейме общественной жизни. Каждый, поступаясь непосредственными чувствами и реакциями, будет придерживаться того видения ситуации, которое хотя бы временно окажется приемлемым не только для него, но и для остальных.

Желания и верования выстраивают модель ожидаемого от индивида поведения, непосредственно связанного с исполняемыми социальными ролями и статусами. Вербальные и невербальные аспекты коммуникации не только выражают форму и содержание культурной традиции, но и являются способом символизации общей социальной деятельности, реализуя функцию символического регулятора социальных связей и связанных с ними поведенческих тактик.

Вербальные и невербальные аспекты коммуникации образуют разные стороны ее дискурсивности. Будучи стереотипно воспроизводимыми, они служат действиями, поддерживающими трансляцию санкционированного коллективного опыта. Влияние специфических кодов превращает окружающий мир в матрицу значений. Личность согласует свое поведение с системой значений, организуя опыт переживаний и устанавливая социальную тождественность индивида. Индивид предъявляет

себя обществу как представитель определенной социальной группы.

Перформативный характер коммуникации позволяет рассматривать индивида в терминах власти, где власть понимается как «власть языка» [6] или власть социальных дискурсов. Индивид является зависимым от знаковых систем, функционирующих до его рождения. Условием включения индивида в социальную реальность является вхождение субъекта в социальный дискурс. Социальные дискурсы посредством используемого в коммуникации характерного набора знаков задают границы манифестации индивида. Другой как адресат коммуникации маркирует индивида, классифицируя его поведение и внешность. Социальные дискурсы являются для индивида социальным зеркалом, отражающим его место в социальной реальности. Индивид обнаруживает себя включенным в социальную реальность не непосредственно, а через множество связей, существующих между различными полями социальных дискурсов.

Визуальные аспекты сообщения проявляют себя как в массовой коммуникации, опосредованной через социальные институты, так и в межличностной (общение Я-Другой, Я-Я – автокоммуникация). В результате общения Я-Другой формируется единое коммуникативное пространство – пространство пересечения вербального и невербального, молвного и безмолвного. Образ как продукт воображения Другого имеет своим основанием сигналы, данные Другому через визуальное и аудиальное восприятие. Эти сигналы образуют единство дискретного и континуального. В соответствии с ними выстраивается определенная модель ожидаемого от индивида поведения. Если оно не соответствует ожиданиям, то его поведение будет квалифицировано как демонстративное, лишенное искренности, лживое. Именно с такими характеристиками обычно связывают эффект «маски». В процессе коммуникации и автокоммуникации люди сталкиваются с тайной, глядя на себя глазами Другого и оценивая себя с позиции Другого.

Образ зеркала является доминирующим в западноевропейской культуре: зеркало как отражение, самоотражение, как саморефлексия. Е. Барбанов в своих исследованиях прибегает к метафоре зеркала и окна для обозначения оптико-визуальных кодов культуры. Западная культура характеризуется метафорой зеркала как способности посредством отражения обнаруживать невидимое для глаз зрителей, создавать другую реальность по отношению к прямому визуальному пониманию. В западноевропейской культуре зеркало и его «отражательная способность» [7] обозначали уникальную возможность преодоления оптической ограниченности человеческого глаза, позволяя показать невидимое.

В русской культуре метафора зеркала находится на периферии: в русской словесной традиции «зеркало» родственно словам «зреть», «зоркий», «зрак» – лицо, изображение, образ, зрачок. В художественной и православной русской литературе образ зеркала выступает в качестве «магического окна» в потустороннюю действительность. Главным является образ окна: через него сияет свет божественный и свет истины. Иконописец в русской традиции является не мастером, создавшим полотно и изобразившим запредельное, а тем, кто приоткрыл завесу тайны, – открыл окно [8].

Маска – древний феномен. Она появляется в архаике. История человечества начинается с осознания непохожего и непредсказуемого Другого. Страх перед захватом со стороны Другого довлел над человеческим миром, ввергая человека в опасения быть поверженным. К. Леви-Брюль, рассуждая о первобытных коллективных представлениях, приводит в пример признание эскимосского шамана Ауа Книду Расмуссену: «Мы не верим, мы боимся» [9].

«У захвата древнее лицо», – пишет В. Библихин [10]. Видя в Другом соперника, первобытный человек наделяет природу антропоморфными деятельностными характеристиками, обращаясь к ней как к Другому. Овладение территорией можно назвать ритуальным воспроизведением: «наше» значит «сотворенное» заново. Тело человека в древности сравнивали с микрокосмом, его нужно было освятить, то есть освоить. Поэтому древний человек окрашивал свое тело в цвет зверя-тотема, подводил глаза, брови, подпиливал зубы, выводил на теле изображения тотемных животных, делал черточки и пятна, татуировался, красился кровью, ягодами и глиной, умащался жиром и покрывал себя пухом и перьями, шкурами зверей, всем тем, что делало из него человека-птицу, человека-зверя или человека-степь. Происходило его первое преобразование.

Маска первоначально является атрибутом ритуальных церемоний, повторяющих и воссоздающих мифологический опыт. Маска – герой визуального предъявления, связанного с тайной. Священное является тайным, так как остается бесконечно непостижимым. Маска ритуальна, она манифестирует себя, обращаясь не просто к Другому, а к богам (сакральным силам), и закрывает индивида в ней не просто от Другого, а от злых сил. Архаическая маска наделяла человека магической силой, которая позволяла участвовать в процессе воссоздания священного. Маска – способ сакрализации, в ней человек предстает Вечности, когда она возвращается. Выделение лица в качестве социально предписанного топоса для древнего человека еще не было характерно, поэтому экспрессивной выразительностью наделялось все тело. Человек в маске воспринимался как Другой. Ока-

зываясь в маске, он присваивал себе коллективное лицо (это не индивид, а коллектив взывает к богам, это не индивид, а коллектив производит жертвоприношение).

В Новое время ритуализация поведения человека отнюдь не ослабевает. Маска становится манерой поведения и новой формой самосознания. Люди начинают разделять реальность на общественно данную (этикет и регламент) и индивидуальную. Регламентация поведения индивидов как новая форма социального маркирования рафинировала манеры поведения, требуя от людей их исполнения. Со сменой социальной обстановки власть церкви переходит ко Двору и становится светской. Она по-прежнему нуждается в механизмах принуждения, регулирования и дисциплинирования поведения человека. Меняется прежнее отношение: мир оказывается погрязшим не в грехе, а во лжи (религиозный вокабуляр меняется на светский). Ложь заполняет мир, переполняет человека. От неё как от греха нужно уходить, но признавать её существование необходимо (как ранее человеку было необходимо признавать существование высшей божественной инстанции).

В Новое время мир и человек предстают под маской ложных обликов. Признание окружающего мира в качестве искусственного и лицемерного побуждает Ф. Ларошфуко [11] использовать понятие «маски» с позиции моралиста. Оценочный подход к изучению феномена маски оппозиционирует позитивное и негативное, светлое и темное, истинное и ложное. С такой точки зрения, условно «сорвать» маску с лица человека возможно, как возможно узреть и настоящее (истинное) в нем. Оценочные суждения истины/лжи, правды/неправды наделяют маску Нового времени негативными качествами.

Согласование и исполнение нескольких ролей вызвало у человека необходимость взаимокорреляции внешнего принуждения и самоконтроля, что способствовало становлению его самосознания. Человек начинает видеть в себе наблюдателя и наблюдаемого (актера и зрителя), определяя себя в качестве объекта (Я в центре внимания других) и субъекта (Я сам исследую и заставляю других подыгрывать ситуации). Объективно данное Я подчиняется требованиям этикета, общества, выступая марионеткой в сценарии куртуазной культуры. Субъективно данное Я может иметь отличную от поведенческих установок точку зрения. Мифологизация области призрачной свободы, в которой Я независимо, давало человеку Нового времени основание говорить, что маска скрывает истинное лицо. Маска как артефакт являлась условным языком, скрывающим истинное знание о мире. Мотив маски раскрывается в творчестве Ф. Ларошфуко [11] через такие сравнения, как «напустить вид», «надеть личину», «утаить»,

«фальшь», «уловка», связанных между собой негативным контекстом.

Маска в современном мире – это преобразования человеческой телесности. М. Фэзерстоун [12] говорит о «модифицированном теле» – теле современного человека, подвергающегося преобразованию с помощью технических средств. Тело демонстрируется в огромных количествах изображений, его подвергают татуированию, обрезанию, скарификации, протезированию, наращиванию объемов. Его изменяют с помощью химических препаратов, хирургического вмешательства, гимнастики, бодибилдинга, анорексии, диет и голодалий. И дело не только в том, что постиндустриальное общество всеобщего потребления часто находится в состоянии непрерывного карнавала. Исследователи говорят о том, что рано или поздно многие профессиональные сферы деятельности потребуют изменений человеческого тела. Возможное повсеместное внедрение в повседневную жизнь человека самоуправляемых транспортных средств, систем мультимедиа, компьютеров будет способствовать формированию нового человеческого тела со встроенными системами, заменяющими и активизирующими функции внутренних органов, поверхностей тела, органов восприятия.

В. Беньямин описывает современное общество как потребляющее зрелища и материальные блага. Метафора «спектакля» [13] акцентирует внимание на визуальном аспекте коммуникации между людьми. Современное общество по своей сущности является зрительским. Символом нового порядка становится экран.

Интенсивный поиск новых форм, способных преодолеть границы национальных и этнических традиций, приводит к появлению универсального языка коммуникации. Речевые средства общения обнаруживают при этом очевидные ограничения. Визуальные образы – напротив, преимущества, поэтому кинематограф, телевидение стали выступать движущей коммуникационной силой. В такой ситуации закономерно появление культуры перформанса – результата не столько сближения культурных практик и форм, сколько поиска зрелища, находящегося вне языковых барьеров, поскольку современный мир поликультурален, полирелигиозен и полиэтничен.

Характеризуя современную ситуацию, можно говорить о процессах распада «Я» на множественность масок, чему в подтверждение понятие Делё-

за [14] «Себя» (soi), употребляющееся во множественном числе, напоминающее маски, которые человек примеряет к себе. Отсюда возникает перспектива, что за маской мы не обнаруживаем лица, маски скрывают лишь другие маски. Современный человек является включенным во множественные дискурсивные поля, и каждое из них предполагает применение характерных знаковых средств.

Процессы усложнения отношений власти в обществе, деиерархизации, урбанизации, новые способы проведения в обществе социальных и культурных границ, отход от традиционно понимаемой этничности приводят к тому, что маска из достаточно локального аспекта межличностной коммуникации превращается в феномен массовой социальной коммуникации. Происходит расширение поля того, что именовалось маской, мы сталкиваемся с ее метафоризацией. Из мира экстраординарного она перешла в область повседневного и в область виртуального, являясь условием включения индивида в определенный социальный дискурс, являясь знаковым средством невербальной и вербальной сфер коммуникации.

Примечания

1. Мерло-Понти М. Знаки. М.: Искусство, 2001. С. 112.
2. Декарт Р. Страсти души // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 534.
3. Хабермас Ю. Вовлечение другого // Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. С. 245–249.
4. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Минск: Харвест; М.: Аст, 2000. С. 680.
5. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 414.
6. Барт Р. Избранные произведения. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 423–518.
7. Барабанов Е. Зеркало и окно: художественные авангарды Запада и России: различия оптиковизуальных кодов // Klinamen.com.
8. Флоренский П. А. Иконостас. М.: Искусство, 1995. С. 245.
9. Леви-Брюль А. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. С. 400.
10. Бибихин В. Свое, собственное // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 71–81.
11. Ларошфуко Ф. Максимы. М.: Изд-во АСТ, 2004. С. 103.
12. Featherstone, Mike. Body Modification: An Introduction // www.Klinamen.com.
13. Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Klinamen.com.
14. Делез Ж. Логика смысла. М.: Изд. центр «Академия», 1995. С. 221.

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 101.1:316

И. В. Пащак

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ Х. ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА О СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья представляет собой обращение к философии культуры Х. Ортеги-и-Гассета. Рассматриваются причины и сущность кризиса европейской цивилизации начала XX в. Большое внимание уделено взаимоотношениям массы и элиты в обществе. Анализируется феномен «массового человека».

The article appeals to Ortega-y-Gasset's philosophy of culture. The author considers the causes and essence of the European civilization crisis in the beginning of the 20th century. The author pays attention to the relations between masses and elite in the society. We can find there the analysis of the phenomenon of "a mass-man".

Ключевые слова: современная европейская культура, кризис, масса, элита, «массовый человек», творчество.

Keywords: modern European culture, crisis, mass, elite, "a man of the mass", creative work.

Наша статья посвящена разбору, интерпретации известной работы Хосе Ортеги-и-Гассета «Восстание масс». Обращение к этой работе не случайно, оно имеет веские основания. Во-первых, нашу статью можно рассматривать как небольшое историко-философское исследование. Талант и заслуги Ортеги перед философией признаны в кругах интеллигенции, произведение «Восстание масс» считается уже классическим и, тем не менее, удовлетворительный анализ его социальной концепции отсутствует в научной литературе. Мы находим здесь, в основном, краткие ссылки и общие замечания. Поэтому возникает желание как-то восполнить этот пробел.

Во-вторых, наш интерес к наследию Ортеги-и-Гассета может быть оправдан с точки зрения социально-философской проблематики. Человек, общество, культура, история – вот те вопросы, которые находятся в горизонте рассмотрения, в центре внимания испанского философа. Он вскрывает социальные противоречия, имеющие место в европейской цивилизации, показывает сложный характер взаимоотношения между массой и элитой. На наш взгляд, данные проблемы не изжиты и в со-

временном обществе, и это обстоятельство требует от нас работы мысли и поиска решений. Хосе Ортега-и-Гассет как интеллектуал и человек далеко не равнодушный к проблемам современного общества и культуры в своем сочинении «Восстание масс» пытается разобраться в сложившейся в Европе ситуации и указать причины, вызвавшие кризис. В 30-е гг. XX в. европейская цивилизация находилась в состоянии тяжелой «болезни», отмечался упадок во всех сферах: экономической, социальной, культурной. Ортега четко фиксирует негативные тенденции в этих сферах и ищет пути их преодоления. Испанский мыслитель понимает кризис как переход к новой социальной реальности, этот переход достаточно болезненный, но необходимый, он выражает собой историческую закономерность. Во многом в схожей ситуации находится и современная европейская культура начала XXI в., во многом схожие негативные тенденции в различных сферах. И в данном случае наша статья – это обращение к историко-философскому материалу (наследию Ортеги-и-Гассета) ради разрешения жизненных, актуальных проблем современной эпохи.

Своими научными задачами мы считаем рассмотрение характерных черт современной европейской культуры, выделяемых испанским мыслителем, и разбор проблемы социальных отношений (главным образом, это проблема взаимоотношений между элитой и массой).

Работа «Восстание масс» написана Ортегой в далеком 1930 г. Тем не менее, на наш взгляд, она сохраняет свою актуальность, значимость, злободневность, это и определяет наш интерес к ней. Человек и общество, проблема их взаимоотношений, сущность и направленность европейской культуры, феномен стандартизации в жизни и искусстве, современное состояние морали – вот те ключевые вопросы, которые поднимаются Ортегой, и не только поднимаются, но и подвергаются тщательному исследованию и оценке. Жизненная сила и энергия, способность к творчеству, способность осуществлять свободный выбор – это необходимые характеристики современного человека, создающего историю и достойного блестящего будущего.

В своей статье мы обратимся к социальной философии и философии культуры Хосе Ортеги-и-Гассета. Своей целью мы считаем разбор и оценку его понимания европейской культуры и европейского общества 20-х гг. XX в. Особый интерес у нас

вызывает и понимание испанским философом человека, решение проблемы взаимоотношения человека и общества, элиты и массы.

В сочинении «Восстание масс» можно найти рецепт поведения человека в кризисную переходную эпоху, во времена всеобщего смятения.

В начале Ортега констатирует факт кризиса европейских народов и культур (еще раз уточним, что речь здесь идет о 20-х гг. XX в.). Кризис поражает не какую-то отдельную страну, а всю Европу, то есть он является феноменом общеевропейским. По Ортеге, это происходит потому, что общественная власть полностью захватывается массами. Что означает это интригующее название – «Восстание масс»? Это означает то, что масса, толпа сосредоточила в своих руках всю полноту власти, чего быть не должно, это не является ее исконной задачей, функцией. Восстание знаменует собой нарушение существующего порядка вещей (*status quo*), резкое изменение, серьезную перемену.

Общество исконно представляло собой единство меньшинства (элиты) и большинства (массы). Меньшинство, по мнению Ортеги, обладает необходимыми способностями к руководству государства, к управлению большинством, остальным населением. Масса никакими способностями к управлению не обладает, тем не менее в тот исторический период она стремится к власти и достигает ее в полном объеме. Каким образом осуществляется диктат массы? По мнению Ортеги, это происходит в обход закона, путем грубого давления на правительство навязываются свои желания.

Важно отметить то, что под массой испанский философ не имеет в виду «рабочую массу», рабочий класс, пролетариат. Его философия не антинародна, здесь речь идет о массе как совокупности людей с определенным стилем поведения, с особой психологией.

На европейской сцене появляется персонаж, играющий одну из главных ролей в пьесе новейшей истории. Это «человек массы», «человек толпы», «средний человек». Он ничем не примечателен, ничем не отличается от других, он такой как все. Такой человек не выделяется из среды себе подобных, только в ней он и чувствует себя наиболее комфортно. Он не обладает даром творчества, он не способен к созиданию. Но он обладает большой, все растущей жизненной силой, энергией, активностью. Он жаждет жить полной жизнью, получать всевозможные блага, обладать собственностью, пользоваться своими правами.

Ортега считает, что негативные тенденции, отмечающиеся в европейской цивилизации, являются результатом обретения массами слишком большой политической власти, утверждения и распространения их желаний, интересов, привычек, чрезмерного распространения массовой культуры.

Испанский философ пишет: «Как говорят американцы, выделяться неприлично. Масса сминает все непохожее, недюжинное и лучшее. Кто не такой как все, кто думает не так как все, рискует стать изгоем. И ясно, что “все” – это не все. Мир обычно был неоднородным единством массы и независимых меньшинств. Сегодня весь мир стал массой» [1].

Ортега отмечает еще одну характерную черту современной цивилизации – уравнивание. «Уравниваются богатства, культура, сильный и слабый пол, целые континенты». Национальные культуры различных европейских стран приобретают все больше общие черты, следуют определенному стандарту, имеют известные рамки. Можно говорить о европейской культуре в целом. Медаль имеет, как известно, две стороны: с одной стороны – сближение культур различных стран, обмен опытом, сотрудничество, но с другой – стандартизация, потеря культурами своего национального колорита, своеобразия, особенностей, исключительности.

Теперь мы должны вернуться к проблеме взаимоотношений массы, большинства и элиты, избранного меньшинства. Возвращение это обусловлено тем, что в изменении их взаимоотношений и кроется причина всех бед современной цивилизации, по мнению Ортеги-и-Гассета. Река повернула вспять и вышла из берегов, нарушилось хрупкое равновесие сил, все встало с ног на голову. Ортега именуется все эти изменения восстанием масс.

Еще раз отметим, что большинство и меньшинство – это не разделение общества по политическим взглядам и убеждениям. Водораздел, по мнению Ортеги, пролегает в плане психологическом, в плане природной одаренности, мировоззрения, стиля жизни. Да, вот в этом люди оказываются неодинаковы, их психологический портрет различен. Попробуем несколькими штрихами нарисовать его.

Что представляет собой «массовый человек», представитель большинства, человек, совершивший восстание, герой нашего времени? Важная его черта – это ощущение большой жизненной силы и мощи. Эта сила просто переполняет его, ничего подобного не было у наших предков, у представителей прошлых поколений. И в этом, по Ортеге, преимущество «массового человека», его козырь, это свойство делает его хозяином жизни. Эта большая жизненная сила приводит к экспансии (захвату, завоеванию, овладению) собственной природы, окружающих областей и всего мира. Происходит познание, исследование и последующее овладение действительностью. Также у «массового человека» можно отметить и рост жизненных запросов, потребностей. И речь здесь идет отнюдь не о потребностях к познанию, к духовному росту, к саморазвитию и самосовершенствованию. Имеются в виду вещи более приземленные, практические и

бытовые. Главное желание большинства – достижение удобной, комфортной жизни, обладание материальными благами. Это желание призвана удовлетворить техника, которая развивается быстрыми темпами.

Ортега полагает, что комфортная жизнь, большое количество материальных благ сослужило «массовому человеку» плохую службу, сделало его «неблагодарным ко всему, что сумело облегчить его жизнь». Большинство современных людей вполне удовлетворены собой, довольны наличным состоянием своего существования, им не свойственна работа над собой, самосовершенствование, духовный поиск, напряжение творчества.

С развитием цивилизации человек становился обладателем все большей свободы (такого мнения придерживался и Гегель), он приобретал права. И это, безусловно, положительный момент. Но, на наш взгляд, права неразрывно связаны с обязательствами, с чувством ответственности перед собой и перед другими гражданами. А вот этого многим современным людям не хватает, и Ортега-и-Гассет вполне оправданно отмечает данный факт. Испанский философ полагает, что большинство людей обладает душевным складом избалованного ребенка. Они не в силах требовать чего-то от себя, поэтому требования обращены вовне.

Принципиально другой психологический портрет у представителя творческой элиты, человека избранного, портрет этот отмечен совсем иными красками. Ортега полагает, что такой человек от природы обладает творческими способностями, которые далее обогащаются и углубляются соответствующим воспитанием и образованием. Представитель элиты благодаря своим незаурядным качествам способен разумно руководить людьми, организовывать их, осуществлять власть. У Платона управлять государством должны были философы, так как они знали, что такое Высшее Благо, у Ортеги управлять должны избранные, так как они имеют для этого определенные качества.

В своем сочинении «Восстание масс» испанский философ развивает концепцию элитаризма, четко противопоставляя элиту и массу, толпу. По Ортеге, незаурядную личность отличает требовательность к себе, ее жизнь – это постоянная борьба, работа над собой, самосовершенствование. Такой человек никогда не бывает удовлетворен собой, он не снижает к себе требований. Только немногие люди способны посвятить свою жизнь служению (служению другим людям, искусству, науке, великой и благородной цели). А служение означает осознание личного долга и построение сознательной жизни во имя его, согласно ему. Осознание обязанностей преобладает здесь над гордостью обладания правами. При такой установке личность действительно способна к справедливым преобразованиям в обществе.

Кризис европейской культуры отразился и в искусстве. Появляется потребность в творческом поиске, нахождении новых художественных форм, в искусстве намечается отход от классических образцов. Возникает искусство модернизма (к нему можно отнести творчество К. Дебюсси, И. Стравинского, Ш. Бодлера и др.).

Новые веяния в художественной культуре вызвали широкий резонанс, впечатления были неоднозначны. Большая часть тогдашнего общества к искусству модерна отнеслась холодно, критически и даже враждебно. Ортега как идеолог этого искусства (см. его сочинение «Дегуманизация искусства») объясняет эту враждебность непониманием. Творения модернистов, делающих акцент на художественную форму, а не на содержание, в отличие от произведений романтизма, не вызывают у большинства душевного отклика. Данные произведения нового поколения художников казались бессмысленными. По мнению Ортеги, искусство модерна – искусство элитарное (а не массовое!), оно в принципе рассчитано на избранное меньшинство, на истинных ценителей.

Многие специалисты оценивали модерн как искусство антинародное, упадническое, декадентское. На наш взгляд, нужно воспринимать его как поиск новых форм, некий творческий экспромт. Нужно было обладать изрядной смелостью, чтобы решиться отойти от проверенных, испытанных образцов искусства. Таким образом, мы показали, что отношение к новому искусству масс и элиты было разным.

Мы изложили в общих чертах концепцию элитаризма Хосе Ортеги-и-Гассета. Причиной кризиса европейской культуры он считает утрату элитой, творческим меньшинством своей власти и положения и соответственно захват массами этой власти.

Как мы можем оценить подобную концепцию? На наш взгляд, она не лишена истины. Действительно, вся масса, весь народ не может напрямую участвовать в управлении государством, он так или иначе перепоручает эту функцию одному лицу или кругу лиц, которые обладают определенными качествами для руководства государством. Это и будет политическая элита, правящее меньшинство, администрация. Руководители страны должны обладать соответствующими политическими способностями, талантом, им должны быть свойственны чувство долга перед другими, ответственность.

Было бы прекрасно, если бы подобными качествами правители действительно обладали (вспомним мудрого Аристотеля, который полагал, что политик должен быть нравственно совершенным). По Ортеге, элита обладает этими качествами.

На наш взгляд, испанский философ слишком резко противопоставляет элиту и массу, меньшинство и большинство, это приводит ко многим про-

тиворечиям и практически делает невозможными контакты между ними.

Кризис европейской культуры проявляется также и в том, что утрачена нравственность. Взглянув на ситуацию, сложившуюся в обществе 20-х гг. XX в., мы можем воскликнуть, подобно Цицерону: *O tempora! O mores!* (О времена! О нравы!). Нравственность (мораль) формирует систему ценностей, вырабатывает правила поведения людей в обществе, учит определенному отношению к себе подобным. Прежняя система ценностей (имеется в виду, вероятно, аристократическая) разрушена, новая пока не создана. Вследствие этого современный человек лишен жизненных ориентиров, путеводной звезды, полагается лишь на чувство, порыв, сиюминутное желание.

Ортега полагает, что «массовый человек» вообще не испытывает потребности в моральных ценностях: «Суть такова: Европа утратила нравственность. Прежнюю массовый человек отверг не ради новой, а ради того, чтобы согласно своему жизненному складу не придерживаться никакой. Что бы ни твердила молодежь о “новой морали”, не верьте ни единому слову. Утверждаю, что на всем континенте ни у кого из знатоков нового *ethos* нет и подобия морали» [2]. Не так уж сложно провести параллели с современным обществом, ситуация схожая.

Таким образом, в новых условиях необходимо формирование современной системы нравственных ценностей, без этого преодоление существующего кризиса невозможно. Труд формирования этой системы должна взять на себя, конечно, элита, но здесь нужно будет учесть и интересы широких народных масс.

По Ортеге, главный персонаж эпохи – «массовый человек» – обладает большой жизненной силой. Следовательно, «заката Европы» не будет, просто происходит переход к новой реальности.

Примечания

1. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: АСТ: Ермак, 2005. С. 16.
2. Там же. С. 178.

УДК 392.6

С. Г. Пилецкий

МЫСЛИ О ЛЮБВИ

Автор размышляет о любви к самому себе, о любви к ближнему, о любви к человечеству, о любви к Родине, о любви плотской, земной. Статья должна иметь безусловный интерес у неравнодушной, склонной к рефлексии, публики и может представляться как дополнительная возможность прикоснуться к вечному.

The author reflects on human love to oneself, on love to another human being, on love to mankind, to Motherland, on carnal, earthly love. We guess that the article will appeal to not indifferent public, inclined to reflection, and will give an additional possibility to touch to eternity.

Ключевые слова: нарциссизм, эгоцентризм, любовь к ближнему, любовь к человечеству, любовь к Родине, плотская, земная, любовь.

Keywords: narcissism, egocentrism, love to another human being, love to mankind, love to Motherland, the carnal, earthly, love.

Есть слова, которые от частого употребления как-то «измыливаются», изнашиваются, истаскиваются. Слова эти бесподобны, сиятельны, верховны, почти сакральны. К ним дозвоительно прикасаться, но чистыми руками, дозвоительно произносить, но непорочными устами. О наивысшем из таких повествует 20-я глава второй книги Моисеевой «Исход», ст. 7:

«Не произноси имени Господа, Бога твоего всуе, ибо Господь не оставляет без наказания того, кто произносит Его имя всуе».

Пусть со словом «любовь» не всё так строго и сурово, но и оно из той же серии. Ну скажите, что может заставить нас с лёгкостью не произносить: «я страсть как люблю селедку под “шубой”, «я страсть как люблю, когда мне словечки всякие нежные на ушко» и ещё с десяток тысяч всевозможных «люблю». Понимаешь рассудком, что лучше сказать «нравится», но искусительный язык так и норовит вернуть «люблю».

Сложно определить смысл понятия «любовь». Вроде бы интуитивно понимают, что это такое, но как только начнут своё это априорное предположение укладывать в слова, то, во-первых, получается куце и неубедительно, а, во-вторых, разночтений хоть пруд пруди. Всего лучше и красивей получилось у Платона. Согласно его учению, существуют три иерархически выстраиваемые ступени любви.

Низшая ступень – это любовь физическая, желание обладать красивым телом и породить в нём другое тело. И уже здесь наличествует неуём-

ная жажда бессмертия, ибо «путь в смертном зачатии – рождение – это и есть вечность и бессмертие». Оспаривать бессмысленно: мы действительно продолжаем жить в наших детях, внуках, правнуках и т. д., правда, последовательно убывая в них в арифметической прогрессии.

Второй является ступень влюблённой очарованности не телом, а душой. Она несёт в себе семена, которые прорастают не в пространстве земного праха и глена, а в пространстве духа. Действительно, красота и сила тела – «товар» хоть и веский, броский, но недолговечный, скоропортящийся, чего не скажешь о красоте и силе человеческого духа.

На вершине этой «лестницы» открывается ослепительное сияние идеи Прекрасного как Абсолюта. Любовь платоническая – это тоска, ностальгия нашей бессмертной души по Абсолюту. Если перефразировать терминологию античного язычества в монотеистическую лексику, то это очень похоже на любовь к Всевышнему.

Особняком в этом ряду стоит любовь к самому себе. Ещё в древности заметили эту человеческую странность. Заметили, но не одобрили, хотя исключительная терпимость в делах амурных была в те времена мировоззренческим нормативным основоположением. У Овидия в «Метаморфозах» на этот счёт представлен миф о Нарциссе. Никого не любил он, кроме одного себя, лишь себя считал достойным любви.

Однажды весной во время охоты нагнулся Нарцисс к ручью и отразился в ручье во всей своей красе. Всё забыл Нарцисс. Не уходит от ручья, не отрываясь, любит себя самым собой. И вдруг страшная мысль пришла ему в голову, и тихо шепчет он:

– О, горе! Я боюсь, не полюбил ли я самого себя?! Ведь ты – это я! Я люблю самого себя.

Покидают силы Нарцисса, бледнеет он и чувствует уже приближение смерти, но всё-таки не может оторваться от своего отражения. Умер Нарцисс. На том месте, где склонилась голова Нарцисса, вырос белый душистый цветок – цветок смерти.

О том, что нарциссизм своими корнями уходит в гомосексуальные пристрастия и предпочтения и предстаёт как гомосексуальный снобизм и солипсизм, распространяться не будем. Помянули же мы этот миф в связи с тем, что в наши времена находятся деятели, которые не только реанимируют сию духовную практику, но и стараются перевести её из реестра деяний порочных в ранг дела вполне богоугодного.

Они пытаются внушить нам, что прежде чем задаться целью возлюбить кого-то, надо непременно удосужиться сначала возлюбить самого себя. Считаю необходимым заметить следующее. Нарциссо-эгоцентристскую рекомендацию надо полагать деянием сверхизбыточным. Нужно не влюб-

ляться в себя ненаглядного, а уметь быть, по возможности, к себе честным и объективным. Нужно уважать себя за поступки достойные и негодовать за поступки постыдные. А ещё лучше последние не совершать. Одна оговорка: в таком «тонком», деликатном деле на половом равноправии не настаиваю. То, что прощается представительницам прекрасной половины человечества, не прощается игрокам в мужские игры и по мужским правилам.

От искренней саморадости и самовлюблённости не пора ли перейти к любви к человеку другому, человеку вообще, к ближнему, так сказать. И тут не всё образцово и гладко. Следует порушить устоявшийся в сознании большинства людей «двойной стереотип» в отношении заповеди возлюбить ближнего своего как себя самого. Угроза ошибки кроется как в источнике, так и в содержательной направленности сего императива.

Заповедь эта не христианская по происхождению, её хрестоматийный источник не Новый Завет, книга Моисеева «Левит» Ветхого Завета. Небезынтересно узнать, с кем же так нужно евреям столь добродушно вести себя. Смотрим гл. 19, ст. 18: «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя. Я Господь».

Внятно и вразумительно. Еврею вменяется в долг поступать так в отношении еврея же; «ближний» – это сын или дочь народа израилева и никто другой, да и то, если они чтят и исполняют Завет Божий. Как с другим ближним надлежит поступать еврею – это, как говорится, совсем другая история, с любовью не связанная никак.

Следует отметить, что и христианская церковь за почти двухтысячелетнюю свою историю не очень заботилась демонстрировать её соблюдение: сколько костров позапалено, сколько голов порублено, дыб и виселиц понастроено, сколько невинных душ позагублено в религиозных войнах – одному Господу Богу известно.

Что касается любви к ближнему, предлагаю вслушаться в размышления Достоевского. Первое выражено словами Версилова в романе «Подросток»: «Друг мой, любить людей, так как они есть, невозможно. И однако же должно. И потому делай им добро, скрепя свои чувства, зажимая нос и закрывая глаза (последнее необходимо)» [1].

Второе – из «Братьев Карамазовых», в предсмертном завещании старца Зосимы, тоже в адрес поборников «абстрактного гуманизма».

«Это точь-в-точь как рассказывал мне, давно уже, впрочем, один доктор, – заметил старец, – ... Чем больше я люблю человечество вообще, тем меньше я люблю людей в частности, то есть порознь, как отдельных лиц. В мечтах я нередко говорил, доходил до страстных помыслов о служении человечеству, и, может быть, пошёл бы на

крест за людей..., а между тем я двух дней не в состоянии ни с кем прожить в одной комнате, о чём знаю из опыта. Чуть он близко от меня, и вот уже его личность давит моё самолюбие и стесняет мою свободу» [2].

В отношении любви к Родине хотелось бы заметить лишь следующее. Мы дожили до того, что публично рекомендоваться патриотом своей Отчизны стало чуть ли не «моветоном». Среди элиты 90-х гг. и в среде определённой части принижённой и обкраденной интеллигенции в ходу, моде и цене космополитические идеи. Надо сказать, они добились определённых результатов. «Своя рубашка ближе к телу» и «моя хата с краю» – это понятно каждому либералу. «Я, мне, моё» – это центр Вселенной. Далее идёт круг ближайших родственников. Далее – круг близких друзей. Далее – круг профессионального общения и т. д. Данная очерёдность может варьироваться, но общенациональные интересы, по логике, могут быть месте этак на 12-м. Наши космополиты усовершенствовали римское «*omne solum liberum patria*» («всякая свобода – отечество свободного человека») в более удобное «где сыто и тепло – там и отечество». И если и верно, что патриотизм – последнее прибежище негодяя, то космополитизм – первое.

А теперь о сердечно-радужном, поэтами воспеваемой, шаманами шамануемой, скептиками издеваемой – многострадальной плотской, земной, любви. Трудятся над этим вопросом не только экстрасенсы и лирики, но и скромные ботаники с их пестиками и тычинками, и «зрячие в корень» биологи-эволюционисты с их экстраполяцией к фривольной жизни львов, шимпанзе, гамадрил, – не сказать, резус-макак. Указывают на генетическое родство половых ролей и поведенческих образцов. «Масла в огонь» подливают нейрофизиологи с их интерпретацией сего чувства как имеющей свою периодическую генную представленность, гормональной реакцией организма на стимул-содержащую ситуацию. Намекают на наше обонятельное звериное прошлое. Служба лабораторного рабочего люда кипит. Но сердце отчего-то мается.

Сердце же человеческое бальзамом обливается и радуется красивой красотой. Эстетика в нас, вероятно, и в самом деле генетически предзадана. Но и социальные факторы напрягают. Это иллюстрируется тем, что на разных концах света её идеалы настолько различны, что уму непостижимо. И при всём этом есть общий генный «камертон», что позволяют, вне зависимости от пола и расы, отличать прямую от кривой, уродца от красавца, норму от патологии, «мазню» от пейзажа.

Существует мнение, что, по Достоевскому, красота спасёт мир. Кто и где это взял, откуда вычерпал?! У Фёдора Михайловича есть на сей счёт совершенно иные суждения.

Вот, например: «...Влюбится человек в какую-нибудь красоту, в тело женское, или только в часть одну тела женского (это сладострастник может понять), то и отдаст за неё собственных детей, продаст отца и мать, Россию и отечество; будучи честен, пойдёт и украдёт... Пушкин ножки в стихах воспевал; другие не воспевают, а смотреть на ножку не могут без судорог. Но ведь не одни только ножки... Тут, брат, презрение не помогает, хотя бы он и презирал Грушеньку. И презирает, да оторваться не может» [3]. Это – Миша Раки-тин так о Дмитрие Фёдоровиче. Хоть несколько заносчиво, но верно. У правоведов есть формула, воспринимаемая ими как многотысячекратно доказанная теорема: поскобли любое уголовное дело, и оттуда проглянет женщина.

А вот Дмитрий Фёдорович открывается Алексею.

«...Красота! ...Иной, высший даже сердцем, человек и с умом высоким, начинает с идеала мадонны, а кончает идеалом содомским. Ещё страшнее, что с идеалом содомским в душе, не отрицает и идеала мадонны, и горит от него сердце его и горит, как в юные беспорочные годы. ...Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. ...Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей» [4].

Я точно знаю, что доверять плакатам, призывающим голосовать сердцем, не стоит. Вот и Достоевский подтверждает: «Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой».

С Фёдором Михайловичем в этом вопросе смыкается, солидарен другой классик и «светоч» русской прозы – Лев Толстой. Интересные мысли он влагает в уста главного героя «Крейцеровой сонаты»: «Удивительное дело, какая полная бывает иллюзия того, что красота есть добро. Красивая женщина говорит глупости, ты слушаешь и не видишь глупости, а видишь умное. Она говорит, делает гадости, а ты видишь что-то милое. Когда же она не говорит ни глупостей, ни гадостей, а красива, то сейчас уверяешься, что она чудо как умна и нравственна» [5]. Подмечено точно с одной оговоркой: если смотрит и слушает мужчина. У женщин же друг к дружке, известно, выработалась совсем иная система отношений.

У Толстого есть роман о земной любви – «Анна Каренина». Скажу честно: ни сам роман «Анна Каренина», ни сама Анна Каренина мне не нравятся, каких-то трепетных, чувств к ним не питаю. Любовь её страстная, беспутная несимпатична, и даже смерть её страшная несимпатична. Рискну источить из себя крайне непопулярное соображение: Анну Каренину мне даже и не жалко, а 18-летнего мальчика, с криком «Ура!» в атаку шедшего, на взлёте вражьей пулей сражённого и умирающими губами «мама» шепчущего – почему-то очень жаль.

У Толстого есть напутственные слова и по поводу искренности порока: «У кутил, у этих мужских “магдалин”, есть тайное чувство сознания невинности, такое же, как у “магдалин” женщин, основанное на той же надежде прощения. Ей всё простится, потому что она много любила, и ему всё простится, потому что он много веселился» [6]. Что касается весельчаков-собутельников, Лев Николаевич не совсем прав: пьяный кутёж и тяжкое похмелье – это не грех, а человеческое свинство средней паршивости. В отношении же женщин-магдалин я разделяю иронию Льва Николаевича: простится-де, потому что много возлюбила. Вопрос деликатный – о какой такой любви, собственно, речь?

Подобный же вопрос всплыл в монастыре на приёме у старца Зосимы в попытке примирить Фёдора Павловича Карамазова с его сыном Дмитрием. Во время той самой недостойной комедии, которую так воодушевлённо разыграл «кривляка» Фёдор Павлович, он вдруг совсем не театрально взъярился на Миусова, позволившего себе выпад в адрес Грушеньки. Вслед за истерическим воплем «На дуэль!» и парой нелюбезных фраз в сторону всего рода Миусовых последовало:

– «...Что стыдно? Эта “тварь”, эта “скверного поведения женщина”, может быть, святее вас самих, господа спасающиеся иеромонахи! Она, может быть, в юности пала, заеденная средой, но она “возлюбила много”, а возлюбившую много и Христос простил ...

– Христос не за такую любовь простил... – вырвалось в нетерпении у кроткого отца Иосифа.

– Нет, за такую, за эту самую, монахи, за эту! Вы здесь на капусте спасаетесь и думаете что праведники! Пескариков кушаете, в день по пескарнику, и думаете пескарниками бога купить» [7].

А и в самом деле, за какую такую «многоую» любовь Христос простил Марию Магдалину? Кроме дешёвой блудницы она к тому времени ещё не была никем. А что, разве у «ночных бабочек» бывает какая-то иная «многоая» любовь? Если так, то они действительно любят много – не догонишь.

У Коэльо есть роман «Одиннадцать минут». Он о тех самых «ночных бабочках». В нём мастерски, походя, развенчивается ряд стереотипов. В частности, тот, что в эту тяжкую работу поступают от безысходности и что из этого «болота» уж и не выбраться. Тут уместно утверждение О’Генри: важно не какие дороги мы выбираем, а то, что сидит внутри нас и заставляет избирать эту дорогу. И название не случайно – «Одиннадцать минут». Это те самые минуты, в течение которых статистически происходит соитие с клиентом.

У Анатоля Франса в романе «Остров пингвинов» усилиями одного из своих персонажей рационально-логически тяжесть греха женского блуда сопрягается с вопросом оплаты труда, различая,

говоря языком Толстого, «магдалин» по таксе от «магдалин» в охотку. «Преподобный отец Дуаяр, тонкий знаток богословской этики... был совершенно прав, утверждая, согласно учению святых отцов, что если женщина совершает тяжкий грех, отдаваясь за деньги, то ещё более тяжкий грех она совершает, отдаваясь даром, ибо в первом случае она поступает так ради средств к существованию и заслуживает пороку если не оправдания, то прощения... Но женщина, отдающаяся даром, грешит, наслаждаясь, ликует в падении своём. От гордыни и сладострастия, коими она усугубляет свой грех, ещё увеличивается его губительная тяжесть» [8]. Хлёстко, ничего не скажешь. Насчёт того, отдаваясь по таксе, «магдалина» не испытывает ничего, кроме смирения, пожалуй, промолчим. И уж слишком раздражаться не будем на преподобного отца, памятуя, что роман сатирический и написан сотню лет назад. Да мне и самому ближе позиция Коэльо.

Самое время дать выход напрашивающемуся послышу: если речь идёт о любви физической, приземлённой, то заниматься любовью и иметь это чувство – не одно и то же. Как бы не было тут обратно пропорциональной зависимости. Попробуйте представить: а как сложилась бы судьба Ромео и Джульетты, если бы семейства Монтекки и Капулетти каким-то образом смогли помириться? Насколько долго длилась бы их радость? Быт, возмужавший и погрузневший Ромео, многодетная Джульетта, сторонние соблазны. Обяние испаряется, рыхлый осадок остаётся. Призадумайтесь тут.

Не хочу сказать, что настоящая любовь предопределяет трагичность. Я хочу лишь сказать, что, во-первых, козни и преграды действительно «раздувают», усиливают зародившееся чувство; во-вторых, ожидание обладания в 9 случаях из 10 гораздо очаровательней и лучше самого обладания, многократного, уж по крайней мере, и, в-третьих, что любовь провоцирует трагичность. Я убеждён, что любимым может быть назван человек, ради которого, не задумываясь, пойдёшь на смерть. Ценность его жизни воспринимается безусловно выше собственной. И как бы ни старались изящно пропагандировать лирики, это крайне редко встречающееся чувство. А доля выпасть ему быть обоюдным – ещё реже.

Некоторым посчастливилось не пройти мимо своей чайной второй «половинки». И тогда их самая совместная жизнь становится признанием в любви. Но и в этом празднике кроется мука. И это даже не горечь ревностных страданий потерять любимого, это ни с чем не сравнимый мучительный страх просто его потерять, это изматывающие хлопоты и переживания за его жизнь и здоровье. У Анны Снежиной есть строки, звучащие как заклинание:

«С любимыми не расставайтесь. // С любимыми не расставайтесь. // С любимыми не расставайтесь. // Всей кровью прорастайте в них. // И каждый раз на век прощайтесь, // И каждый раз на век прощайтесь, // И каждый раз на век прощайтесь, // Когда уходите на миг».

Но повторяюсь: такое случается крайне редко. Несравненно чаще это гражданское сожительство (со штампом в паспорте или без оно), психологическая «притирка», стычки с переменным успехом, привыкание в унисон с «стерпится-слюбится», порой не без страсти в начале, но с предсказуемым финалом – разводом. Количество разводов на душу населения в немалой степени зависит от политико-экономических и идеологических факторов. Всё вполне по-людски: так жили, так живём и так жить будем. И будем тешить себя мыслью, что если у вас растут рога, то от избытка кальция в организме. В резонанс с непривычно обнажающим стихосложением:

«Постучалась в дом боль неожиданная – // Вот она любовь окающая. // Коротаем мы ночи длинные // Нелюбимые с нелюбимыми».

Но гораздо хуже любовь неразделённая. Вот она и превращается из свет несущей в разлучницу и горе-злодейку. И здесь мука, но душу рвущая, витальные силы иссушающая. О подобном поётся в другой красивой песне:

«...Отпусти свой крик к полюсам Земли. Лети. // От Москвы до Нью-Йорка сквозь открытые окна // Без адреса летит над миром – смотри – // Это крик одиночества любви».

В связи с этой «горько-солёной» вариацией любви вспоминается пронзительная повесть А. И. Куприна «Гранатовый браслет». Без щемящей тоски невозможно читать страницы о сильной любви, о тихой смерти и скромной просьбе к возлюбленной послушать как реквием 2-ю сонату Бетховена. И она послушала, но когда читаешь, такое ощущение, что слушаешь ты.

Достаточно, наверное. Хотя есть ещё кое-что из «закромов душевных». Это последние строки романа В. Гюго «Собор Парижской богоматери» о таинственном исчезновении Квазимодо. «...Среди отвратительных человеческих остовов нашли два скелета, из которых один, казалось, сжимал другой в своих объятиях. Один скелет был женский, сохранивший на себе ещё кое-какие обрывки некогда белой одежды и ожерелье вокруг шеи из зёрен лавра с небольшой шёлковой ладанкой... Другой скелет, крепко обнимавший первый, был скелет мужчины. Заметили, что спинной хребет его был искривлён, голова глубоко сидела между лопаток и одна нога была короче другой. Но его шейные позвонки оказались целыми, из чего явствовало, что он не был повешен. Следовательно, человек этот пришёл сюда сам и здесь умер. Когда его захотели отделить от того скелета, который он обнимал, он рассыпался прахом» [9].

Именно это и называется любовью. Вот вам и монстр, вот вам и уродец, а любой «тонкой», поэтической натуре сто очков вперёд даст. Любил тайно, самоотверженно, а когда любимой не стало, не смог жить и умер, как верный пёс. Грустно. Почти так же грустно, как осознавать, что мы видим свет давно потухших звёзд.

Есть «клише», что любовь всегда права. Намёк, что любовь верховна, своей стихией заоблачна, и с этой выси способна всё укрыть и всё покрыть. И то, и другое не верно. Исполон веку выше её ценили долг, честь и совесть. Ясно же, что пресловутый конфликт «отцов и детей» живёт и согревается ничем иным, как обострённо разным толкованием чести и достоинства. Не какими-нибудь идеологическими, эмоционально-психологическими, бытовыми приоритетами, симпатиями и антипатиями – всё это почти вздор – а именно крайне болезненным несовпадением понимания, что есть стыд и совесть, честь и бесчестие. Неверно и то, что она своими крыльями покрывала коварство, подлость и бесчестие. Сколько за долгую историю человечества жутких преступлений, всякой мерзости совершено, и всё под знаменем и во имя любви! Похоже, что дорога в ад вымощена и любовными намерениями. Да и делаем тоже.

Хочу присовокупить ещё одну мысль. Это опять «Братья Карамазовы»; Дмитрий поучает Алексея. «Боже тебя сохрани, милого мальчика, когда-нибудь у любимой женщины за вину свою прощения просить! У любимой особенно, особенно, как бы ни был ты пред ней виноват! Потому женщина – это, брат, чёрт знает, что такое, уж в них-то я по крайней мере знаю толк! ...Ни за что не простит прямо и просто, а унизит тебя до тряпки, вычитает, чего даже и не было, всё возьмёт, ничего не забудет, своего прибавит, и тогда уж только простит. ...Мужчина должен быть великодушен, и мужчину это не замазает. ...Ну, а прощения всё-таки не проси, никогда и ни за что» [10].

Закончим статью непопулярным заявлением. При всём уважении к многогранному таланту Высоцкого я всё же не променяю картезианское «Cogito ergo sum» на его ажурно-амурную писательскую «вязь»:

«Я поля влюблённым постелю, // Пусть поют во сне и наяву. // Я дышу, а значит, я люблю, // Я люблю, а значит, я живу».

Что касается родительской любви и ей ответной, и любви к Богу, то я умолчу. Это свято.

Примечания

1. Достоевский Ф. М. Подросток. М.: Сов. Россия, 1979. С. 176.
2. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: Изд-во «Правда», 1991. Т. 1. С. 91–92.
3. Там же. С. 119.
4. Там же. С. 153.

5. Толстой А. Н. Повести и рассказы. М.: Худож. лит., 1993. С. 104.
6. Толстой А. Н. Война и мир. Харьков, 1998. С. 608.
7. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: Изд-во «Правда», 1991. Т. 1. С. 112–113.
8. Франс А. Собр. соч. М.: Худож. лит., 1984. С. 196.
9. Гюго В. Собор Парижской богородицы. Хабаровск: Хабаров. книж. изд-во, 1988. С. 467.
10. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: Изд-во «Правда», 1991. Т. 2. С. 314.

УДК 152.32:11

И. П. Полякова, Т. С. Батракова,
М. Ю. Копытина

ВЛИЯНИЕ ОДИНОЧЕСТВА НА ВНУТРЕННИЙ МИР ЛИЧНОСТИ И ЕЁ ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ

В статье рассмотрен феномен одиночества и его влияния на внутренний мир личности и её повседневную жизнь с позиций социальной философии, дифференцированы и описаны основные объективные и субъективные аспекты одиночества, его позитивные и негативные стороны, а также отдельные аспекты внутреннего мира личности, связанные с переживанием чувства одиночества в повседневной жизни.

In the article the phenomenon of loneliness and its influence on the inner world and daily life of the person are considered in the realm of social philosophy. The authors reveal objective and subjective aspects of loneliness, its positive and negative qualities, and also separate aspects of internal world of the person connected with experiencing the feeling of loneliness in daily life.

Ключевые слова: одиночество, внутренний мир личности, повседневная жизнь, личность, индивид, изоляция, уединение, повседневное самосознание.

Keywords: loneliness, inner world of the person, daily life, person, individual, isolation, solitude, daily self-consciousness.

Личность чувствует себя одновременно и подкидышем природы, брошенным, подобно нежеланному ребенку, на произвол судьбы, и изгоем среди шумного человеческого мира.

М. Бубер

Сложные и противоречивые коллизии XX в. выдвинули на первый план целый спектр социальных и экзистенциальных проблем, к числу которых, несомненно, принадлежит проблема одиночества. Человек XXI в. чувствует себя все более изолированным от себя подобных, заброшенным в чуждый ему, быстро изменяющийся мир. В сфере глобальных политических и экономических взаи-

моотношений личность и ее внутренний мир теряют свое первостепенное значение по сравнению с общественными интересами. В связи с этим особо актуальным становится рассмотрение феномена одиночества и его влияния на внутренний мир личности и её повседневную жизнь с позиций социальной философии.

Человек как существо социальное немислим без взаимодействия с окружающим его миром и людьми. Это двусторонний процесс, в котором общество отчасти воздействует на внутренний мир личности и его повседневную жизнь, а общество развивается благодаря ряду функций, осуществляемых его членами. Это взаимовлияние может быть как положительным, так и отрицательным. Быстрые темпы глобализации, с одной стороны, ведут к объединению людей, стиранию границ между государствами, но с другой – отдельный индивид в этом глобальном мире остается наедине со своими проблемами, а следовательно, становится все более одиноким.

Проблема одиночества существовала всегда, но в условиях современного постиндустриального общества она стала одной из наиболее актуальных проблем.

Поиск путей решения данной проблемы, да и отношение к ней в целом менялись на протяжении истории. С древнейших времен проблема одиночества волновала выдающихся мыслителей человечества и играла значительную роль в развитии философской мысли. Представители разных отраслей научного знания и искусства пытались дать определение этому феномену, разобраться в его особенностях, найти пути его преодоления либо обогнать его необходимость.

Одиночество в западной философии стало приобретать статус значимой философской категории только на рубеже XVIII–XIX вв. В философии романтизма на первый план вышло противопоставление индивидуального бытия коллективному, а следовательно, произошла актуализация отрыва индивидуума от социума и возвышение человека над обществом. Противопоставление «человек-толпа» приобрело особую остроту именно в эту эпоху. До этого феномен одиночества не имел столь значительного осмысления в философии, хотя упоминание о проблемах одиночества встречается в трудах Платона, Аристотеля, Боэция, М. Монтеня, Б. Паскаля и др. Философы XIX – начала XX вв. И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегель, А. Фейербах, К. Маркс, Ф. Энгельс, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше представили одиночество как самостоятельную категорию, требующую философского осмысления.

В XX в. одиночество стало одним из значительных объектов исследования философии (Э. Гуссерль, С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, К. Ясперс, М. Бубер, Н. Аббаньяно, Ж.-П. Сартр, А. Камю, Э. Левинас и др.), психологии (З. Фрейд, Э. Фромм,

Д. Перлман, К. Роджерс, С. Салливан, И. Ялом и др.) и социологии (Д. Рисмен, П. А. Сорокин, Э. Тоффлер и др.).

Проблемам одиночества уделялось внимание и в рамках отечественной философии (П. Чаадаев, И. Аксаков, А. Хомяков, А. Герцен, В. Соловьев, Н. Бердяев, Л. Шестов, С. Франк, И. Ильин, М. Мамардашвили). В настоящее время одиночество получило статус междисциплинарной проблемы и широко исследуется в русле социологии, психологии, культурологи, однако именно в рамках социальной философии возможно наиболее целостное видение данной сложной и многоаспектной проблемы [1].

Исследуя данный вопрос, необходимо дать определение понятию «одиночество», а также понятиям «изоляция» и «удинение» как его производным формам. Одиночество – это состояние и ощущение человека, находящегося в условиях реальной или мнимой коммуникативной депривации. Одиночество может выступать как форма осознанного и неосознанного протеста, «бегства от действительности» и «внутренней эмиграции».

Негативной формой одиночества является изоляция. Изоляция влияет на внутренний мир личности и вызывает появление острых эмоциональных реакций (тягостных переживаний, тревожности, депрессии, деперсонализации), изменение сознания и самосознания, индивидуальных и личностных особенностей человека. Изоляция от других людей является свидетельством разрыва социальных связей, отсутствия значимого для личности общения. В основном проявляется в трех формах: обыденной, экстремально-ситуативной и искусственной (экспериментальной и лечебной). Например, профессиональная деятельность космонавтов – это добровольная изоляция, имеющая в конце благополучное разрешение и возвращение личности в свое социальное бытие. Другим примером является заключение под стражу – это принудительная изоляция [2].

Позитивной стороной уединения является возможность человека побыть наедине с собой, вслушаться в себя, понять лучше собственное «Я» и свои потребности. Позитивный смысл уединения (одиночество как ресурс) заключается в том, что оно является неотъемлемой частью становления индивидуальности человека и процесса социализации в целом. Положительный потенциал уединения реализуется в следующих его функциях: функция самопознания; функция становления саморегуляции; функция творчества и самосовершенствования; функция стабилизации психофизического состояния; функция защиты «я» человека от деструктивных внешних воздействий. Это лекарство от изнеможения, информационных перегрузок, столь характерных для современных темпов жизни. Ещё в старину одиночество использовали как способ

прислушаться к внутреннему «Я», чтобы попросить совета у своей интуиции или высших сил, которые невозможно расслышать в шуме и суете повседневной жизни. И тогда появляется возможность узнать себя – понять, что я – это часть бесконечной Природы. Как только человек становится лицом к лицу со своим одиночеством, принимает его, то оно меняет окраску, качество, вкус. Оно становится единством. И тогда оно не изоляция, оно – уединение. Изоляция несет в себе несчастье; уединение содержит в себе наполненность повседневной жизни радостью и счастьем.

Специфическое отношение «личность-общество» менялось как на протяжении всей истории от коллективизма к индивидуализму, так и на уровне жизни индивида от слияния со значимыми людьми в детстве до стремления к обособлению и автономии, причем это явление имеет последовательный циклический характер.

Одиночество – необходимое условие для индивидуального самоопределения. Одиночество является ступенью от индивидуума к индивидуальности, усваивая социальные нормы, человек должен соотносить их с собственными потребностями, находя «золотую середину» между частным и общественным. Через момент одиночества рождается личность, ее самосознание, в одиночестве формируется единственность и неповторимость человеческого «Я».

Будучи существом двойственным, человек то стремится к автономии, изоляции и общению с самими собой, то ищет выход вовне, расположен к диалогу. Полная потеря социальных контактов представляет для человека серьезную проблему. В связи с этим человеческое бытие воспринимается как парадоксальное. Человек комфортно переживает одиночество, если у него есть уверенность в том, что в любой момент сможет восстановить социальные связи. Действительно, одиночество как антропологический модус и экзистенциальный опыт человека является сложным конструктом. Оно не сводится исключительно к опыту разрыва или потери социальных связей, оно имеет психологическую природу и представлено на всех уровнях. Одиночество может быть внешним, или вынужденным, т. е. когда личность по тем или иным причинам находится в относительной изоляции, например потеря работы, отсутствие семьи, близких людей и т. д., и также одиночество может выступать в качестве внутреннего состояния личности, при котором личность может активно взаимодействовать со средой, но не чувствовать себя в ней комфортно.

Исследуя проблему одиночества в повседневной жизни человека, мы невольно обращаемся к анализу социальной структуры личности, которую следует рассматривать как систему «внешней» и «внутренней» соотносительности личности с обществом

или социальным окружением. При этом общественные статусы выражают объективные позиции личности в социальном мире, а самоотношение личности может не иметь ничего общего с реальным положением вещей. Социальные роли и отношение к ним личности опосредуют процессы взаимодействия личности и общества. При удовлетворенности личности своим статусом и социальными ролями взаимодействие человека и общества будет гармоничным, в случае расхождения желаемого и действительного возникает конфликт: внутриличностный или на уровне «человек-общество».

Рассмотрим отдельные аспекты внутреннего мира личности, непосредственно связанные с переживанием чувства одиночества. Структура внутреннего мира личности включает в себя три основных блока: когнитивный (познание себя и мира), морально-нравственный (формирование собственной иерархии ценностей, восприятие нравственных установок того или иного общества) и эмоционально-волевой (чувства, переживания, субъективная реальность личности).

Основными категориями при рассмотрении внутреннего мира выступают рефлексия, сознание и самосознание (когнитивный блок), поскольку именно эти процессы являются функциональной основой конструктивного освоения действительности и выполняют функцию переноса внешней информации во внутренний мир. И. Кант писал, что рефлексия – это осознание отношения личностных представлений к различным ее источникам познания [3]. Более того, рефлексия – это не только знание и понимание субъектом самого себя, но и осознание им того, как он оценивается другими индивидами, то есть рефлексия – это процесс взаимоотражения субъектами друг друга и самих себя. Следующая категория структуры внутреннего мира – сознание, которое представляет собой внутренний мир чувств, мыслей, идей и других духовных феноменов. Именно сознание во многом определяет способность субъекта выделять себя из окружающего мира. Это пласт, в котором осмысливаются, обосновываются и реализуются интересы и представления каждого человека о себе и об обществе в целом. Посредством сознания происходит целенаправленное отражение действительности, где отражение выступает как изменение одного явления под воздействием другого. Самосознание – еще один важный компонент внутреннего мира человека, оно играет решающую роль в формировании личности, поскольку лишь благодаря самосознанию человек способен узнать себя как субъекта.

Обычно различают две категории одиночества: «одиночество от эмоциональной изоляции», вызванное утратой другого человека, и «одиночество от социальной изоляции», порожденное отрывом от круга общения. Поэтому одиночество означает

сигнал тревоги в рамках определенной социоэмоциональной системы, и важно понять эту систему, чтобы преодолеть одиночество. Психологическое одиночество – комплекс внутриличностных переживаний, связанный с «непохожестью», «инаковостью», непризнанием, обидой, а также следствие раскола образа «Я». Социальное одиночество является результатом состояния недостаточной социальной организованности, адаптации, а также следствием разрыва значимых социальных связей, отношений. Психологи выделяют два вида социального одиночества: дезадаптивный, или конфликтный, и одиночество «потери» (смерть близкого человека, развод родителей и т. п.).

Одиночество – это переплетение различных психических процессов на когнитивном, эмоциональном и деятельностном уровнях. На эмоциональном уровне оно представлено в форме тоски, пустоты, разрыва, отчаяния, отверженности. Важно учитывать, что эмоциональное отношение к своему одиночеству формируется зачастую под воздействием социальных установок и ожиданий, под влиянием той социальной среды, в которую погружен человек. Установки в отношении одиночества всего несколько десятков лет назад были достаточно жесткими. И идеология («Семья – ячейка общества»), и религия («Нехорошо человеку быть одному») навязывали человеку строгую модель семейных отношений, а одиночество всячески порицалось. В настоящее время отношение к одиночеству в современном обществе более толерантное. Одиночество, к примеру, отсутствие семьи – это не порочащий признак, а, скорее, осознанное решение человека быть одному. Напротив, наиболее пугающей выглядит тенденция нашего времени – создание семьи исходя из материальных соображений, а не как союз двух близких по духу, интересам и ценностям людей. В подобной ситуации происходит духовная изоляция (духовное одиночество), в которой номинальное наличие семьи сказывается более негативно на внутреннем мире личности, чем её полное отсутствие.

Возникновению данных эмоций и переживаний личности предшествует когнитивная обработка личного опыта, восприятие сложившейся ситуации, сопоставление ее с идеальным образцом. Осознанное социальное одиночество при этом выступает как фактор стабилизации нарушенного эмоционального фона жизни личности и не оказывает негативного влияния на внутренний мир личности.

Таким образом, влияние одиночества на внутренний мир личности будет зависеть, во-первых, от того, осознанное это решение личности или вынужденное условие, во-вторых, от отношения к самому факту социального или психологического одиночества и, в-третьих, от отношения самой социальной среды к одиночеству как явлению и одиночеству того или иного человека.

Осознание проблемы вместе с отрицательным эмоциональным отношением к ней влечет за собой закономерное поведение: либо еще большую изоляцию от людей, уход в себя, эскапизм, либо навязчивое стремление к людям, расширение круга социальных контактов, избегание уединения. Многочисленными являются причины одиночества: внутренние и внешние, экзистенциальные и патологические и т. д. В связи с этим бывают совершенно различные формы одиночества: одиночество героя, монаха, поэта, философа, покинутого влюбленного, мореплавателя-одиночки и т. д., соответственно и различными будут пути выхода из него. Отношение к себе может быть таким же ценным, многосторонним и удовлетворительным, как и отношение к другим. Кроме того, возможность уединенной жизни дает шанс преодолеть стрессовую зависимость от других.

Полностью устранить одиночество из нашей жизни невозможно, как невозможно обезопасить себя от его появления на разных этапах нашей жизни. Задачей человека является изменить вызывающие одиночество факторы и обучиться навыкам преодоления одиночества. Каждый человек имеет особенный опыт переживания одиночества: негативный или позитивный. В связи с этим говорят о многоликости одиночества [4]. Исследования в этой области часто затрагивают проблемы вдовцов, разведенных, холостых (в случае негативного опыта переживания одиночества), то есть людей, утративших значимые отношения или испытывающих сложности в их установлении. Другие авторы подчеркивают экзистенциальность, позитивность переживания одиночества. Оно рассматривается как состояние, изначально присущее человеческому существованию, позволяющее рефлексировать, размышлять и испытывать удовлетворение от уединения. Тем самым, феноменология одиночества должна включать разнообразный опыт переживания одиноких субъектов.

Одиночество – это проявление слабой приспособляемости личности, а причина его – феноменологическое несоответствие представлений индивида о собственном «Я». Общество влияет на человека, вынуждая его вести себя в соответствии с социально оправданными, ограничивающими свободу действия образцами. Из-за этого возникают противоречия между внутренним истинным «Я» индивида и его отношением к другим людям, что приводит к потере смысла существования. Индивид становится одиноким, когда, устранив охранительные барьеры на пути к собственному «Я», он тем не менее думает, что ему будет отказано в контакте со стороны других. И здесь получается замкнутый круг: человек, веря в то, что его истинное «Я» отвергнуто другими, замыкается в своем одиночестве и, чтобы не быть отвергнутым, продолжает придерживаться своих социальных «фа-

садов», что приводит к опустошенности. Иными словами, в одиночестве проявляется несоответствие между действительным и идеализированным «Я».

Одна из самых ярких черт одиночества – это специфическое чувство полной погруженности в самого себя. Чувство одиночества не похоже на локальные ощущения, переживания, оно целостно, абсолютно, всеохватно.

В процессе обыденного, повседневного самосознания человек воспринимает себя лишь в определенном отношении к окружающему миру. Он переживает свое состояние в контексте сложной и обширной сети взаимосвязей. Возникновение одиночества говорит о нарушениях в этой сети. Часто одиночество – это ощущение, которое появляется в форме потребности быть включенным в какую-то группу или потребности просто быть в контакте с кем-либо. Основопологающим моментом в таких случаях выступает осознание отсутствия значимого Другого, чувство потери. Это может быть осознание своей отверженности и неприятия другими. С точки зрения экзистенциальной феноменологии одиночество грозит нарушить целостность и гармоничность личности.

Теоретический анализ философских и психологических концепций одиночества позволяет дифференцировать и описать основные объективные и субъективные аспекты одиночества. Объективная сторона одиночества – это общественные отношения и факты, принимающие в определенных условиях деформированный характер (уединение, анония, отчуждение, изоляция). Иначе говоря, объективный аспект одиночества – это те условия, которые приводят к одиночеству. Субъективная сторона одиночества – переживание личности, обусловленное деформацией ее связей с различными аспектами действительности, относительно независимое от объективных условий и обладающее негативным потенциалом.

Негативной стороной одиночества является «болезненное осознание внутренней отделенности от других людей и возникающая на этом основании тоска по человеческой связи и придающим жизни смысл отношениям» [5]. При этом количество имеющих у личности социальных связей не имеет значения – важна степень удовлетворенности личностью ими. Негативное переживание одиночества ощущается особенно остро и болезненно, когда человек переживает свое одиночество среди других, а потребность в глубоких контактах чувствует неудовлетворенной. Негативное одиночество является своеобразным индикатором, сигнализирующим о неадекватных отношениях с окружающим миром и самим собой. Негативный характер одиночества (одиночество как проблема) проявляется следующим образом: одиночество обладает свойством подчинять себе другие психические процессы и состояния; одиночество нарушает внут-

ренную целостность личности; одиночество может быть механизмом психологической защиты; одиночество ведет к формированию сверхожиданий и переоценке вклада другого человека в собственное развитие [4].

Существуют два базовых способа преодоления внутреннего одиночества: культивирование своего духовного мира через принятие одиночества как уединения и налаживание внешних контактов.

Способы борьбы с одиночеством многообразны, они зависят и от качества самого одиночества, и от индивидуальных особенностей самого человека. К таким способам можно отнести

1. Чувственно направленные реакции: употребление алкоголя, принятие наркотиков, секс.
2. Религиозно ориентированные реакции: молитва, чтение Библии.
3. Поиск реакции: посещение кинотеатра, игры, танцы, езда на автомобиле.
4. Несоциальная деятельность: чтение, учеба, работа.
5. Рефлектирующее уединение: размышления наедине с собой, одинокие прогулки.
6. Поиски тесных контактов: разговор с другом о своих переживаниях, поход с друзьями и т. д.
7. Пассивная реакция: сон [5].

С изменением отношения общества к феномену одиночества, с признанием права человека на свободный выбор повседневная жизнь одинокого человека стала менее унылой и более разнообразной. Рассмотрим базовые сферы повседневной жизни личности и специфику повседневности одинокого человека.

Повседневная жизнь представлена тремя элементами: трудовой деятельностью, областью быта и сферой досуга. Несмотря на многообразие форм повседневной жизни, они тем не менее ограничены определенными социальными рамками. Жизнь современного человека более поливариантная, а жизнь одинокого человека уже далеко не столь безысходна, как она представлялась ранее.

Реализуясь в профессиональной деятельности, человек может больше уделять внимания непосредственно своей работе, так как он менее связан обязательствами перед другими людьми, он более мобилен в плане командировок и располагает большим временем для профессионального самосовершенствования: курсов повышения квалификации и прочее. Обратной стороной является то, что, если его угнетает собственное одиночество, это сказывается существенным образом на его психологическом статусе, отражаясь снижением работоспособности, отсутствием стимула к профессиональному росту, индифферентным отношением к перспективе потерять работу.

Жизнь одинокого человека в плане быта существенно облегчена, для ее поддержания не требу-

ется прилагать столько усилий, сколько уходило на это пару веков назад. Быт одинокого человека более отлажен и ритуализирован, в нем меньше присутствует элемент стихийности. Безусловно, здесь снова важен аспект отношения человека к своему одиночеству, станет ли дом – Домом, оазисом и местом отдыха от трудов, где все рационально продумано и выстроено так, чтобы служить потребностям человека. Либо, напротив, человек, избегая оставаться наедине с собой, старается минимизировать бытовую сферу своей жизни.

Сфера досуга для одинокого человека широко представлена в современном обществе: всевозможные путешествия, туры выходного дня (заполнить временное пространство), кино и видеоиндустрия, огромное количество литературы и телепередач, любые формы досуга на самый разный вкус и достаток. Человек, сумевший принять свое одиночество, выберет путь самореализации и воплощения своих способностей, благо существует широкий диапазон увлечений, среди которых наверняка встретятся отвечающие его внутренним запросам. Человек, находящийся в состоянии внутреннего конфликта, будет выбирать не те способы, которые обеспечат встречу и знакомство с собственным «Я», а те, которые позволяют ему «сбежать от себя», хотя бы на время.

Люди опасаются бывать наедине со своими мыслями, и потому ищут спасения от одиночества в развлечении – к такому выводу пришел Блез Паскаль [6]. Он обратил внимание на какую-то несуразу в поведении людей: вместо того чтобы предаваться праздному покою, о котором нередко приходится мечтать, они неудержимо тянутся к «развлечениям», хлопотным, дорогостоящим и опасным для жизни. Истинным смыслом всех этих авантур было не достижение мнимых целей, а бегство от самих себя, из страха оказаться в одиночестве. Люди стремятся занимать служебные посты, доставляющие немало хлопот, потому что к ним стекаются посетители, не оставляя времени подумать о себе. Парадокс человеческого существования Паскаль видит в том, что, преодолев препятствия, чтобы достичь покоя, человек начинает тяготиться этим покоем, так как попадает в плен мыслей о бедах нагрянувших или грядущих.

В любом случае, жизнь каждого из нас неотчуждаема, то есть никто не может прожить за нас нашу жизнь: живем ли мы в одиночестве либо постоянно окружены людьми. Мы находимся только в определенном месте и в определенное время и видим наш мир «здесь и сейчас», в этом причина изначального одиночества. Суметь выстроить отношения с окружающим миром и людьми – важнейшая задача каждого человека, только в этом случае мучительное одиночество превратится в желанное эпизодическое уединение.

Примечания

1. Денисова Т. Ю. Одиночество как экзистенциально-социальный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2008. 22 с.

2. Всемирная энциклопедия: Философия / главный науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М.: АСТ; Минск: Харвест: Современный литератор, 2001. С. 1312.

3. Кант И. Сочинения в шести томах / под ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М.: Мысль, 1963. Т. 1. 378 с.

4. Неумоева Е. В. Одиночество как психический феномен и ресурс развития личности в юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тюмень, 2005. 26 с.

5. Тихонов Г. М. Феномен одиночества: теоретические и эмпирические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Нижний Новгород, 2006. 46 с.

6. Паскаль Б. Из «Мыслей» / Ларошфуко и др. Суждения и афоризмы. М.: Политиздат, 1990. С. 192.

УДК 101.3

А. В. Прошак

К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ В МЕДИАПОЛЕ

Основываясь на системе полей П. Бурдьё, автор исследует свойства медиаполя, которое вбирает в себя другие поля. В статье анализируется внутренняя структура медиаполя с ее двойственностью, противоречиями, ограничениями, рутинной.

The study based on P. Bourdieu's system of fields dwells upon the features of media-field which incorporates other fields. The interior structure of media-field with its duality, inconsistency, limitations, routine is analyzed in article.

Ключевые слова: медиареальность, медиаполе, темпоральность, дискурс.

Keywords: media-reality, media-field, temporality, discourse.

Медиаполе – пространство, в котором складывается определенная конфигурация сил между медиаакторами (журналистами, издателями, учредителями, владельцами) и массмедиа (изданием, издательским домом), а также ньюсмейкерами (в том числе и рекламоделателями) – выразителями общественного/публичного интереса. Постепенно автономизируясь, медиаполе постепенно приобретает социальные отношения, цели и средства, свойственные только ему и отличные от других полей.

Оно характеризуется специфическими механизмами капитализации свойственных ему легитимных средств. Но в других полях эти капиталы распределяются неравномерно. У политического поля капитал объемнее, так как может включить элементы всех этих капиталов, сохраняя при этом свою специ-

фику и автономию. Поэтому медиаполе, стремясь к капитализации, присваивает себе функции политического поля. Захватывая участки социального пространства, массмедиа уплотняют свое автономное поле, изымая из других полей доступные элементы всех видов капитала. Настоящий медиамагнат концентрирует в своих руках все виды капитала.

Задача других полей – не дать медиаполю провозвести эту концентрацию, поэтому провозглашение массмедиа четвертой властью – не серьезнее, чем игра в «Монополию». Но правила те же: каждый стремится сконцентрировать в своих руках все виды капитала, а все вместе не дают произвести эту концентрацию (при полутаропартийной системе это достаточно сложно).

Итак, медиаполе – поле концентрации сил и многоборств, направленное на изменение соотношений этих самых сил в режиме форс-идеи. Но к этому стремятся и другие поля, в первую очередь политическое. Соотношение сил определяет структуру медиаполя в текущий момент, порождая новый медиамиф. Автономия поля – соотношение его открытости и закрытости, которое ведет к дуальности медиаструктуры.

Под натиском обстоятельств медиаполе неотвратимо превращается в поле рынка. Он закрыт, но активно работает. Слияние капиталов, инвестиции, ставки – все достаточно непрозрачно. Логика рынка: спрос рождает предложение. С одной стороны, нужно не утратить доверие и интерес аудитории, с другой – выдать рекламный продукт. Но в этом и состоит основная опасность. Чем больше аудитория отделяется от поля производства, тем выше риск ее потерять.

Массмедийный рынок требует определенной компетенции, которая является функцией медиаполя и определяет границы медиаполя. «Медиакомпетенция» – прерогатива не только медиаакторов, но и аудиторов (читателей, слушателей, телезрителей, пользователей Интернета). Но компетенция медиаактора отгораживает его от аудитории, он знает то, о чем его аудитория только предполагает. Например, о том, что у политической, идеологической цензуры в наше время сильное подкрепление – цензура экономическая, для нее цифры в колонке «Прибыль» важнее «показателей» в виртуальной колонке «Истина». Массмедиа из «машины, делающей богов» превратилась в машину для печатания денег. И это обстоятельство ограничивает универсальность медиаполя. Соображения экономической целесообразности обозначают и пределы проблематики, и пространство занимаемых позиций.

Медиаполе двойственно: с одной стороны, оно безгранично, вбирая в себя информацию других полей, с другой – оно ограничено тем мыслимым или немислимым, что не является выразимым, доступными массмедиа средствами.

Вхождение в медиаполе – акт институализации субъективного (человек становится частью медиареальности). И снова приходится говорить о двойственности ситуации: с одной стороны, оно выражает эффект содействия, подтверждая легитимность тех, кто вошел в это поле, с другой – интерпретируя реальность, оно ограничивает, а то и лишает права знать тех, кто вошел в медиаполе, и тех, кто остается за его пределами.

Монополия профессионалов, их заговор против дилетантов нарушается лишь в критические периоды, тогда ломается и двойственная игра, и открываются границы поля, включаются мобилизационные силы общества – «народ имеет право знать».

Так было в ситуации с «Норд-Остом», когда в первые сутки захвата заложников контроль над ситуацией, а заодно и над телеэфиром потеряла власть и политическая, и массмедийная. Журналисты, ведшие репортажи, были потрясены случившимся не меньше, чем их телезрители. И они просто сообщали то, что видели, и честно говорили, чего они так и не смогли увидеть и узнать. Эфир был открыт для любого, кто считал себя вправе выступить в роли переговорщика. Границы открыты, стереотипы сломаны.

Но аппарат – наиболее устойчивая инерционная часть медиаполя. Его усилия направлены на восстановление границ. Чтобы медиасистема работала стабильно, функции всех медиаакторов должны слиться с функциями аппарата. Но этого не происходит никогда. Поэтому в личных архивах журналистов хранятся материалы – хроника трагических часов «Норд-Оста», интервью с пострадавшими и их близкими. Все будет востребовано временем, несмотря на расхожее мнение о том, что газетная новость живет сутки, а телевизионные – часы. Впрочем, о темпоральных свойствах медиареальности речь пойдет в одной из следующих глав. А сейчас время делать выводы.

Во-первых, медиаполе, опосредованно вбирая в себя другие поля, само нередко оказывается игроком на чужом поле, например, поле власти.

Во-вторых, анализ внутренней структуры массмедиа и медиапространства, на котором функционирует, подчиняясь своим внутренним законам,

отношениям структур, приводит к противоречиям внешнего характера, вплоть до пренебрежения некоторыми постулатами Закона о печати.

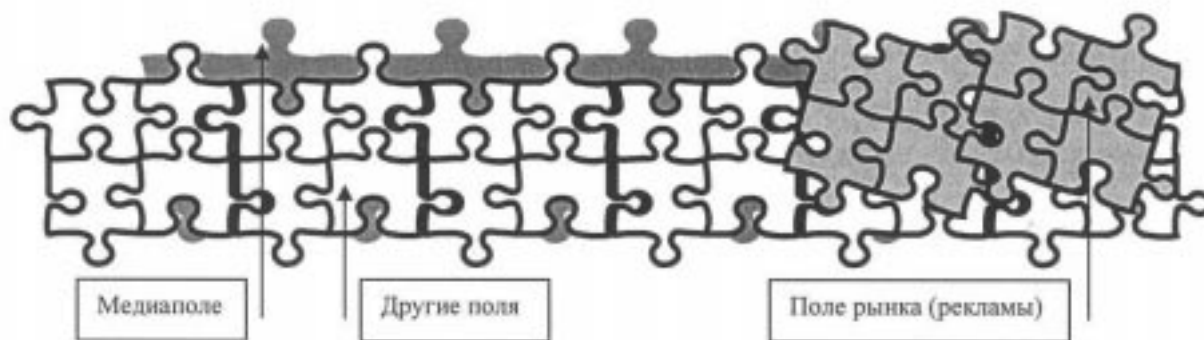
В-третьих, анализ позиций и диспозиций самих медиаакторов, которые в немалой степени и сами медиапродукты, ведет либо к поддержанию существующей структуры и дискурса, либо ведет к их трансформации.

Медиаакторы, вынужденные действовать в рамках экономической реальности, становятся двойными, а то и тройными агентами, совмещая в себе противоположные диспозиции. Все зависит от «иерархии, установившейся в отношениях между различными видами капитала и их держателями» [1] в медиапространстве. Краеугольный вопрос: кто на чьем поле? Остальное неважно. Ответ именно на этот вопрос позволяет судить об адекватности модели отражения той или иной сферы (поля) реальности.

Медиапространство, с одной стороны, универсально, потому что моделирует медиареальность, интегрируя другие поля. С другой стороны, медиапространство автономно благодаря своей способности интерпретировать реальность собственными средствами. Журналистская работа – не произведение «чистого искусства», которое может, если захочет, и вовсе отрицать реальность, массмедиа же всегда утверждает обратное, как бы не были ее суждения далеки от реальности. Несмотря на свою автономность, медиареальность постоянно оказывается включенной в контекст других сфер (полей) реальности.

«Каждое поле, – утверждает П. Бурдьё, – подразумевает и производит свою особую форму *illusio*, т. е. вовлеченности в игру [*investissement dans le jeu*]. *Illusio* выводит агентов из состояния безразличия и побуждает к приведению в действие тех различий, которые существенны с точки зрения логики поля, к распознаванию того, что важно (то, что “меня задевает”, *inter-est*, в противоположность тому, что “все равно”, безразлично, *indifferent*) с точки зрения фундаментального закона поля» [2].

Пожелание Маркса, чтобы журналистика была анонимной, в известной степени сбылось. Массме-

диа дорожит не столько автором, сколько возможностью производства информации, и даже это уже становится ценностью второго порядка, главный капитал – свободное время потребителя.

Сенсация – нерв медиареальности. Новость – товар, который, во-первых, не должен залеживаться, во-вторых, должен иметь «товарный вид». Этим и объясняется избирательный подход в выборе фрагмента события для последующей его интерпретации в соответствии с доминирующим интересом. Об этом еще в позапрошлом веке иронично писал В. Ключевский: «Я очень ценю “Русские ведомости” с методологической стороны: они доказывают, как выгодно издавать газету при самых скудных умственных и нравственных средствах» [3].

Что можно противопоставить такого рода «журнализму»? Чувство подлинности, выверенное непреходящими нравственно-этическими ценностями. Парадокс состоит в том, что при всеобщем понимании необходимости возрождения и развития культуры и духовности не менее распространено и желание получить прибыль.

Но рано или поздно всякая система трансформируется, причем даже в том случае, если внешние условия остаются неизменными. Разумеется, невозможно отрицать роль внешних условий, поскольку они, наряду с другими компонентами, в определенных условиях выходят на первый план. Внешние воздействия способны ускорить или замедлить, облегчить или усложнить, усилить или ослабить реализацию внутренних возможностей системы, изменить направление ее развития или, наконец, ее разрушить. Но не менее важными компонентами медиареальности, как и любой другой социокультурной системы, являются цели и средства, которые формируются под воздействием свойств, внутренне присущих самой массмедийной системе, а также реальности, в которой она существует.

Таким образом, степень самодетерминации медиаструктуры зависит и от характера самой структуры, и от характера реальности (полей), и от ее специфического предназначения, степени ее самоконтроля и самоуправления. При прочих равных условиях, чем выше духовные качества, тем более независима система от внешних условий при реализации своих потенциальных возможностей.

Во-первых, основание для позитивных или негативных изменений медиаструктуры, как и любой другой социокультурной структуры, лежит в ней самой.

Во-вторых, дополнительной причиной изменения медиаструктуры является реальность, которая, в свою очередь, состоит из ряда постоянно изменяющихся структур (полей).

В-третьих, изменяясь, медиаструктура порождает ряд последствий, которые изменяют не только окружающую реальность, представления о ней, но и саму структуру.

Предположим, что представления о реальности отчасти этичны и отчасти неэтичны. В какой-то определенный момент неэтичная часть медиареальности начинает преобладать. В таких условиях медиареальность как система либо обречена на этическую гибель, либо должна заново определить свои составляющие. Однако с течением времени новая доминантная система переживает ту же самую трагедию и рано или поздно вытесняется «соперником», а точнее новым мифом. Другой альтернативы этой неизбежности не существует.

Творческий процесс во многом опирается на интуицию, которая является в этом случае главным фактором в процессе «поиска информации». Но в условиях растущей моральной, умственной и социальной деградации творческие способности убывают. По этим же причинам уменьшается этичность медиареальности, а следовательно, душевное равновесие тоже становится редкостью, вызывая деморализацию медиаакторов.

На критической стадии развития массмедиа, равно как и медиаактор, становятся неуправляемым, отбрасывая все ограничения, не исключено, что и этические. «Ему нужен “полицейский истории”, который в первую очередь подвергнет его тяжкому и чисто физическому насилию, как это делает в нынешнем тоталитарном государстве “полицейский истории”; а затем постепенно, после того как его скрутят, на него наденут смирительную рубашку идеациональной культуры для конструктивного и подлинного “переучивания” и “переориентации” – как в отношении себя, так и в отношении мира ценностей и действительности в целом» [4].

Иначе говоря, речь идет о корреляции выбора адаптивной направленности. Он зависит от трех предпосылок. Во-первых, от свойств личности медиаактора. Во-вторых, от полей, с которыми он взаимодействует. В-третьих, от комбинации первых двух предпосылок, ведущих к корреляции целеполагания.

У адаптации (деформации) есть своя цена. Антиномичность, непоследовательность, полярированность мнений у человека указывает на отсутствие характера, а у поработанных массмедиа является, как это не парадоксально, объективным стремлением избежать социального конформизма, потому что если лишь следовать конверсионным нормам, не нарушая их, не будет прогресса. Другое дело, что новые идеи для массмедиа – предвестники нового мифа. Он может быть более глубоко связан с антологическими реальностями, а может быть и бессовестной демагогией. «Совесть искажается социальной средой, а не определяется ею. И, быть может, наиболее искажается совесть экономической зависимостью» [5].

Примечания

1. Бурдые П. Поле литературы. Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2005. С. 370.
2. Бурдые П. Поле литературы. Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2005. С. 400.
3. Ключевский В. О. Тетрадь с афоризмами. М.; Харьков, 2001. С. 229–230.
4. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. С. 805–806.
5. Бердяев Н. А. О назначении человека // Опыт парадоксальной этики. М., 2003. С. 249.

УДК 122/129

Г. Н. Травников

ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Автор обращается к проблеме происхождения и сущности человека. В статье делается попытка доказать необходимость введения и обоснования «антропного принципа». Анализируется точка зрения Фридриха Ницше на проблему происхождения человека. В статье показано, что в человеке заложены возможности для любой деятельности. В рамках изучения философской антропологии раскрывается ряд причин появления человека и его эволюции.

The author turns to the problem of origin and nature of Man. An attempt to prove the necessity of introduction and substantiation of the “anthropic principle” is made in the article. F. Nietzsche’s point of view on the problem of origin of Man is analyzed. The author states that Man is capable of every activity. A number of reasons of origin and evolution of Man is revealed within the limits of studies of philosophical anthropology

Ключевые слова: философская антропология, человек, развитие, труд, деятельность, антропологический принцип, эволюция, наука.

Keywords: philosophical anthropology, man, development, labour, activity, anthropological approach, evolution, science.

В последние годы появились палеонтологические данные, согласно которым появление человека «отодвигается» с 3,5 до 4,5 миллионов лет назад. По мнению антропологов, гоминиды дивергировали от человекообразных обезьян, проходя следующие этапы: сначала (10–9 млн лет) появились обезьяны, потом возник «человек умелый» – австралопитек (4,5–3,7 млн), спустя 1,6 млн появился «хомо эректус» (человек прямоходящий) – неандерталец, всего лишь сто тысяч лет назад появился человек разумный – кроманьонец. Современный вид человека появился 40 тысяч лет назад.

© Травников Г. Н., 2009

Такая «неумолимая» линейная направленность все-таки заставляет видеть в развитии природы к человеку какую-то непонятную еще нам необходимость.

Многие ученые и философы пытаются доказать эту необходимость введением и обоснованием «антропного принципа». С точки зрения его авторов, жизнь – это не случайный всплеск природы, а космический феномен: разум и материя возникли из общей основы, они суть различные аспекты одной и той же реальности. В мире все «задумано» так, чтобы мог появиться человек. Он является необходимым и существенным дополнением природы, без человека природа была бы несовершенной, незаконченной, существующего порядка вещей могло бы и не быть. Но поскольку есть человек, то Вселенная обладает теми свойствами, какими она обладает. Не только человек адаптирован к Вселенной, но и она сама адаптирована к человеку.

Тем не менее существование некоего природного «замысла» противоречит обстоятельствам человеческого появления на свет. Человек сегодняшней, homo sapiens (человек разумный), к природе оказался настолько не приспособлен, что не должен был бы выжить. Ученые считают, что для того чтобы человек рождался совершенно готовым к жизни – как жеребенок или теленок, которые через несколько часов после рождения могут самостоятельно передвигаться, питаться и т. п., – для этого человек должен проводить в утробе матери 21 месяц. То есть мы все рождаемся как бы недоношенными. Ребенок человека много лет не может жить самостоятельно, ни одно животное не может позволить себе такой роскоши – до десяти-пятнадцати лет кормить и обучать собственное дитя.

Человеческий ребенок, в отличие от животного, рождается с открытой программой, в нем почти ничего не заложено наследственно – кроме некоторых инстинктов и неявных предрасположенностей. В этом смысле человеческое дитя формируется не во чреве матери, а здесь, в мире, когда слышит человеческую речь, чувствует материнскую любовь, видит краски и звуки мира.

Поскольку человек рождается с такой открытой программой, то из него можно вылепить что угодно. Человеческий мозг формируется под влиянием человеческого окружения с первых часов жизни.

Много лет в исторической науке, антропологии, философии господствовала точка зрения, согласно которой труд сделал человека человеком. Человек поднялся над животным состоянием только тогда, когда стал производить орудия труда, и производство есть его главное отличие от животных. Однако это положение сейчас представляется неверным: согласно данным антропологии, при-

митивные каменные орудия – топоры, дубины – просуществовали почти миллион лет, не подвергаясь существенным изменениям, за это время не было замечено, по археологическим раскопкам разных эпох, никакого усовершенствования техники обтесывания камней.

Если бы техническое умение было достаточным условием для определения интеллекта, то, по мнению известного американского философа Льюиса Мэмфорда, человек долгое время рассматривался бы как безнадежный неудачник.

Благодаря чрезмерно развитому и постоянно активному мозгу человек с самого начала своего существования обладал большей психической энергией, чем ему необходимо было для выживания на чисто животном уровне. И он должен был давать выход этой энергии не только при добывании пищи и размножении, но и в производстве очень странных вещей: наскальных рисунков, культовых предметов (тотемных столбов, которым поклонялись как духам рода, молитвенных дощечек и т. д.). «Культурная работа» заняла более важное положение, чем утилитарный ручной труд.

Далеко не всегда при раскопках древних стоянок человека археологи находили орудия труда, но почти всегда – предметы религиозного культа или какие-то образцы примитивного искусства. Человек оказался не столько животным, производящим орудия труда, сколько животным, производящим символы, – символическим животным.

Пока человек не сделал нечто из себя самого, он мало что мог сделать в окружающем его мире. Борьба за существование не завладела полностью энергией и жизнеспособностью первобытного человека и не отвлекла его от более насущной потребности: внести порядок и значение в каждую часть его жизни. В этом смысле ритуал, танец, песня, рисунок, резьба и более всего дискурсивный язык играли решающую роль.

Интересную точку зрения на проблему происхождения человека высказал Фридрих Ницше (1844–1900). По его мнению, человек в массе своей еще и не возникал. Человек массы – это супершимпанзе. Именно «супер», потому что в сравнении с обезьяной он более умен, хитер, ловок, но все равно это обезьяна или просто животное. Ницше считал, что теория Дарвина не подтверждается никакими серьезными фактами. Естественный отбор действительно способствует выживанию, но отнюдь не самых лучших и самых значительных особей. В результате естественного отбора никакого прогресса не происходит. Все яркое, красивое, талантливое вызывает зависть или даже ненависть и погибает – это особенно характерно для общества, но и в природе творится то же самое. Потомство дают лишь серые, невзрачные индивидуумы. У гениальных людей вообще редко бывают дети. Яркие люди, сильные и смелые, всегда идут

вперед, не бояться рисковать жизнью и потому чаще всего рано сходят со сцены истории.

Единственными представителями истинной человечности являются, согласно Ницше, лишь *философы, художники и святые*. Только им удалось вырваться из животного мира и жить целиком человеческими интересами.

Если, с точки зрения антропогенеза, человек как особый биологический вид возник в определенном историческом периоде, приблизительно миллион лет тому назад, то с точки зрения философской антропологии о его возникновении можно говорить лишь условно.

Во-первых, причина и основа появления человека до сих пор остается непонятной. Гораздо логичнее звучит предположение, что человек существовал всегда, он жил в многообразных формах животного мира совершенно иначе, чем морфологически родственные ему другие виды животных. Человека нельзя выводить ни из чего другого, он – непосредственная основа всех вещей. Человек есть с давних пор *подлинная форма жизни*, всякая другая жизнь – отпадение от нее, ибо не может более совершенное и универсальное произойти от более примитивного. Всякое новое складывается из простой суммы старых элементов. И может даже оказаться так, что не человек произошел от обезьяны, а обезьяна от человека [1].

Во-вторых, происхождение человека продолжается – как для отдельного индивида, так и для человеческого рода в целом: как ни один человек не может сказать о себе, что он стал человеком, так и человеческое общество в целом может называться человеческим лишь с большими оговорками – ни у человека, ни у общества до сих пор нет иммунитета от животного зверства, насилия, злобы, нет никаких гарантий от того, что в случае непредсказуемых катаклизмов для массы людей не произойдет быстрый регресс к дикому состоянию.

В-третьих, возможно, что эволюция человека, в которой соединились силы материи и духа, продолжается и мы стоим на пороге возникновения принципиально нового вида человека, который будет отличаться от нас так же, как мы отличаемся от наших примитивных предшественников. Человек всегда больше того, что он сам о себе знает, он находит в себе то, что не находит нигде в мире, – нечто непознаваемое, недоказуемое, непредметное, ускользающее от всякого познания. Возможно, самое главное, составляющее нашу сущность, еще даже не проявлялось в ходе человеческой истории. Речь идет не о фантастических предположениях, а о том, что все, что мы знаем о человеке, предполагает невозможность фиксации его в каких-то окончательных, застывших формах.

Человек, его специфическая, в отличие от всего остального мира, природа, его сущностные силы

всегда были предметом пристального внимания философии. Кант считал, что философия стремится ответить на четыре вопроса: Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться? Что такое человек? В сущности, считал он, три первых вопроса можно свести к четвертому, а все науки – к антропологии. *Антропология* – это, по его мнению, фундаментальная философская наука.

Но философская антропология становится фундаментальной и центральной философской наукой лишь тогда, когда человек становится проблемой, когда начинают задумываться над вопросами: что такое человек, откуда он пришел в этот мир, чем он отличается от других живых существ и т. п. Человек не во все эпохи был проблемой. Мартин Бубер различал эпохи обустроенности и бездомности [2]. В эпоху обустроенности человек живет во Вселенной как дома, в эпоху бездомности – как в диком поле, где и колышка для палатки не найти. Так, в античности человек мыслится находящимся в мире, мир же в человеке не находится. Человек – просто часть мира, вещь наряду с другими вещами, вид наряду с другими видами. Человек – обладатель собственного угла в мироздании, правда, не в самых верхних его этажах, но и не в нижних. Скорее, где-то в средних, вполне сносных по условиям проживания.

Появившаяся вскоре после крушения античности, пришествие варварства молодая христианская религия констатировала распадение бывшей цельности мира. Теперь он – борьба двух противоположных сил, двух царств: Света и Тьмы, Бога и Дьявола. Человек больше не может быть вещью среди вещей, не может иметь твердого места во Вселенной. Составленный из души и тела, он принадлежит обоим царствам, будучи одновременно полем битвы и трофеем.

Первым таким философом, почувствовавшим бездомность и свое одиночество посреди высших и низших сил, был, по мнению М. Бубера, Аврелий Августин. С точки зрения Августина, человек – это великая тайна. Он сам не знает, кто он, чего в нем больше – божественного или дьявольского. Августин упрекал людей, которые восхищаются высокими горами, морскими волнами и свечением звезд, но не удивляются самим себе. Удивляться надо не тому, что человек – вещь среди других вещей, а тому, что он ни на одну вещь не похож, он вообще не находится в ряду вещей.

Когда же христианская религия окрепла и широко распространилась – в странах и душах людей, – она построила новый дом, новый христианский космос. Этот мир был совершенно реальным для средневекового человека. Реальными были круги ада, реально было чистилище, горный мир триединого Божества. Снова появился замкнутый в себе мир, снова дом, в котором может жить человек.

Человек в таком мире перестает быть проблемой, он занимает положенное ему место, он обустроен, ему спокойно и тепло. Он больше не мучается вопросом, каким мучился Августин: кто я такой и откуда пришел?

Стены этого дома рухнули после открытий Г. Галилея и Н. Коперника. Беспредельность надвинулась вдруг со всех сторон, и человек оказался в мире, устрашающая реальность которого не позволяла видеть в нем прежний дом. В этом мире он снова стал беззащитным, хотя на первых порах разделял восторг Дж. Бруно перед его величием, а потом математический восторг И. Кеплера перед его гармонией. Но уже Б. Паскаль увидел не только величие звездного неба, но и его жуткую загадочность, говоря, что вечное молчание бесконечного пространства пугает его. Снова человек стал проблемой, распад прежнего образа Вселенной и кризис ее надежности повлекли за собой и новые вопросы беззащитного, бездомного и потому проблематичного для самого себя человека.

Наука и философия последующих веков стали создавать новый *образ* Вселенной, но не новый *дом*. Стоит только всерьез принять идею бесконечности, считал М. Бубер, и нового дома уже не выстроить. Концепция замкнутого мирового пространства А. Эйнштейна также никоим образом не годится для обратного перекраивания Вселенной в новый дом. Это совсем иная замкнутость, иная конечность, которая уже не рождает ощущения вселенского дома. Эта концепция ставит крест на самых заветных стремлениях души, она противоречит всем ее надеждам и представлениям – этот новый космос можно помыслить, но нельзя себе представить. А человек, который его помыслил, уже не жилец в нем. Постепенно человечество вообще стало отрекаться от идеи построения, дома, оно все больше становилось бездомным, заброшенным, а этот мир – покинутым. Вновь и вновь у человека возникали вопросы о собственной природе, о своей истинной родине и путях ее поиска.

Человек, оставшийся один на один с миром, сделавшимся для него чужим, ищет то, что не включено в этот мир, ищет Бога, с которым он может общаться, в котором надеется встретить опору и поддержку. Но в каждую следующую эпоху, писал Бубер, одиночество все холоднее и суровее, а спастись от него все труднее. Человеку придется в себе самом найти силы и смысл своего существования, понять тайну своего существа [3].

Каждый из людей может назвать себя человеком, но признается это далеко не всеми. Да он и сам не во всех признает такого же человека. Далеко не всегда, следовательно, это название соответствует действительности. Человек – это существо, которое не всегда соответствует своему понятию.

Может быть, спрашивая или рассуждая о человеке, мы имеем в виду самих себя? Но, если мы

согласимся с этим, может возникнуть вопрос: а что в нас такого, что дает нам право говорить о себе как о человеке? Что делает нас людьми? Нужно признаться, что у нас нет разумных оснований считать себя людьми. Говорят: я состоялся как физик или как изобретатель, но никто не говорит: я состоялся как человек. Древние говорили: состояться как человек – значит построить дом, написать книгу, вырастить дерево. Но масса людей этого не делала. Можно ли отказать им в том, что они люди?

Когда мы знакомимся с другим человеком, нас порой в первую очередь интересуют не его человеческие качества, а то место, которое он занимает в обществе, т. е. социальные характеристики. Человек как будто «исчезает» в современной цивилизации. И это исчезновение ставит проблему человека с новой силой. Ни в одну эпоху взгляды на происхождение и сущность человека не были столь ненадежными, неопределенными и многообразными, как в нашу. «За последние десять тысяч лет истории, – писал виднейший представитель философской антропологии XX в. Макс Шелер, – наша эпоха – первая, когда человек стал совершенно проблематичен. Он больше не знает, что он такое, но в то же время знает, что он этого не знает».

«Что же это за химера – Человек? – восклицал Блез Паскаль. – Какая невидаль, какое чудовище, какой хаос, какое поле противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, бессмысленный червь земляной, хранитель истины, сточная яма сомнений и ошибок, слава и сор вселенной».

Кто распутает этот клубок?.. Узнай же, гордый человек, что ты – парадокс для самого себя. Смирись, бессильный разум! Умолкни, бессмысленная природа, узнай, что человек бесконечно выше человека...» [4].

Никто другой, считал Паскаль, не постиг, что человек – превосходнейшее из созданий. И тем

не менее люди себя оценивают то слишком высоко, то слишком низко. Поднимите ваши глаза к Богу, – говорят одни, смотрите на Того, с Кем вы так схожи и Кто вас создал, чтобы вы поклонялись Ему. Вы можете стать подобны Ему, мудрость вас с Ним уравнивает, если вы захотите ей следовать. Еще древнегреческий мыслитель Эпиктет говорил: «Выше голову, свободные люди!». А другие говорят: «Опусти свои глаза к земле, ты, жалкий червь, и смотри на животных, своих со товарищей».

Сила, создавшая человека, создала и самую большую загадку для него, загадку его собственной сущности, и человек всю свою жизнь и на протяжении всей истории пытается ее разгадать.

Человек во все века предстал перед теми, кто пытался его познать, кто задумывался о своей судьбе и предназначении, как очень необычное, странное создание. Бог или природа сотворили человека, но при этом не дали ему ни определенного места, ни особого наследия. Все другие сотворенные существа подчиняются определенным законам. Человек один ничем не связан: может делать что хочет и быть по своему выбору тем, на что решится по своей воле. Он сам оказался собственным мастером и строителем и должен формировать себя из материала, который ему подходит. Он может опуститься на низшую ступень животного мира, но может и подняться до вершин духовной деятельности. В нем нет никакой предопределенности ни к роду занятий, ни к виду поведения. В нем заложены семена для любой деятельности и зародыши любого образа жизни.

Примечания

1. Ясперс К. Философская вера // Смысл и значение истории. М., 1991. С. 448.
2. Бубер М. Проблема человека // Я и ты. М., 1993.
3. Там же. С. 83–87.
4. Паскаль Б. Мысли. М., 1995. С. 10.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

УДК 659.1:791

И. В. Дьяченко

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДИСКУРСА И ИНДИКАТИВА РЕКЛАМЫ КИНО

В статье проводится социокультурное исследование рекламы кино. При помощи методов контент-анализа и социологического опроса выявляется специфика воздействия рекламных текстов, их взаимодействие с социальными установками. По результатам исследования сделаны выводы о возможностях развития дискурса текстов рекламы кино.

Sociocultural analysis of film advertising is conducted in the article. Using the methods of content analysis and sociological inquiry the author defines the specificity of advertising text effect and its interaction with social attitudes. As a result of research the conclusions about the prospects of text advertising discourse development are drawn.

Ключевые слова: социокультурный анализ, реклама кино.

Keywords: social and cultural research, film advertising.

Сегодня, когда в условиях глобального кризиса снижаются объёмы государственной поддержки российского кино [1], актуализируются проблемы, зрелые в рамках кинематографического процесса в России на протяжении нескольких последних лет. Развитие рынка рекламы кино в России привело на сегодняшний день к положению, при котором продвижение кинопроектов по объёму затрачиваемых интеллектуальных и финансовых ресурсов стало сопоставимо с затратами на производство самих фильмов [2]. При этом, несмотря на предпринимаемые меры по продвижению фильмов, посещаемость кинотеатров в России находится на низком по мировым меркам уровне, а объём кассовых сборов фильмов отечественного производства является недостаточным для функционирования кинематографического процесса на принципах рыночных отношений, то есть систематической окупаемости российских кинопроектов [3]. Данное положение актуализирует потребность в изучении социокультурных свойств рекламы кино, её роли в формировании современной кинематографической культуры, опосредованном позицио-

нировании кинематографа, взаимодействии с различными социальными группами.

Социологический опрос (N=652) по теме рекламы кино, проведённый в г. Екатеринбурге в сентябре 2009 г., а также контент-анализ 65 трейлеров и 18 роликов кинорекламы, представляющих фильмы, попавшие в первую десятку еженедельного российского чарта кинопроката в период с 14 мая 2009 г. по 13 сентября 2009 г., позволили проанализировать характер взаимодействия рекламы кино и общественных установок.

Как известно, в рекламе кино, как и в любом другом виде рекламы, может быть выделена двухаспектность составляющих её компонентов: прямое и косвенное воздействие [4]. Первый аспект рекламы кино, прямое воздействие – объективная информация о фильме, его создателях, жанре, принадлежности национальной кинематографии, сюжетно-зрелищных особенностях. Второй аспект, формально-динамические характеристики – художественные образы, приёмы, рекламные идеи, воздействующие на зрителя, как правило, без отчётливого осознания эффекта последним. Прежде всего, контент-анализ сцен и эпизодов продемонстрировал, что использование кадров, снятых специально для рекламы, оказалось сведено к минимуму при производстве трейлеров и рекламных роликов: из всех исследуемых аудиовизуальных произведений только при производстве одного были задействованы материалы, которые не входят в рекламируемую кинокартину и не могут быть отнесены к ней.

Принято считать, что формально-динамические характеристики рекламы подвержены постоянным изменениям, обусловленным потребностью в ориентации на различные слои населения, обеспечении новизны восприятия для привлечения дополнительного внимания потребителей, отстройки от конкурентов. Однако применительно к рекламе кино данное правило не находит своего подтверждения. Положение, при котором практически все трейлеры и ТВ-ролики созданы по аналогичной технологии, позволяет сделать вывод о достаточном узком, стандартизированном наборе формально-динамических характеристик, призванных подосознательно воздействовать на получателя рекламной информации. Заключённые рамками аудиовизуальных материалов, снятых в ходе съёмочного периода фильма, создатели рекламы вынуждены оперировать исходными данными, не соответствующими функционально целям создания продук-

ции рекламного характера, что значительно снижает возможность использования разнообразных приёмов и техник. Любые оригинальные идеи, подтверждающие свою практическую эффективность, начинают эксплуатироваться в массовом масштабе, нивелируя различия между разработчиками и создаваемыми ими рекламными произведениями. И хотя история кинематографа знакома с примерами оригинальных подходов к идейным решениям продвижения кинопроектов, тождественность идейных и художественно-изобразительных средств при производстве рекламы фильмов очевидна.

В то же время, принимая во внимание однотипный характер материалов кинорекламы и отталкиваясь от предложенного Левинсоном порядка эволюции рекламного дискурса, принадлежность рекламы кино сегодня может быть определена только ко второму этапу развития технологий продвижения товаров и услуг: рекламе качества вещи. В своём становлении реклама кино не перешла к этапу, на котором она позиционировала бы продвигаемую ею продукцию как составную часть образа жизни [5]. Также в структуре рекламных сообщений крайне сложно найти элементы рекламы человека – потребителя кинопродукции. Сегодня, когда предметом рекламы становится динамичная ролевая ситуация, в контексте которой люди рассматривают продвигаемую вещь, технологии маркетинга кино оказываются на несколько ступеней позади в предложенной классификации этапов эволюции рекламы. Возможно, одной из проблем встраиваемости кинотеатрального проката в систему символических ценностей является её неспособность позиционировать рекламируемую продукцию в контексте социально обусловленных отношений. Как следствие, реклама кино оказывается фактически лишена мотивов престижа и уподобления, особенно широко используемых в современной рекламе. Повторяемость дискурса, применительно к рекламе кино проявляющаяся в стереотипности материалов продвижения кинокартин, приводит, по выражению французского философа и социолога Ж. Бодрийяра, к состоянию, когда зритель если не приобретает иммунитет к рекламным сообщениям, то, по крайней мере, оказывается в достаточной степени свободен по отношению к ним или не хочет признавать влияния рекламных материалов на принятие решения [6].

В этом положении, когда зритель всё лучше адаптируется к рекламному императиву, в изучении социокультурного эффекта рекламы киноактуальность приобретает вопрос чувствительности общества к рекламному индикативу, то есть к самому факту существования рекламы как вторичного потребительского товара и очевидного явления определенной культуры [7]. В этом контексте показательным является исследование, позволившее определить, насколько для современной рек-

ламы кино присуще положение о двуединой природе «свободы» рынка. С одной стороны – фигурирование тех или иных позиций в рекламных сообщениях, выделяющих их из общего репертуара, снимает с реципиента рекламы груз моральной и психологической ответственности за свой выбор. С другой стороны, ощущение свободы выбора, индивидуального решения зрителя при выборе фильма должно возникать благодаря многообразию представленных в рекламе фильмов как таковых, их жанровой дифференциации, принадлежности различным национальным кинематографиям, участию в создании фильмов разнообразных кинозвёзд. Показательным становится сопоставление характеристик рекламных трейлеров и ТВ-роликов, продвигающих различные по вышеперечисленным параметрам проекты.

Таблица 1

Что определяет выбор фильма для просмотра?

№	Значение	Количество	% отв.
1	Актеры, режиссер	481	74,34
2	Жанр	250	38,64
3	Советы друзей, знакомых	274	42,35
4	Реклама	90	13,91
5	Рецензии, статьи о фильме	154	23,80
6	Стараюсь посмотреть новые фильмы	66	10,20
7	Страна-производитель фильма	67	10,36
8	Тематика	240	37,09

Аспект кинопроизведения, названный наиболее часто респондентами при ответе на вопрос о значительных параметрах при выборе фильма – участие в картине актёров и режиссёров (табл. 1).

Таблица 2

Указываемые исполнители

	Трейлеры		ТВ-ролики	
	количество	доля, %	количество	доля, %
Режиссёр	14	21,54	3	16,67
Автор сценария	1	1,54	1	5,56
Продюсер	4	6,15	2	11,11
Актёр	27	41,54	3	16,67
Ссылки на другие фильмы	8	12,31	1	5,56
Другой	4	6,15	1	5,56

В ходе контент-анализа установлено, что в аудиовизуальной рекламе фильмов осуществляется дифференцированный подход к зрительному или звуковому акцентированию внимания на тех или иных актёрах и создателях кинокартины (табл. 2). В частности, для трейлеров характерна относительно высокая частота упоминания актёров и режиссёров, что вполне соответствует системе критериев при выборе фильма, определённой в ходе опроса. Для телевизионной рекламы фильмов, напротив, показатели аудио- или визуального акцентирования внимания на создателях проекта значи-

тельно ниже. Объясняется данное положение прежде всего спецификой аудитории, охватываемой трейлерами и телевизионной рекламой. Очевидно, уровень вовлечённости посетителей кинотеатров в современный кинематографический процесс значительно выше, что влечёт за собой более высокую степень узнаваемости современных актёров и режиссёров. Для телезрителей, по мнению создателей рекламы, ссылка на режиссёров и актёров не является необходимой. Производители рекламы в своих технологиях продвижения рассчитывают на значительно более высокий уровень избирательности посетителей кинотеатров, нежели телезрителей. В то же время именно для части респондентов, обозначивших по итогам опроса ТВ-ролики в качестве доминирующего источника информации, характерен большой интерес именно к «актёрам и режиссёрам» как аттрагирующим свойствам фильмов и «телевидению» как основному источнику информации о кино (табл. 3).

Таблица 3

Определяющие выбор фильма параметры для респондентов, предпочитающих различные источники информации о фильмах

Значение	Трейлеры	ТВ-ролики
Актеры, режиссёр	60,00	74,12
Жанр	54,71	37,35

Принимая во внимание низкую частоту акцентированного внимания к актёрам в современной телевизионной рекламе, сделаем вывод об определённой дисгармонии в продвижении фильмов по отношению к представителям старших возрастов, выделяющих «актёров и режиссёров» в качестве наиболее привлекательных признаков фильма и использующих телевидение в качестве «окна» в

мир кинематографа. Можно сказать, что создатели рекламных проектов, в том числе российских, не используют в должной мере возможности кинорекламы для развития индустрии кинозвёзд, являющейся, как показывают результаты социологического опроса, важным фактором в развитии кинематографической культуры.

Следующая характеристика фильма, чьё опосредованное позиционирование через рекламу подвергается исследованию, – жанровая принадлежность.

Все трейлеры, в соответствии с предложенной американскими исследователями классификацией [8], были дифференцированы на безальтернативной основе по четырём основным категориям: экшн, комедии, драмы и триллеры. Сопоставление профилей различных категорий трейлеров позволило проследить характерную для них специфику по параметрам использования изобразительно-выразительных средств, видов монтажа, сцен и эпизодов, поднимаемой тематики (табл. 4). Как показали результаты исследования, увеличение монтажного темпа и резкое возрастание звукового воздействия есть атрибут, более свойственный трейлерам таких фильмов, как экшн и триллеры. Яркой характеристикой триллеров также является 100%-й показатель преобладания сцен со слабым светом, что отвечает сюжетно-зрелищным особенностям данного жанра. Соответственно сцены с интенсивным светом значительно преобладают в кинорекламе комедий. К числу характеристик рекламы, отражающих категориальную принадлежность продвигаемых ими кинокартин, можно также отнести широкое распространение клипового монтажа в рекламе фильмов экшн и, напротив, его меньшую популярность в рекламных роликах драмы. Что касается сцен, задействованных в рекламных мате-

Таблица 4

Сопоставление профилей трейлеров и ТВ-роликов.

	Трейлеры				ТВ-ролики	
	Экшн	Комедия	Драма	Триллер	Экшн	Не Экшн
Изобразительно-выразительные средства						
Увеличение монтажного темпа	88,00	66,67	71,43	100,00	70,00	37,50
Резкое возрастание звукового воздействия	96,00	85,71	71,43	100,00	100,00	100,00
Преобладание слабого света	68,00	19,05	42,86	100,00	90,00	37,50
Преобладание интенсивного света	32,00	80,95	57,14	0,00	10,00	62,50
Используемый вид монтажа						
Клиповый монтаж	92,00	80,95	57,14	87,50	90,00	62,50
Сцены и эпизоды						
Ключевые диалоги	80,00	100,00	100,00	100,00	20,00	75,00
Погони	76,00	95,24	42,86	12,50	90,00	75,00
Боевые столкновения, перестрелки	88,00	38,10	28,57	50,00	90,00	50,00
Сцены насилия	52,00	0,00	0,00	62,50	50,00	12,50
Юмор	20,00	100,00	71,43	0,00	0,00	62,50
Тематика						
Взаимоотношения мужчины и женщины	8,00	47,62	57,14	12,50	0,00	25,00

риалах, то особенно по показателям использования эпизодов с погонями, боевыми столкновениями, перестрелками, насилием и юмором прослеживается чёткая корреляция с жанром продвигаемых кинопроизведений. Также наиболее популярная в трейлерах тема взаимоотношений мужчины и женщины чаще всего встречается в рекламе драмы.

Что касается сопоставления различных профилей ТВ-роликов, то ввиду их общей малочисленности целесообразным с точки зрения задач исследования стало сопоставление всего двух типов рекламных произведений: рекламирующих и не рекламирующих экшн – самый распространённый жанр фильмов, телевизионная реклама которых исследуется. Сопоставление данных общностей телевизионной рекламы также позволило верифицировать ТВ-ролики на предмет отражения ими жанровой дифференциации фильмов. Как показали результаты контент-анализа, по многим ключевым позициям категорий исследования рекламные материалы отражают специфику отнесения к определённому жанру.

Таким образом, по результатам исследования могут быть сделаны следующие выводы относительно специфики воздействия рекламы кино на кинематографическую культуру аудитории и сопоставления её структуры с представлениями различных социальных групп. Прежде всего, рекламу кино отличает стандартизация формально-динамических характеристик, проявляющаяся в однотипности материалов, используемых для компоновки аудиовизуальных рекламных произведений. Данное положение не позволяет дискурсу рекламы выйти за пределы позиционирования качества товара, что выделяет рекламу кино из современной картины мира рекламы, где эволюция дискурса установила формат представления ролевой ситуации, разыгрываемой вокруг рекламируемого товара. Таким образом, реклама кино оказывается лишена мотивов «престижа» и «уподобления», указываемых исследователями в качестве движущих в маркетинге [9].

Другим аспектом рекламы, дисфункционально характеризующим её социокультурное взаимодействие, по результатам исследования стало нивелирование в телевизионных роликах основных исполнителей проектов, что не соответствует ожи-

даниям той части аудитории, которая ТВ-рекламу рассматривает в качестве основного источника информации о фильмах. В то же время тезис о представлении средствами рекламы многогранности кинематографической картины мира был отчасти успешно верифицирован. Реклама относящихся к различным категориям фильмов, как показал контент-анализ, обладает спецификой, позволяющей идентифицировать жанровую принадлежность данных кинокартин, что позволяет говорить об отражении в рекламе некоторой широты представленного в кинематографе разнообразия.

Соотнесение данных социокультурных характеристик рекламы с обозначенной проблемой низкой посещаемости кинотеатра и невозможностью функционирования кинематографического процесса в России на началах рыночных отношений позволяет обозначить в качестве резервов кинопосещаемости и развития кинокультуры внедрение новых технологий конструирования рекламных текстов, дискурс которых соответствовал бы современным тенденциям представления ролевой ситуации, разворачивающейся вокруг продвигаемого товара или услуги, а также более активное позиционирование основных создателей кинопроектов как фактора, играющего, по мнению респондентов, значительную роль при выборе фильма для просмотра.

Примечания

1. Демина Ю., Дмитриева Е. Официальный отказ. Кино не получит господдержки // <http://www.rbcdaily.ru/2009/04/08/media/409471>
2. Полюса кинопроцесса: притяжение и отталкивание / Федеральное агентство по культуре и кинематографии, НИИ киноискусства; под общ. ред. М. И. Жабского. М., 2006. С. 363.
3. Итоги кинотеатрального проката российских фильмов 2008 // <http://www.proficinema.ru/distribution/analyses/detail.php?ID=47163>
4. Дударева А. Рекламный образ. Мужчина и женщина / «РИП»-Холдинг. М., 2002. С. 66.
5. Левинсон А. Заметки по социологии и антропологии рекламы // НАО. № 22. С. 101–129.
6. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Изд-во РУДОМИНО, 2001. С. 178.
7. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Изд-во РУДОМИНО, 2001. С. 186.
8. Sundaram H. Determing Computable Scenes in Films. Columbia University. N. Y., 2001.
9. Федотова А. Н. Социология рекламной деятельности. М.: Гардарики, 2002. С. 27.

УДК 316:613.885

А. К. Витязев, Г. А. Борозинец

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА МАТЕРЕЙ – НОВЫЙ ШАГ В РАЗВИТИИ ТРУДОВОГО МАТЕРИНСТВА

В статье поднята проблема подготовки молодых женщин к профессиональному материнству. Акцентируется внимание на том, что низкое качество здоровья новорожденных часто обусловлено низкой медико-санитарной культурой населения. В то же время требования инновационного рывка в сфере материального производства в России диктуют необходимость в населении, способном овладевать достижениями науки и техники. Большое неконкурентоспособное население создает проблему отставания в социальном развитии. Для повышения здоровья народа следует обратить особое внимание на профилактику врожденной патологии – развитие трудового материнства.

The problem of training young fertile women for professional maternity is raised in this article. The author draws our attention to the fact that low quality of newborns' health is often caused by low medical and sanitary standards of the population. At the same time the requirements of innovative breakthrough in the sphere of productive industry in Russia dictate the need of population, apt to become proficient in achievements of science and technology. Unhealthy and uncompetitive population creates the problem of social development lag. In order to improve the people's health it is necessary to pay special attention to prevention of congenital pathology, that is, developing of professional motherhood.

Ключевые слова: профессиональное материнство, профессиональная подготовка матерей, повышение качества рождаемости, повышение успеваемости и обучаемости, инновационный рывок социального развития.

Keywords: professional maternity (motherhood), professional training of mothers, improvement of fertility quality, advancement of progress in studies and development of learning capability, innovative breakthrough of the social development.

Как известно, со второй половины XIX в. Европе начинает беспокоить проблема качества рождаемости. Косвенно на это указывает появление в научном обороте термина «евгеника» (1883 г.), затем – выражений «контроль рождаемости» и «планирование семьи». Кроме того, таким мыслителем, как Т. Мальтус (1766–1834), замечено, что рост численности населения, опережая рост производства средств существования (материальных благ), способствует распространению голода и нищеты [1]. Ну а голод, понятно всем, не способствует укреплению здоровья беременных женщин и отрицательно влияет на развитие плода и его здоровье.

В России проблема сбережения народонаселения поднята раньше, чем в Европе. Об этом свидетельствует письмо «Рассуждение о размножении

и сохранении русского народа», написанное в 1761 г. М. Ломоносовым графу Шувалову.

В общем, не разглагольствуя долго о развитии научной мысли в сфере воспроизводства населения, а также об индустриальном, постиндустриальном и о соответствующих (первом и втором) демографических переходах [2] – демографических взрывах и дефиците рождаемости, – следует обратить внимание на то, что в наше время конкурентоспособность национального государства не может не зависеть от здоровья нации, этноса – от его трудоспособности, выразимой в производительности (продуктивности) труда.

Относя «произведение ребенка на свет» к труду – ведь именно труд отличает людей от животных – и благодаря этому называя материнство трудовым, можно задуматься над тем, что такое есть производительность и эффективность материнского труда и влияет ли на них каким-либо образом профессиональная подготовка.

Отвечая на поставленные вопросы, следует вначале сказать, что не нужно смешивать человеческую «репродуктивность» с «плодовитостью» и тем более с «плодородностью», так как первое понятие и отвечающее ему явление связаны с социальной, а не биологической жизнью. Под плодовитостью обычно понимается половая продуктивность самок животных [3]. Поскольку человек – биосоциальное животное, то эта его биологическая способность к зачатию и рождению определенного числа детей (плодовитость) социально детерминирована. Социальные животные, в отличие от биологических животных, знают, каким образом можно влиять на реализацию естественной плодовитости. Современные женщины умеют планировать беременность. Поэтому если плодовитость человека как биологического вида составляет 10–12 живорождений за всю жизнь (или 12–15 беременностей с учетом мертворождений и самопроизвольных аборт), то суммарный коэффициент рождаемости в наши дни в России не дотягивает до двух. Относя планирование к управлению, можно антропологическую репродуктивность назвать управляемой плодовитостью и сказать, что вместо 10 детей современная женщина цивилизованных стран имеет в среднем не больше двух, что ее биологическая плодовитость не реализуется полностью по социальным причинам. Называя детей продуктами репродуктивного труда, производительность его можно оценивать числом живорожденных детей, производимых одной женщиной за детородный (фертильный) период. Принимая данное предложение, следует, во-первых, суммарный коэффициент рождаемости считать показателем производительности репродуктивного труда женщин, во-вторых, указать на то, что при величине 2 и ниже он относится к низким. А вообще необходимую детородную производительность труда можно рассчитывать,

исходя из планируемой рождаемости и наличной численности репродуктивно здоровых женщин фертильного возраста (тех женщин, что способны к зачатию, вынашиванию беременности и родам – репродуктивному труду).

Также здесь необходимо сказать, что современное управление во всех областях человеческой деятельности имеет научную основу. Кроме всего прочего, управление рождаемостью (произведением детей на свет) входит в состав управления воспроизводством населения, органы которого используют в своей деятельности систему оценок этого явления. Так, например, ежегодно в России регистрируется абсолютное и относительное число новорожденных. Ведется учет случаев мертворождений, а также родовой и прочей, связанной с производением детей на свет, патологии. При этом соотношение мертворожденных и живорожденных детей, рожденных больными и здоровыми, полноценными и неполноценными, говорит о качестве рождаемости. Ну и, конечно же, соотношение величины материальных затрат, которые ежегодно несет общество в процессе произведения детей на свет, и численности родившихся, в том числе здоровыми, указывает на эффективность данного производства. Надо думать, дефицит рождаемости при низком качестве ее продукции ставит вопрос: достаточно ли денежных средств выделяется на производство детей в товарном обществе. И если постоянный рост затрат не приводит к планируемой цели, само собой возникает ответ, что дело не только и не столько в деньгах, как в чем-то еще другом. Возможно, из-за непрофессиональности современного кровно-родственного материнства решившие стать матерями женщины недостаточно профессионально относятся к производству детей на свет, а также к уходу за ними и их воспитанию.

Анализируя то, из чего складывается труд матери, следует обратиться к уже существующему социальному опыту – труду суррогатных матерей, нянечек и воспитателей детских дошкольных учреждений. Как известно, к вышеобозначенным видам работ допускаются профессионально пригодные лица женского пола, то есть обладающие необходимым здоровьем и трудовыми навыками. Если воспитателей готовят в специализированных учреждениях образовательного типа, нянечек – на рабочем месте, то суррогатные матери приобретают необходимые знания и умения задолго до трудо-

устройства, во время первой беременности и в родах, положительный опыт которых относится к важному условию приема на работу. То есть каждая суррогатная мать проходит, так сказать, «школу» кровнородственного материнства – психологическую и другую подготовку к родам, а также подготовку по уходу за детьми, проводимую силами медицинских работников женских консультаций. Это, скорее всего, недостаточно для того, чтобы женщина могла стать высокопрофессиональной матерью – совмещать в одном лице знания и трудовые навыки трех вышеназванных женских профессий. Вероятно, для формирования профессионального отношения матерей к производству детей на свет требуется специальная их подготовка, осуществляемая соответствующими центрами обучения.

В целом, следует сказать о том, что национальное правовое государство, проявляя заботу о здоровье – трудоспособности – своего этноса не может не обращать внимания на формирование трудового, в том числе профессионального, материнства. Разработав и приняв научно обоснованную программу его развития, оно сможет более эффективно управлять рождаемостью. Снижение числа врожденных уродств, детской заболеваемости и смертности, а также и материнской смертности – не все, что дает эффективное управление этой областью, относимой к сфере производства человека. Думается, унаследованное, врожденное крепкое здоровье позитивно влияет на успеваемость детей, а также на обучаемость подростков, юношей и взрослых, на темп усвоения ими знаний и умений – всего того нового, что предлагается им в качестве своеобразного интеллектуального вызова. Оно становится все более влиятельным фактором социального развития, особенно при его ускорении, не говоря о скачке, с которым связана ломка устаревших представлений. Ведь от здоровья зависит скорость адаптации человека к быстро меняющейся текущей социальной действительности.

Примечания

1. Баканов А. А. Мальтус Томас Роберт // Социология: энциклопедия. Минск: Книжный дом, 2003.
2. Галецкий В. Демографический переход и демографический взрыв // <http://www.krugosvet.ru/articles/104/1010477/1010477al.htm>
3. Мир словарей // http://mirslouvrei.com/content_efr/Plodovitost-zh-77714.html

УДК 316.723

А. В. Гаук

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО СИМВОЛИЗМА В БАЙКЕРСКОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

Социальное пространство приобретает знаковую разметку. Стремление к обретению «своего» социального пространства побуждает людей к участию в субкультурах. Байкеры – это носители своеобразного социального капитала, который преимущественно сводится к возможности социальной адаптации к повседневной социальной жизни через конструирование собственной территории социальных смыслов.

Social space obtains a symbolic marking. Aspiration for finding its “own” social space makes people join subcultures. Bikers are bearers of peculiar social capital that mainly resolves itself into possibility of social integration into daily social life through creating their own territory of social meanings

Ключевые слова: символизм, субкультура, типы знаков, социальное пространство, байкеры.

Keywords: symbolism, subculture, sign types, social space, bikers.

Общество представляет собой более или менее завершённую систему социального неравенства. Ресурсы распределяются в социальном пространстве очень неравномерно. Это касается уровня потребления продуктов питания, одежды, жилья, услуг, распределения политической, административной и духовной власти, условий труда и т. д. Разные позиции характеризуются разным объёмом и набором ресурсов. Индивиды, занимающие разные позиции, могут располагать разными ресурсами: по-разному питаться, одеваться, передвигаться и т. д. Ряд социальных групп возникает, не будучи экономически или профессионально обусловленным. Они не связаны с «нормальной» культурной традицией, но выражают установку переоценки существующих различий и задают собственные символические образцы. То же можно наблюдать и в байкерской субкультуре, в ней создаются присущие только этой субкультуре символические образцы.

Среда, в которой оказывается большинство людей, задаёт более или менее жесткие рамки потребления. Она действует как закон земного притяжения, ограничивая выбор вариантов поведения. Индивид, находящийся в социальной позиции, наделённой ограниченными ресурсами, при всем своем желании не может вести себя как эталонный потребитель, исключая имитацию в мелочах. Особенно отчетливо это проявляется в группах, воспроизводящих собственные модели и символические образцы поведения.

В современном обществе образ потребления – это модель символического поведения, навязываемая

средой. Потребление маркирует сферу необходимости, несвободы. Образ потребления представляет собой комплекс образцов, сформированный экономическими, социальными, политическими, культурными ограничителями. Прежде всего, это навязываемые средой границы потребительского выбора.

По типу потребления индивида можно определить, к какой части социального пространства, к какой группе он принадлежит. Пища, одежда, жилище, внешние проявления образованности (язык, знания и т. д.) выступают элементами текста, который читается окружающими, позволяя определить местоположение индивида в социальном пространстве. Образ потребления является знаком, по которому идентифицируется социальное положение агента.

Знак – это поддающийся прочтению произвольный след, оставляемый средой. Только тот элемент реальности, который замечается (субъективируется) и наделяется смыслом, может быть назван знаком. Знак не существует вне процесса чтения. Без читающего субъекта вещь остается просто физическим предметом, в котором нет смысла. Знак – это проявление взаимодействия.

В процессе социализации люди изучают язык природных и социальных знаков. Этот язык – достояние общества: он вырабатывается веками его истории, является результатом социальной практики многих поколений. Практическая деятельность, наука, СМИ, искусство осваивают реальность, пытаюсь увидеть в бесчисленных вариациях ее видимости проявления более глубоких сущностей, соотнося их как обозначающее и обозначаемое.

Исследование байкерской субкультуры в полной мере демонстрирует все эти особенности социально-знаковой демаркации как действующие. Наше исследование проводилось в 2007–2009 гг. на территории России и стран СНГ, в нем были использованы методы включенного наблюдения, контент-анализа, анкетирования, интервьюирования.

Были выявлены несколько типов знаков и символов в том числе и в байкерской субкультуре:

1) языковые (лингвистические) – использование в речи жаргонизмов и сленговых выражений;

2) визуальные:

– изобразительные – «цвета», нашивки, наклейки, значки, аэрография, татуировки, ювелирные украшения;

– жестовые – в основном используются во время езды на мотоцикле (выражение приветствия, предупреждение об опасности на дороге);

3) звуковые (аудиальные) – использование звуков мотоцикла для предупреждения человека или выражения своего мнения.

Индивид изучает этот язык (групп – агентов социализации) с ранних лет в семье, в кругу друзей, в школе, через телевидение, книги и т. д. Об-

щество через свои институты учит его, как надо правильно читать природные и социальные знаки, но это не исключает разночтений одного и того же комплекса знаков. В байкерской субкультуре индивид начинает изучение знаков сразу же, как только попадает в круг общения представителей данной субкультуры. Ему приходится принимать уже сложившиеся традиции, форму поведения в данной группе. Человек в данную субкультуру входит поэтапно, проходя путь от новичка до полноправного члена группы, а иногда и лидера. При этом он все больше окружает себя знаками и символами, погружается в них, по прошествии определенного времени может производить их сам. Это хорошо прослеживается на примере того, как происходит принятие в клуб нового человека. В течение нескольких лет, в зависимости от того, как быстро ему присваиваются звания, постепенно пришивается одна нашивка за другой, пока байкер не станет полноправным членом клуба, только тогда он имеет право носить на своей жилетке «цвета» клуба, т. е. полную символику байкерского клуба. Но и здесь его окружение символами и знаками не заканчивается, с получением: какого-либо статуса, будучи уже принятым в клуб, байкер пришивает на свою жилетку нашивку с названием данного статуса.

Это обусловлено тем, что, во-первых, язык знаков усваивается с разной степенью глубины. Во-вторых, любой язык включает социолекты – диалекты социальных общностей. Язык знаков также состоит из социолектов. В результате одному и тому же природному или социальному явлению в разных группах, слоях общества могут приписывать разный смысл. Отсюда разночтения одного и того же знака образованными и необразованными, молодыми и престарелыми, специалистами в данной области и дилетантами. В субкультуре байкеров язык знаков включает в себя различные элементы романтических, технических, криминальных и других знаков. Это локальные вариации, привязанные не к ландшафту, не к ремеслу, но к стилю жизни.

Разные культуры порождают разные языки. В результате этого один и тот же знак по-разному читается в разных обществах, культурах. Наблюдаемый природный или социальный феномен один и тот же, но в разных культурах в него вкладывается разный смысл.

В лексиконе байкеров присутствуют как жаргонизмы, так и сленговые выражения, которые тесно переплетаются между собой, и как всякий жаргон и сленг, их язык находится в процессе развития и подвержен интервенциям из лексикона «технарей», представителей криминального мира, различных тусовочных «систем» и иностранных языков, в первую очередь – английского.

Лексикон байкеров во многом подобен знакам, нашивкам, татуировкам. Язык байкеров скрывает тайну, он остается средством эмоциональной

связи со сферой таинственного, формирует чувство приобщенности к ней. Приобщившись к таинственному, байкер наполняет свою жизнь смыслом.

Байкерский лексикон являет собой:

а) средство самовыражения индивидуума, который считает себя незамеченным (большая ошибка считать, что если тебя заметят, то это замечательно. Часто «замеченный» попадает на учет правоохранительных органов или преступных группировок. Балансировать между этими полюсами – сложная и опасная игра, она не каждому под силу и должна быть оправдана вескими причинами. Иначе – финал с неутешительным результатом для байкера);

б) символику групповой принадлежности;

в) символику кажущейся независимости;

г) символический вызов обществу.

Словарь байкеров увеличился за счет новых видов мототехники и расширения круга общения байкеров, многие из которых сумели дожить до почтенного возраста. Словарь углубился из-за усложнения внутригрупповых отношений и необходимости отличительной фразеологии.

Байкеры – группа, тяготеющая к закрытости, стремящаяся ревностно оберегать свое смысловое пространство. Поэтому байкерский лексикон в большей степени служит инструментом в опознавательной системе «свой – чужой», безошибочно определяющей положение говорящего в байкерской иерархии, а также для игры, в которой участвуют представители различных по уровню образования слоев, объединившихся по единственному признаку – обладание мотоциклом.

Лексикон байкеров выполняет не только номинативную функцию, обозначая явления и предметы, отсутствующие в «цивильном» языке обывателей, но также, в незначительном объеме, служит для сокрытия истинных целей говорящего.

Лексикон байкера отличается специфическим тезаурусом и созданием новых слов. Очень условно в «байкероне» можно выделить:

а) заимствования из других жаргонов:

– уголовников («замести», «развести», «повязать»);

– технического («опозит», «вэшка»);

– хип-системы («зависнуть», «косяк», «расшибить»);

– англицизмы, когда носитель не ощущает иноязычное происхождение заимствования («трайк», «тюнинг», «чоппер»);

б) переосмысление широкоупотребительных слов («японец», «пылесос», «лопух», «рога»);

в) переоформление – сокращение, переход слов из одной стилистической категории в другую («кава», «яма»);

г) фамильярное отношение к предметам и событиям («козлить», «пулять», «нарезать», «шлемак»).

Таким образом, подчеркивается отличное знание техники, удалая лихость, игра со смертью и жажда риска. Ироничность байкера – это ироничность того, кто рискует жизнью на дороге. Близко к браваде. Заигрывание со смертью. Рисковые игры.

В байкерском лексиконе устойчиво представлены сферы повседневных интересов, а именно: мототехника («вила», «агрегат»); амуниция («косуха», «лопатник»); выпивка («бухло»); практика езды («рассекать», «сорваться»); персоналии стаи и публики вокруг («скамейкер», «кекс», «дед», «мочалка», «самодельщик»).

Байкеры придумывают новые слова, меняют их, но обозначают они старые понятия. Все это – для того чтобы расцветить жизнь, сделать ее интереснее, отказаться от «устарелого» (новое звучание – новая жизнь), заявить об особом восприятии жизни и, следовательно, о том, что мир байкеров – особый мир. Уникальность байкерского лексикона – обозначение одним словом и человека и механизма для большего эффекта, не определяя одушевленность/неодушевленность. Среди таких «байкентавров» глаголы «завестись», «сломаться», «чиниться»; существительное «колясочник»; прилагательное «заделанный» и пр. [1]

Успеху байкеров отчасти помог и резко отличающийся от всех внешний облик. Они намеренно одевались в рабочую, грубую и неприхотливую одежду, как бы подчеркивая свою индивидуальность, мужскую силу и гордость. Одежда, казалось, символизировала их беспокойную, полную различных эксцессов жизнь на дороге.

Каждый мотоклуб имеет свою символику – «цвета». Обычно это три цветные нашивки агрессивного содержания, которые пришиваются на спину кожаного жилета. Отсюда в сленге выражение «надеть жилетку», означающее вступление в мотоклуб. Как правило, верхняя нашивка несет название мотоклуба, нижняя нашивка – название города расположения, центральная – «мишень» – изображение эмблемы клуба. Они являются не только маркером, отличающим «своих», но и знаками различия. «Хэнгэраунд» в переводе на русский язык – ходящий около. Это байкер, общающийся с клубом, членом которого желает стать впоследствии. «Support» – это байкер из числа хэнгэраундов либо свободный байкер – протееже одного из членов клуба, как правило, имеет право носить только нижнюю нашивку. «Prospect» – это претендент на звание члена клуба, может быть из числа суппортов, либо за него поручились как минимум три члена клуба, либо протееже одного из офицеров, носит нижнюю и верхнюю нашивки. «Мембер» носит полные цвета. Хотя у «Ангелов ада» «hang around» носит лишь маленькую «ненастоящую» нашивку на левом борту жилета, «prospect» получает нижнюю нашивку на спину, а «member» также носит все три. Офицеры носят

специальную нашивку с обозначением звания на левом борту жилета. Иногда там же носится нашивка с именем или кличкой владельца. Некоторые байкеры, для которых эта культура стала не просто частью жизни, а всей жизнью, могут сделать себе татуировку в виде цветов клуба, с разрешения совета клуба – тем самым они навсегда связывают свою жизнь с жизнью клуба. Конвенции о форме, размере нашивок и прочих деталях между клубами не существует. То есть жилет у байкеров играет ту же роль, что парадный мундир у военных.

Соответственно и отношения в клубе строятся по принципу жесткой иерархии. «Хэнгэраунд» подчиняется проспектам и «мемберам», «проспект» – «мемберам» и все три категории – требованиям устава, офицерам и президенту. Система поощрений и наказаний также выработана под эту структуру.

Основные поощрения – это быстрое продвижение по иерархической лестнице и освобождение от членских взносов. Наказания – исправительные работы, денежный штраф (практикуется крайне редко), временное лишение прав и привилегий и изгнание из клуба. Последнее наказание считается самым серьезным и на байкерском сленге называется «расшить». Имеется в виду, что изгоняемый лишается права носить нашивки с символикой клуба. Более того, сам кожаный жилет, который каждый приобретает самостоятельно, с того момента как на него пришиты «цвета», считается собственностью клуба. Процедура изгнания выглядит примерно так: в помещении клуба проходит общее собрание, если обвиняемый имеет низкий ранг. Если рассматривают проступки «мембера» и тем более «офицера», то может быть назначено собрание только «мемберов», хотя это происходит не всегда. Все допущенные могут высказать свое мнение, в конце полемики высказываются «офицеры», но только «мемберы» имеют право голоса. Если принято решение об изгнании члена клуба, то он немедленно снимает жилет с «цветами», оставляет его и покидает здание клуба.

Также нужно отметить направление однопроцентников в байкерской субкультуре. Нашивка «1%»: принято считать, что она обозначает «внутренний орден», который объединяет настоящих байкеров против остального мира, что следует понимать буквально. Такой знак нельзя было носить просто так – ему надо было соответствовать. Не все мотоклубы относятся к «1%», а только те, что совершенно осознанно становятся против гражданских норм, государственных правовых понятий, бюрократической опеки («Анеглы ада», «Бандитос»). Многие клубы не признают значения нашивки «1%», говоря, что такую нашивку может надеть любой бандит, независимо от того, есть у него мотоцикл или нет, он все равно остается бан-

дитом. В средние века такие люди, как байкеры, тоже были бы «людьми вне закона», вольными стрелками и бунтарями, и такими они видят себя до сих пор. Из-за этого они автоматически становятся не только аутсайдерами общества, но и врагами государства и преступниками [2].

Практически у каждого клуба имеется флаг, где изображена его символика, та же самая, что изображается на «цветах». Если байкер не принадлежит ни к какому клубу или хочет выразить свою индивидуальность, то часто используется флаг Конфедерации или флаг с изображением «веселого Роджера» (череп и кости). Стоит отметить, что не все представители байкерского движения имеют представление об историческом значении символа или не придают ему значения.

Еще одна из часто используемых символик – это изображение черепа. Этот символ байкеры трактуют по-разному. Одни говорят, что он обычно символизирует бесстрашие перед лицом опасности и смерти. Другие отвечают, что изображение черепа используется в качестве защиты или оберега от смерти. Существует поверие, что когда приходит смерть, она оставляет на умершем свой знак – череп, а если на человеке уже есть этот символ, она думает, что здесь уже была, и не трогает человека. Но последняя трактовка этого символа воспринимается большинством байкеров как суеверие.

Изображение V-образного двигателя символизирует сердце мотоцикла. Этот символ получил широкое распространение благодаря Америке, так как все модели Harley Davidson выпускались именно с таким типом двигателя.

Также распространены нашивки, значки, наклейки с эмблемами байк-шоу или байк-фестивалей, наклейки на лобовом стекле мотоцикла и кофрах с обозначениями посещенных государств. Пришивая подобную нашивку, прикрепляя значок или приклеивая наклейку, байкер визуально демонстрирует свои поездки на мероприятия и их дальность.

У некоторых байкеров можно наблюдать ювелирные украшения с эмблемой их клуба или изображением других символов. В основном это кольца, браслеты, цепочки, реже встречаются серьги.

К визуальным знакам и символам можно отнести и жесты, которые часто используются во время езды на мотоцикле. Например, поднятая левая рука – приветствие встречных мотоциклов, предупреждение об препятствии на дороге, знак стоп.

К звуковым символам можно отнести в первую очередь звук двигателя HD, а также звук двигателя других мотоциклов. К звуковым знакам относятся короткий рев двигателя мотоцикла – он выражает возмущение или предупреждение; длинный рев мотоцикла и звук клаксона – выражают, в

зависимости от ситуации, восторг или, наоборот, озлобленность байкера. Все звуковые сигналы служат для привлечения внимания окружающих.

Именно стремление к обретению «своего» социального пространства порождает тягу современных взрослых людей к участию в различных субкультурах. Возникает ресурс компенсации социально-ролевого напряжения, неизбежно возникающего в современной повседневности. Байкеры – это носители своеобразного социального капитала, основное преимущество обладания которым сводится к возможности социальной адаптации к повседневной социальной жизни через конструирование собственной территории социальных смыслов и их активное отстаивание и передачу другим социальным субъектам, вовлекаемым в эту игру значений.

Социальное пространство, отражаясь в сознании населяющих его людей, приобретает вторую реальность – знаковую разметку. Она существует как духовная, надиндивидуальная реальность, формирующая поведение попавших в нее индивидов. Непосредственными причинами их действий в большинстве случаев являются не сами объективные феномены физического или социального пространства, а приписываемые им смыслы, то есть знаки. Исключением являются лишь непосредственные физические столкновения индивидов с этими феноменами.

Байкеры являют собой образец субкультуры, в которой ценностный акцент делался именно на объекты, считавшиеся низкими и незаконными. Их ценности формировались спонтанно, на бессознательном уровне, поэтому-то они и остались особой, деклассированной, люмпенской, субкультурой, куда доступ посторонним был, как правило, закрыт. Новичкам необходимо пройти через ряд достаточно суровых испытаний, и только тогда им будет выдана жилетка с эмблемой того или иного байкерского клуба. Байкерская субкультура, пожалуй, явилась единственной эксклюзивной, отвергавшей все, что связано с этническими и иными меньшинствами, а также с женским началом в культуре.

Все вышеназванное подтверждает специфичность феномена социального символизма в байкерской субкультуре: одежда, внешние проявления образованности (язык, знания мототехники и т. д.) выступают элементами текста, который читается окружающими только данной субкультуры, позволяя определить местоположение индивида в социальном пространстве байкерской субкультуры.

Примечания

1. Романов Н. Байкеры. М.: АСТ: Пропаганда, 2003. С. 153–155.
2. Хантер С. Томпсон. Ангелы ада. М.: АСТ, 2008. С. 10.

УДК 316.477-057.875

Я. В. Дидковская

**СТУДЕНЧЕСТВО КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.:
ДИНАМИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
САМООПРЕДЕЛЕНИЯ**

В статье рассматриваются вопросы профессионального самоопределения молодежи в трансформирующемся российском обществе. Анализируются наиболее важные проблемы современного студенчества: мотивация и удовлетворенность выбором профессии и вуза, профессиональные планы. Выявлены основные тенденции профессионального самоопределения конца XX – начала XXI в.

This article deals with the problems of youth professional self-identification in transforming Russian society. We analyze the most important problems of university students: professional activity motivation, satisfaction with professional choice and professional plans. We examine the main tendencies in professional self-identification of the late 1990s – early 2000s.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, студенты, мотивация профессиональной деятельности, профессиональные планы.

Keywords: professional self-identification, students, professional activity motivation, professional plans.

Изменения социально-профессиональной структуры общества, формирование рынка труда и образовательных услуг, произошедшие с 90-х гг. XX в., привели к необходимости изучения новых рыночных механизмов регулирования процесса профессионального самоопределения молодежи на уровне социальных групп, организаций, общностей, институтов и общества в целом. На рубеже XX–XXI вв. общество и социально-гуманитарная наука столкнулись с рядом негативных тенденций – кризисом системы профессионального образования, снижением качества профессиональной подготовки специалистов, «утечкой мозгов» – массовым оттоком наиболее перспективной в профессиональном плане молодежи в зарубежные университеты и компании, падением интереса молодежи к занятости в сфере науки и образования и, наконец, развалом сферы наукоемких производств и технологий. В связи с этим сегодня приходит осознание того, что не только свободный рынок и субъективные устремления личности могут регулировать сложный процесс профессионального становления молодежи, но и государственные и общественные структуры в сотрудничестве с коммерческими и некоммерческими организациями (работодателем) должны участвовать в данном процессе. Одновременно гуманизация общества, внимание к вопросам свободного развития и саморазвития личности, ее индивидуальности ставит проблему профес-

сионального самоопределения как сложное противоречие развития общества и личности, в котором взаимодействуют множество заинтересованных субъектов – личность, социальные группы, государство, предприятия, фирмы и общественные организации, научные сообщества и вузы.

Самоопределение личности в профессии в социологической и гуманитарной литературе трактуется в узком смысле как выбор профессии или серия последовательных профессиональных выборов и в широком – как профессиональный путь личности, реализация себя в профессии в течение всей жизни. На уровне общества самоопределение означает интеграцию определенных слоев молодежи в социально-профессиональную структуру.

Таким образом, профессиональное самоопределение – это сложный процесс интеграции молодежи в социально-профессиональную структуру общества, реализующийся на личностном уровне через ценностный выбор личностью вариантов своего профессионального развития. Субъективно результат самоопределения оценивается личностью как удовлетворенность различными аспектами профессиональной деятельности и своим профессиональным становлением в целом. На основе данной оценки личность формирует свои профессиональные и жизненные планы, намерения и идеалы, которые являются мотиваторами актуальной профессиональной активности (учебы, повышения квалификации, получения дополнительного образования и др.). На каждом этапе данного процесса трансформируется его содержание; а на уровне общественных отношений меняется субъект профессионального самоопределения. Длительность процесса профессионального самоопределения позволяет выявить ряд ключевых моментов, каждый из которых обладает своей уникальной значимостью для субъекта самоопределения. Мы сосредоточили свое внимание, на наш взгляд, на одном из наиболее существенных этапов самоопределения молодежи – студенческом.

Студенческая молодежь, являясь политическим, культурным, социальным ресурсом современного общества, его образовательным и интеллектуальным потенциалом, представляется весьма интересным объектом исследования профессионального самоопределения. Студенчество можно рассмотреть и как социальную группу – субъект профессионального становления, но, с другой стороны, студенчество – это и определенный этап в социально-культурном созревании личности. С поступлением в вуз вопросы профессионального выбора, поиска своего профессионального пути не только не перестают интересовать молодежь, напротив, студенты переосмысливают свой выбор, оценивают его с учетом новых знаний, полученного опыта учебы в вузе по выбранной профессии, взаимодействия с

преподавателями, студентами старших курсов, одноклассниками.

В данной статье предлагается анализ современных проблем профессионального самоопределения студентов на основе эмпирических материалов исследовательского проекта «Студент – 2009». Проект является мониторинговым исследованием, которое осуществляется со второй половины 90-х гг. XX в. по настоящее время. К 2009 г. проведено четыре этапа мониторинга, что позволяет исследовать проблемы студенчества в динамике [1]. В 2009 г. в проекте участвовало 13 вузов Свердловской области, среди которых были представлены как государственные, так и негосударственные вузы, крупные технические университеты, готовящие специалистов для промышленности региона, классические, гуманитарные и экономические университеты, отраслевые, медицинские и педагогические вузы и др. Использовалась квотная выборка вузов по профилю подготовки специалистов и статусу вуза (университеты, академии, институты). Внутри вузов отбор студенческих групп проводился в случайном порядке. Всего на последнем этапе мониторинга опрошено более 1500 студентов третьего курса. Результаты мониторинга сопоставлялись с материалами исследований по сходной проблематике, проводимых при участии автора, в частности с проектом «Стратегия повышения престижности профессий социальной сферы в условиях трансформирующейся профессионально-стратификационной структуры российского общества» (грант РГНФ № 08-03-00028А) [2].

Обратимся к анализу мотивов выбора студентами будущей профессии. Согласно результатам исследования, в 2009 г. иерархия мотивов сохраняется в сравнении с предыдущими этапами мониторинга, особенно остается сходной с результата-

ми этапа 2007 г. Радикальных изменений не произошло, однако прослеживается тенденция более равномерного распределения мотивов, наметившаяся уже к 2007 г. Резкого отрыва мотивации высоких заработков, характерного для ситуации 1999 и 2003 гг., уже с 2007 г. не наблюдается, хотя данный мотив профессионального выбора по-прежнему на первом месте и для 2009 г. составил 58%.

Возможно, по мере ощущения последствий экономического кризиса этот мотив снова приобретет высокую актуальность для молодежи, как после дефолта 1998 г. Кроме высоких заработков для третьекурсников сегодня важен творческий характер работы (почти 50%), возможность профессиональной карьеры (36%) и соответствие профессии способностям (36%). Значимость дружного коллектива ощутимо снизилась в период с 2003 по 2007 г. (с 53% до 38%) и сегодня остается примерно на том же уровне (33%). Очевидно, это связано с распространением за последнее десятилетие постсоциалистических ценностей индивидуализма, особенно среди молодежной аудитории. Прослеживается снижение разброса мнений от этапа к этапу, что отражает процесс постепенной стабилизации структуры мотивов профессиональной деятельности после рыночных реформ начала 90-х гг. XX в.

Мотивы профессионального выбора несколько различаются в зависимости от профиля подготовки студента в вузе.

Творчество в профессиональной деятельности больше ценят гуманитарии (54%), а высокие заработки – студенты социально-экономического и технического профиля (соответственно 66% и 65%), правда, для будущих экономистов в сравнении с будущими инженерами несколько более важна возможность карьеры.

Таблица 1

Мотивы профессионального выбора студентов (% от числа ответивших)

Что для Вас наиболее значимо в будущей работе?	1999 г.	2003 г.	2007 г.	2009 г.
Возможность получать большие заработки, высокие доходы	77	80	65	58
Творческий, интересный характер работы	56	60	51	49
Возможность карьеры, достижения высокого уровня профессионализма	47	48	41	36
Соответствие профессии моим способностям, знаниям, умениям	46	38	40	36
Возможность достичь признания, уважения	34	36	30	33
Возможность работать в хорошем, дружном коллективе	51	53	38	33
Возможность полнее реализовать свой потенциал	32	35	31	30
Возможность принести пользу людям	32	22	25	28
Высокий престиж профессии	16	18	17	20
Возможность занять высокий пост, иметь власть над другими людьми	17	15	14	17
Самостоятельность, независимость, отсутствие мелочной опеки, регламентации	36	30	19	16
Связь с современной техникой, новейшими технологиями	20	15	15	14
Итого ответивших:	464	450	386	370*

* Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Таблица 2

Зависимость мотивов профессионального выбора от профиля подготовки в вузе (данные 2009 г., %)

Что для Вас наиболее значимо в будущей работе?	Каков профиль Вашей подготовки в вузе?				
	гумманит.	соц-эконом.	естественнонауч.	технич.	в целом:
Творческий, интересный характер работы	54	46	46	45	49
Соответствие профессии моим способностям, знаниям, умениям	35	40	42	30	36
Возможность достичь признания, уважения	33	33	38	29	33
Возможность получать большие заработки, высокие доходы	55	67	48	65	58
Возможность занять высокий пост, иметь власть над другими людьми	17	23	13	18	17
Возможность принести пользу людям	28	22	42	24	28
Высокий престиж профессии	20	21	25	17	20
Возможность полнее реализовать свой потенциал	31	26	32	30	30
Возможность карьеры, достижения высокого уровня профессионализма	35	40	39	35	37
Самостоятельность, независимость, отсутствие мелочной опеки, регламентации	16	24	11	16	16
Связь с современной техникой, новейшими технологиями	8	7	23	22	14
Возможность работать в хорошем, дружном коллективе	31	31	29	40	33
Итого:	100	100	100	100	100

Коэффициент Крамера [0..1]: 0,091, вероятность ошибки: 0,10%

Насколько третьекурсники удовлетворены своим профессиональным выбором и выбором вуза? Распределение ответов на этот вопрос представлено в табл. 3. Как и в предыдущие этапы мониторинга, в 2009 г. студенты в большинстве случаев вполне довольны выбором и вуза, и профессии. Однако в той или иной степени недовольных, разочарованных достаточно много – 34% (более трети опрошенных). Как показывают результаты, удовлетворенность не связана с профилем подготовки в вузе, но в каждом вузе прослеживается своя специфика.

Таблица 3

Удовлетворены ли Вы сейчас избранным вузом, осваиваемой профессией? (% от числа ответивших)

Варианты ответа	2003	2007	2009
Вполне	65	66	67
Вузом – да, профессией – нет	19	14	15
Вузом – нет, профессией – да	9	13	12
Нет	7	6	6
Итого ответивших:	100	100	100

Уже на этапе студенчества многие начинают свою профессиональную карьеру, устраиваются на работу по специальности, осваиваемой в вузе, либо на работу, не связанную с ней. Как социальная практика совмещение работы с учебой в вузе получило развитие со второй половины 90-х гг. XX в.

и с точки зрения социологов имеет свои и негативные, и позитивные аспекты. С одной стороны, несомненно, занятость студента на работе сказывается на бюджете времени: известно, что посещаемость аудиторных занятий «работающего студента» чаще всего низкая, а это отражается на освоении теоретического материала. С другой стороны, приобретая профессиональный и социальный опыт, студент получает и преимущества в освоении учебных программ, особенно если его работа связана с получаемой профессией. Кроме того, по оценке самих же студентов, начало трудовой карьеры еще в вузе повышает их конкурентоспособность на рынке труда. По данным исследования, около 15% третьекурсников уже работают на постоянной основе, а еще 25% имеют временную работу или приработки. Примерно такая же доля работающих студентов наблюдалась на предыдущих этапах мониторинга. К сожалению, практически у половины занятых студентов работа совсем не связана с их будущей профессией и почти у 30% отдаленно связана.

Менее четверти опрошенных считают, что они применяют полученные в вузе профессиональные знания и навыки в своей работе. Возможно, такая ситуация отражает недостаточно развитые связи вузов с производственными предприятиями, отсутствие эффективного систематического взаимодействия с работодателями. Занятость студентов во многом носит стихийный характер, как правило,

Профессиональные планы после окончания вуза (%)

Чем бы Вы хотели заниматься после окончания вуза?	1999	2003	2007	2009
Работать по специальности	46	48	42	44
Основать свое дело, бизнес	17	29	19	16
Будущее в плане работы туманно и неопределенно, нет планов	11	18	15	14
Продолжить образование (второе высшее образование)	13	23	11	10
Поехать за границу работать или учиться	9	15	7	10
Работать не по специальности	12	12	10	7
Посвятить себя дому, семье	3	8	3	4
Заняться научно-исследовательской работой	2	5	3	3
Другое	4	1	1	1
Итого ответивших:	117	159	111	110

студенты самостоятельно (при помощи родственников, знакомых) находят себе временные, случайные заработки, которые позволяют им повысить свою финансовую самостоятельность, но не накапливать «профессиональный капитал». Роль системы вуз – работодатель в этом процессе пока невысока.

Получая профессиональную подготовку в вузе, студенты уже на третьем курсе планируют свою будущую профессиональную карьеру. Только 14% третьекурсников, согласно результатам опроса, не имеют определенных профессиональных планов на ближайшее будущее. Существенная часть студентов (почти половина) связывают его с работой по выбранной специальности. Если сопоставить структуру профессиональных планов с 1999 по 2009 г. (за 10 лет), то в целом резких изменений не произошло (табл. 4). Полагаем, что экономический кризис, существенно повлиявший на рынок труда, внесет свои коррективы в планы студенческой молодежи, но, видимо, это произойдет не раньше, чем на рынок труда выйдет первый «кризисный» выпуск. Пока же ситуация во многом повторяет положение 2007 г. Основные изменения профессиональных планов студентов произошли в период с 2003 по 2007 г. За это время, можно сказать, возросла реалистичность намерений молодежи: резко снизилось число студентов, планирующих открыть свой бизнес (с 29% до 19%), получить второе высшее образование (с 23% до 11%), устроиться за границей (с 15% до 7%). Эти тенденции, намечившиеся в 2007 г., прослеживаются и сегодня.

Как и в 2007 г., студенты не слишком оптимистично смотрят в будущее: только 16% уверены, что легко смогут найти хорошую работу по своей специальности, а большинство (61%) высказывают сомнения, 12% считают, что работу им будет найти трудно.

Подводя итоги проведенного анализа профессионального самоопределения третьекурсников, отметим тенденции, которые нам удалось выявить.

В целом ситуация в профессиональном самоопределении студенческой молодежи Свердловской

области в 2009 г. пока остается сходной с 2007 г. Проявившиеся тогда тенденции наблюдаются и сегодня.

В мотивации профессионального выбора доминирует мотив высоких заработков, хотя по сравнению с 1999 и 2003 гг. его доминирование снижается. По-прежнему ведущими мотивами выбора профессии, кроме возможности получать высокую зарплату, остаются творческий характер работы, возможность профессиональной карьеры и соответствие профессии способностям.

Соотношение удовлетворенных и неудовлетворенных выбором вуза и профессии остается стабильным: примерно на двух довольных своим выбором студентов приходится один разочаровавшийся. Удовлетворенность выбором и профессии и вуза существенно варьирует в зависимости от того, в каком вузе учится студент и, соответственно, какой профессии.

У существенной части работающих студентов сама работа не связана с получаемой в вузе специальностью, что, с нашей точки зрения, негативно влияет на ситуацию профессионального самоопределения и объясняется во многом неразвитостью взаимодействия вузов и работодателей.

Структура профессиональных планов студентов остается стабильной с 2007 г. Значительная часть студентов планирует в дальнейшем работу по специальности, но более половины третьекурсников либо не связывают свои перспективы с полученной профессией, либо пока не имеют четких планов на будущее. Таким образом, феномен вторичного профессионального самоопределения, т. е. повторный выбор профессии, смена деятельности, распространившийся с середины 90-х гг., сегодня достаточно прочно закрепляется в обществе и проявляется не только после окончания вуза, но и на этапе студенчества.

Примечания

1. «Студент-2009»: Информационно-аналитический отчет по результатам исследования / под ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2009.

2. Профессиональный имидж социальной работы и роль СМИ в повышении ее престижа: информационно-аналитический отчет / под ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009.

УДК 316.3

А. А. Хвостов

УЖАСЫ В ЖИЗНИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ

Данная статья посвящена социологическому опросу школьников и студентов Приволжского федерального округа по проблеме ужаса. На основе полученных анкетных данных показаны роль и место ужаса в жизни российских учащихся и в связи с этим рассмотрены наиболее актуальные проблемы современной молодёжи.

This article is devoted to the results of a social survey carried out among pupils and students of the Volga Region Federal District concerning the problem of horror. On the basis of these results the author shows the role and place of horror in the life of Russian pupils and considers the most actual problems of modern youth.

Ключевые слова: ужас, молодёжь, социальные проблемы, телевидение, фильмы ужасов.

Keywords: horror, youth, social problems, television, horror movies.

Мистический ренессанс в XXI в. далеко не случайное явление. Давно замечено, что потребность к ужасам и мистике возрастает во времена глубоких общественных кризисов. За последние несколько лет многие жители России (вольно или невольно) сталкиваются с понятием «ужас». Книжные лотки переполнены всевозможной литературой ужасов. В кинематографе большой популярностью пользуется жанр «фильмов ужасов». На отечественном телевидении этот жанр тоже имеет высокий рейтинг, не говоря уже о выпусках новостных программ с ужасными кадрами катастроф, стихийных бедствий и преступлений. А одним из самых известных видов преступлений на сегодняшний день является терроризм (с английского языка слово «terror» тоже переводится как «ужас»). И с этим проявлением ужаса в последнее время на всей планете мы сталкиваемся всё чаще и чаще.

Помимо прочего ужас твёрдо вошёл в наш быт и лексикон. При общении людей на различные темы можно часто услышать такие словосочетания, как «ужасная жизнь», «ужас, что творится в стране», «ужас как выглядишь» и многие другие подобные выражения. По стране появляются многочисленные шоу, театры, балаганчики, аттракционы ужасов; открываются так называемые «магазинчики ужасов», торгующие соответствующей продукци-

ей (кошмарные маски, одежда, предметы и т. д.). В молодёжной среде продолжает вызывать интерес и так называемый «чёрный юмор». Всё вышeperечисленное представляется сравнительно малоисследованным сюжетом в социологическом знании.

Поэтому нами было проведено пилотажное социологическое исследование на территории Приволжского федерального округа (ПФО). Цель исследования – определить на основе данных социологического опроса (в форме анкетирования) роль и место ужаса в жизни учащейся молодёжи. Опрос проводился среди студентов-очников вузов и старшеклассников школ в следующих 7 регионах ПФО: Республика Татарстан, Оренбургская область, Самарская область, Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Пензенская область, Саратовская область.

Данная категория людей (учащаяся молодёжь) была выбрана не случайно. Во-первых, многочисленные исследования интересов школьников и студентов, опубликованные в научной литературе, дали возможность констатировать, что жанр ужасов среди лиц молодёжного возраста надёжно занимает по популярности высокие позиции. Во-вторых, учащихся обычно гораздо легче и быстрее можно массово опросить (например, в классе школы или в аудитории вуза), чем остальных представителей молодёжи.

Всего было опрошено 800 человек (366 студентов и 434 школьника). Возраст респондентов (старшеклассников и студентов) был в пределах от 13 до 23 лет.

Число представителей мужского пола составило 347 человек, а женского – 453 человека. Но такова демографическая ситуация в нашей стране – женщин в нашей стране больше, чем мужчин. И в учебных заведениях также – девочек больше, чем мальчиков. Их и прежде (во времена СССР) было больше. Помните старую песню, где «на десять девчонок по статистике девять ребят»? А сейчас женского пола ещё больше в процентном сравнении с мужским (например, см. ежегодные статистические данные Госкомстата). И разве это уже не ужас? Ведь заранее сегодня можно предсказать, что много девушек со временем останется одиночками (ведь на всех не хватит парней), и социальные проблемы в связи с этим ещё больше обострятся в нашем обществе.

Далее обратимся к ответам на открытые вопросы нашей анкеты. На вопрос «Читаете ли Вы в свободное время книги про мистику и ужасы?» лишь 9,1% респондентов дали положительный ответ. Очень редко их читают 44,4%. Остальные опрошенные не читают подобных книг вообще. Это говорит о том, что нынешняя учащаяся молодёжь не очень настроена на чтение ужасов. Возможно, это связано с тем, что школьники и студенты слыш-

ком загружены чтением той литературы, которую они изучают в своих учебных заведениях, и у них просто нет времени и желания читать ещё что-то дополнительно за рамками учебного процесса. К этому следует ещё добавить, что сейчас, в наш информационный век с его высокими технологиями, наблюдается всеобщая тенденция снижения интереса молодежи к чтению любой литературы, а не только литературы ужасов.

Следующий вопрос анкеты был таким: «Кто из писателей, на Ваш взгляд, является автором самых ужасных произведений?». В подтверждение вышесказанного подавляющее большинство респондентов затруднились с ответом на этот вопрос. Но, тем не менее, остальные наиболее чаще называли Стивена Кинга (15,8%), который, несомненно, является признанным мастером жанра ужасов (его многие справедливо называют «королём ужасов»). Гораздо меньшее число учащихся (4,4%) указывали в ответах нашего классика сатиры и ужаса Николая Васильевича Гоголя, произведения которого изучают в школьной программе. Ещё упоминались два других наших классика – Михаил Булгаков (1,8%) и Фёдор Достоевский (1,6%), которых, честно говоря, с трудом можно представить как представителей жанра «хоррор». Вообще, мало ожидалось, что в первую пятёрку авторов ужасных произведений попадут сразу три классика отечественной литературы. Думалось, что чаще будут называться такие зарубежные писатели, как Г. Ф. Лавкрафт, Э. По, Д. Кунц и другие, но их не особо часто называли наши учащиеся. Вывод из этого случая такой – молодёжь сегодня практически не читает литературу жанра ужасов, а помнит лишь то, что преподают в школе, и причисляет в авторы ужасов М. Булгакова и Ф. Достоевского. Но что ещё больше всего удивило, так это то, что пятое место в списке авторов самых ужасных литературных произведений досталось известному американскому ... кинорежиссёру С. Спилбергу (1,6%), который вообще, как известно, не является писателем. Это говорит о том, что респонденты, которые его упомянули, не видят особой разницы между Стивеном Кингом и Стивеном Спилбергом, потому что не читают подобных книг, зато ответ написали просто «на слух».

То, что учащиеся мало читают зарубежную мистическую и ужасную литературу, показывают ответы на вопрос «Какое самое ужасное литературное произведение Вы читали в своей жизни?». Во-первых, подавляющее большинство респондентов не нашли ответа на этот не слишком сложный вопрос. А во-вторых, в первую пятёрку ужасных произведений вошли наши классические произведения, которые изучают в школе на уроках литературы. Вот список наиболее часто упоминаемых произведений: «Вий» – 5,5%, «Преступление и наказание» – 3%, «Война и мир» – 2,1%, «Мастер

и Маргарита» – 1,9%, «Мёртвые души» – 1,6%. Бесспорно, что повесть «Вий» относится к жанру ужаса и заслуженно находится на первом месте. Ещё можно (с большой натяжкой) отнести к ужасным книгам «Мастер и Маргариту», где говорится, в том числе, о нечистой силе. Но вот присутствие других произведений в этом списке вызывает большое удивление. Возможно, что учащимся нелегко давалось изучение классики в школе, поэтому они и причислили эти произведения к ужасным (в смысле ужасно сложным).

Следующим вопросом в анкете был такой: «Кто, на Ваш взгляд, является самым ужасным литературным персонажем?». Здесь также многие затруднились с ответом. А места наиболее часто упоминаемых героев распределились следующим образом: Ф. Крюгер – 5,4%, Дракула – 5%, Вий – 3,8%, Р. Раскольников – 2%, Волад – 1,5%, П. Чичиков – 1,4%. Как видим, наибольшей популярностью пользуется Фредди Крюгер. На самом же деле он не имеет никакого отношения к литературе, так как является знаменитым киноперсонажем американского классического фильма ужасов «Кошмар на улице Вязов», но, тем не менее, молодёжь именно его чаще называла. Зато больше всего удивляет присутствие в этом списке таких одиозных (но никак не ужасных) фигур, как Раскольников и Чичиков. На наш взгляд, скорее само жестокое преступление Раскольникова в виде убийства с помощью топора можно считать ужасным, нежели этого несчастного героя. Ну а что касается Чичикова, то здесь уместно привести следующее мнение: «Для Н. Гоголя смерть – это мир монстров, князей тлена, зооморфных чудовищ. Из-за него живое и мёртвое часто меняется местами. И действительно, Чичиков, хоть и живой, но имеет дело с мёртвыми душами, владеет ими, а они, в свою очередь, овладевают его мыслями, чувствами и помыслами, т. е. он становится живым мёртвым: человек, общающийся с ирреальными существами, сам становится фантомом. И как верному сыну России Гоголю горько и больно, что русское богатство строится на такой социальной мертвечине, как крепостничество, т. е. страна держалась на плаву на мёртвом острове. Гоголь описывает мёртвые души, как живые. Их образы оживают под его пером. Чичиков же – мертвец, так как его товар пахнет смертью, мертвечиной» [1]. Выходит, что дети как бы на подсознательном уровне почувствовали этот момент, читая «Мёртвые души»? Такой вот труднообъяснимый феномен!

Далее был вопрос «Часто ли Вы смотрите фильмы ужасов?». Почти треть опрошенных (29,9%) ответили, что часто (хотя бы 1 раз в неделю). А 51,3% респондентов ответили, что редко (хотя бы 1 раз в месяц). Остальные вообще не смотрят подобные фильмы.

На вопрос «Что заставляет Вас смотреть фильмы ужасов?» наиболее частые ответы выглядят так: интерес – 35,8%, адреналин в крови – 13,6%, наличие свободного времени – 7%, нравятся – 6,3%, настроение – 1,6%. То есть ребятами в основном движет к просмотру этих фильмов обычный интерес.

Но больше всего нас интересовали ответы на вопрос «Что Вы считаете ужасным в нашей повседневной жизни?». На него были получены такие частые ответы: социальные проблемы – 23,8%, преступность – 20,1%, взаимоотношение людей – 13,5%, учёба (школа) – 9%, власть – 3,9%, терроризм – 2%, война – 1%, экология – 1%. Как видно из этих ответов, нашу учащуюся молодёжь больше всего беспокоят социальные проблемы (назывались нищета, высокие цены, безработица, алкоголизм, наркомания, СПИД/ВИЧ и т. д.) и криминализация нашего общества (убийства, изнасилования, грабежи, воровство, коррупция и т. д.). То есть многие нынешние студенты и школьники не уверены в своём будущем, не чувствуют себя в безопасности. Даже свою учёбу считают ужасом целых 9% респондентов. Поэтому власть предержащие, которых, кстати, не жалуют 3,9% наших опрошенных, должны предпринять какие-то реальные шаги для исправления той ситуации, которая сложилась в нашем обществе, где молодёжь на себе ощущает весь спектр социальных проблем.

Всё вышесказанное подтверждают ответы на следующий (можно сказать ключевой) наш вопрос «Ужасно ли жить в XXI веке?». Большинство учащихся (50,6%) ответили, что жить в наше время в России не ужасно. Но, тем не менее, 17,7% твёрдо ответили, что жизнь ужасна. А остальные респонденты (более 30%) затруднились с ответом (выходит, что они тоже не уверены в прекрасности жизни). Значит, у них есть большие сомнения по поводу того, хороша их жизнь или плоха. И над этим следует хорошенько задуматься. Обычно детские годы являются самыми лучшими в биографии каждого человека, если они, конечно, не омрачены войнами, эпидемиями или какими-либо стихийными бедствиями. Сейчас в нашей стране глобальных катастроф не происходит, но учащиеся не решаются твёрдо ответить, что жить в нашем веке не ужасно, а, наоборот, прекрасно. А что же их ждёт тогда дальше, когда они подрастут и начнут трудовую жизнь? Они тогда станут считать свою жизнь большим кошмаром? Это говорит о том, что они далеко не уверены, что живут нормально. Так что властям нужно было бы задуматься и над этим тоже.

Далее вопросы предназначались лишь для тех, кто часто смотрит фильмы ужасов, и чтобы не запутаться, проценты в ответах по-прежнему приведены от всей выборки опрошенных (800 человек). Так что не следует особо удивляться относительно небольшим процентам в ответах.

Большинство любителей фильмов ужасов смотрят их в формате DVD – 38,9% (вот что значит технический прогресс!), значительно меньшее число респондентов посещают ради них кинотеатры (11,8%) и смотрят их по ТВ (10,9%). А видео потихоньку уходит в прошлое (его отметили лишь 5,8%).

Наиболее часто пропагандирующим фильмы ужасов телевизионным каналом является ТВЗ, который отметили 15,8%, что не является большим секретом – достаточно посмотреть в телепрограмму на любой неделе и легко убедиться в этом. К слову, осенью 2007 г. ТВЗ запустил новый проект (как принято сейчас говорить про новые передачи), посвящённый интересным старым фильмам ужасов. Название этого проекта было «Другое кино», а в роли ведущего выступал известный рок-музыкант Александр Ф. Скляр.

Что касается эмоций, которые испытывают учащиеся во время просмотра фильмов ужасов, то здесь преобладают страх (27%), затем (как ни странно) смех (14%) и непосредственно сам ужас (10,9%).

Интересно то, что нелепые и ужасные смерти героев в фильмах жанра «хоррор» всё же заставляют задуматься большинство их смотрящих о цене собственной жизни. Таких ответов было 29,6%. То есть в данном случае фильмы ужасов как бы выполняют предостерегающую функцию, показывая молодым людям, что с ними может произойти в реальной жизни, если они будут себя вести так же, как жертвы из некоторых фильмов. Ведь довольно часто в первую очередь в фильмах ужасов погибают те, кто на самом деле заслуживает смерти своим поведением и не особо ценит свою жизнь. Здесь вполне уместно привести слова эксперта в этом жанре С. Кинга: «И вот окончательная истина фильмов ужасов: они не любят смерть, как думают некоторые; они любят жизнь. Они не прославляют деформацию и уродство, но, показывая их, воспевают здоровье и энергичность. Показывая нам несчастья проклятых, они помогают нам заново открыть маленькие (но никогда не мелочные) радости нашей жизни. Они – пиявки циркульника для души, только высасывают не плохую кровь, а тревоги... хотя бы на какое-то время.

Фильм ужасов спрашивает вас, хотите ли вы вблизи взглянуть на “дохлую кошку” (или на “фигуру под простыней”...)... но не взглядом взрослого человека. Никакой философии, никакой религии, никаких идей о загробной жизни; фильм ужасов предлагает нам увидеть физический аспект смерти. ...Вот конец. Но самый главный подтекст, который есть во всех хороших фильмах ужасов, таков: но он ещё не настал. Не в этот раз. Потому что, в конечном счёте, фильм ужасов – это праздник того, кто чувствует, что может смотреть на смерть, ибо она ещё не живёт у него в сердце» [2].

А в заключение опроса мы просили респондентов назвать самый запомнившийся им фильм ужасов и самого ужасного киноперсонажа. Наиболее часто называлась американская версия фильма «Звонок» (5,9%), также многие называли его продолжение «Звонок-2». А ужасная девочка-убийца по имени Самара из этого фильма заняла второе место по популярности вслед за признанным лидером Ф. Крюгером. Ведь Фредди Крюгер уже много лет традиционно считается наиболее популярным киногероем у молодёжи, так как фильм «Кошмар на улице Вязов», в котором спящих детей убивает безжалостный маньяк Крюгер, посвящен помимо ужасов ещё и взаимоотношениям молодых людей – сверстникам зрителей, смотрящих это кино. Поэтому этот фильм видел практически каждый представитель молодёжи и, безусловно, навсегда запомнил ужасного Фредди. А сам фильм «Кошмар на улице Вязов» продолжает пользоваться популярностью у молодёжи (теперь уже XXI в.), потому что занял в нашем опросе второе место.

Подводя итог данного социологического исследования, можно констатировать, что изучение проблемы ужаса открывает новые возможности для широкого понимания сущности культуры, общества и конкретного человека. Например, рассматривая различные стороны жизни учащейся молодёжи через призму ужаса, можно увидеть, что ужас как социокультурный феномен пронизывает многие сферы общественной жизни и указывает на основные социальные проблемы не только нашего подрастающего поколения, но и всего российского социума. Всё это позволяет утверждать, что в будущем работу можно будет продолжить не только в данном социологическом направлении, но также и с применением междисциплинарного подхода, когда тема ужаса наконец-то станет предметом исследования целого комплекса наук.

Примечания

1. Шенкао М. А. Смерть как социокультурный феномен. Киев: Ника-Центр: Эльга; М.: Старклайт, 2003. С. 272.

2. Кинг С. Пляска смерти. М.: АСТ, 2005. С. 242.

УДК 316

Н. Г. Закревская

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА В УНИВЕРСИТЕТЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС

В статье рассматриваются основные тенденции воспроизводства научного сообщества в условиях университетов физической культуры. Проанализированы основные подходы к проблемам моделирования образа жизни научного сообщества и пути реализации подготовки научных кадров в академической среде. Представлены выявленные условия и факторы, обуславливающие процесс формирования интеллектуального потенциала в университетском сообществе.

The paper is devoted to the general tendencies in the scientific society reproduction under the conditions of physical culture universities. The author analyses the main approaches to the problems of modelling of a scientific society's life and ways of scientific personnel's training in the academic environment. The paper also covers the conditions and factors determining the process of forming intellectual potential in a university society.

Ключевые слова: научные сообщества, университеты физической культуры, интеллектуальный потенциал, преподаватель-исследователь.

Keywords: scientific communities, physical training universities, mental potential, teacher-researcher.

В конце XX в. была зафиксирована прямая зависимость между уровнем развития образования в обществе и социально-экономическим уровнем развития страны. Устойчивость развития, проблемы глобализации, решение остросоциальных вопросов общества тесно связаны с уровнем образованности всех его членов. В современном обществе ведущая роль в определении направлений развития человечества принадлежит образованию и науке. В настоящее время существует немало аспектов и подходов в изучении образования. Социологический анализ предполагает, в частности, изучение социальных групп в системе образования. Изучение социальных групп восходит, в свою очередь, к теории социальной стратификации, а именно – к идее социального неравенства. Социально-экономические преобразования в современной России отразились на сфере высшего профессионального образования, в том числе и в области физической культуры. Возросшие потребности общества потребовали повышения статуса учебных заведений до уровня университетов и, следовательно, формирования университетского научного сообщества в сфере образования, в том числе отрасли физической культуры. В этой ситуации вопросы подготовки и формирования новых поколений преподавателей-исследователей, ученых в сфере, связанной

© Закревская Н. Г., 2009

с развитием физической культуры, спорта и здоровья, становится особенно актуальным.

В декларации Ассоциации европейских университетов 2003 г. подчеркивалась роль научных исследований как неотъемлемой части высшего образования. Обязательная взаимосвязь между высшим образованием и научными исследованиями занимает центральное место в европейском высшем образовании. Необходимо полностью признавать уровень докторантуры как третий «цикл» в рамках Болонского процесса. Университеты должны настаивать на преподавании и обучении, основанных на научных исследованиях во всех университетах Европы. Выпускники всех уровней должны иметь опыт исследовательской работы и обучения, основанных на исследованиях, с тем чтобы отвечать потребностям европейского общества, основанного на знании.

Исходя из полученных данных были разработаны разные уровни подготовки научно-исследовательских кадров в условиях высшего профессионального образования отрасли физической культуры и спорта.

Удовлетворение потребностей в научных знаниях происходит на разных уровнях воспроизводства интеллектуального потенциала в университете физической культуры:

– общекультурный уровень: потребности в образовании и развитии научного потенциала у студентов; вид обучения – бакалавриат (бакалавр отрасли профессиональной деятельности); цель – получение диплома в профессиональной деятельности;

– социальный уровень: способствование приобретению специальности и развитию научных знаний; вид обучения – специалитет (специалист в профессиональной деятельности); цель – получение профессии;

– первый интеллектуальный уровень: способствование приобретению профессии, связанной с созданием и формированием научных знаний; вид обучения – магистратура (преподаватель-исследователь); цель – получение степени магистра;

– второй интеллектуальный уровень: формирование нового знания прикладного характера; вид обучения: аспирантура (ученый); цель – получение ученого звания кандидата наук;

– третий интеллектуальный уровень: формирование нового знания фундаментального характера; вид обучения – докторантура (профессор-исследователь); цель – получение ученого звания доктора наук;

– сервисный уровень: выполнение заказов на научные и исследовательские работы (государственные заказы, гранты и т. п.); уровень предполагает наличие высокого качества знаний для создания интеллектуального продукта в процессе становления научной школы; участники – представители

всех уровней, под руководством лидеров научных направлений отрасли знания.

Представленные уровни позволяют осуществлять подготовку специалистов для высшей школы в области физической культуры, спорта и здоровья и соответствовать потребностям личности, образования и общества в целом в различных формах и видах интеллектуальной деятельности.

Интеллектуальный потенциал научного сообщества в широком смысле определяется системой факторов, прежде всего в отношении мыслительной деятельности индивида, однако, когда речь идет о социальной природе человека, кроме индивидуального интеллектуального потенциала конкретного человека выделяют интеллектуальный потенциал того или иного общества, который, в свою очередь, феноменально представлен сообществом ученых, органично вписанным в культуру.

Современные технологии в образовательном процессе направлены на освоение студентами педагогических, социально-культурных и профессиональных компетенций в процессе формирования интеллектуального потенциала не только личности, но и всего научного сообщества. Научное сообщество как форма социальной организации существует в полном соответствии с законами социальной природы. Оно нуждается в преемственности и поэтому выстраивает социальный обмен с окружающей социальной средой, отграничивая себя от остального мира через установление собственных социальных целей, правил, ценностей и норм. Своими требованиями научное сообщество создает для вступающих в него социально-культурные барьеры, поддерживая свою традиционную принадлежность к элитарному слою общества.

В силу структурного разобщения социальных сфер возникает противоречие между общими задачами научного сообщества в сохранении единства общества (и воспроизводстве единого интеллектуального потенциала общества) и узконаправленными задачами в различных общественных сферах, в том числе и в сфере физической культуры и спорта, где задачу воспроизводства интеллектуального потенциала решают университеты физической культуры.

В этом смысле университеты физической культуры играют в своей области ведущую роль в развитии научных школ и направлений, в формировании образа жизни соответствующей социальной группы. На всех уровнях воспитательного и образовательного процессов университеты вырабатывают модели, способствующие выявлению и формированию научного потенциала обучающихся.

На сегодня наиболее разработанным инструментарием для исследования дифференцирующей иерархии, ведущей к образованию элит (в частности, научного сообщества), располагает социология образования.

Подготовка личности, обладающей элитарными качествами, – одно из основных предназначений современного университета. Эта социальная группа является примером меритократического подхода в настоящем исследовании. Этот подход не рассматривает задачу анализа подготовки спортивной элиты, так как это предмет другого исследования. Наша работа направлена на изучение механизмов, влияющих на формирование интеллектуального потенциала у представителей университетского сообщества. По нашему мнению, университетское научное сообщество сферы физической культуры аккумулирует в себе потенциал физического совершенствования, направленность на формирование социального здоровья и развития интеллектуального потенциала личности.

Воспроизводство научных кадров играет ведущую роль в развитии научных школ и направлений. Образ жизни данной социальной группы является одним из условий формирования интеллектуального потенциала в современном университете. Научные исследования, посвященные анализу данной проблемы, практически отсутствуют.

Проблема исследования обусловлена противоречиями в области социально-культурных особенностей российского образования и подготовки преподавателей-исследователей в условиях современного университета, в том числе отрасли физической культуры и спорта.

На наш взгляд, основная проблема состоит в противоречии между имеющимся социальным заказом на университетское образование, соответствующее европейскому стандарту, с одной стороны, и отсутствием условий для его осуществления – с другой.

Это вызвало необходимость выявления теоретико-методологических основ, ведущих тенденций и базовых социально-культурных условий воспроизводства интеллектуального потенциала в научном сообществе современной России.

Теоретический анализ научной литературы выявил основные концепции и направления формирования и развития научных школ в различных областях, а также основные тенденции развития образования и социальных изменений в области высшего профессионального образования, в частности в сфере физической культуры.

Разработанные методики опросов выявили уровень познавательной активности социальных групп в образовательной среде, их мотивы и интересы в сфере научной деятельности, уровень социального здоровья, жизненные ориентиры студенческой молодежи, социальное самочувствие в целом (опросы 2003 и 2007 гг.). Разработаны специальные методики опроса для выявления образа жизни преподавателей высшей школы, студентов, магистрантов и аспирантов (опросы 2002, 2004, 2006, 2007 гг.).

Метод моделирования позволил изучить научное сообщество через определение характеристик его образа жизни. Модель рассматриваемого объекта исследования – образ жизни – представлена в системе элементов, воспроизводящей структурно-функциональную связь между ними. Разработана модель, которая классифицируется по следующим показателям: по объему (образ жизни), по уровню моделирующей системы (макромодель), по ориентированности на воспроизведение (структура); по способу отображения закономерностей (причинная обусловленность), по месту в структуре научного познания (описание); по уровню формализации (концепция).

Результаты исследования показали, что вопросы подготовки интеллектуальной элиты в социально-культурной среде, формирование и развитие научных школ в современном информационном обществе относятся к области социологических и педагогических проблем современности. Процесс формирования научной элиты может рассматриваться с точки зрения двух подходов. Первый подход используется в теориях, изучающих отношения власти. В исследовании этот подход характеризуется элементом внутривидовой стратификации научного сообщества. Вторым подходом, являющимся для исследования основным, – меритократический, в основе которого находится механизм отбора наиболее успешных. Власть такой элиты базируется во многом на личных качествах и таланте, именно данная элита наиболее желательна и целесообразна обществу. Научная элита относится к этой категории элит. Статус научного работника следует понимать не только как статус профессиональный, но и как интеллектуальное развитие личности, обладающей высоким педагогическим и образовательным уровнем. Показателями этого уровня являются одаренность, высокая познавательная активность, потребность в творчестве, интенсивность вертикальной мобильности, усвоение субкультуры и педагогических компетенций научного сообщества.

Образ жизни научного сообщества является одним из важнейших элементов социально-культурной составляющей, где основные показатели образа жизни научного сообщества определяют и формируют педагогическую и научную культуру сообщества, социальный статус, социальные установки и ожидания, социальные возможности и перспективы. В результате исследования была разработана концептуальная модель образа жизни научного сообщества в университете физической культуры, которая является теоретической основой для определения направления развития научного сообщества и позволяет решить социально-культурные задачи, такие, как создание эталона образа жизни на основе идеологии научного сообщества; создание культурного образца в повсед-

невной жизни на основе практики; перспективное изменение (формирование) эталона в связи с требованиями образовательной среды с учетом принятой субкультуры. Выявлены особенности образа жизни научного сообщества. Исследование образа жизни научного сообщества для определения направления его развития является необходимым социально-педагогическим условием для разработки совокупности способов жизнедеятельности научного сообщества. Показателями факторов взаимосвязей между элементами образа жизни являются культура сообщества, социальные установки, внутривидовая стратификация, условия возможностей, направленность на успех.

Выявление студентов, магистрантов, аспирантов, способных к научной деятельности в процессе педагогического отбора, обусловлено следующими критериями:

- социализацией, которая включает воспитание, элитную направленность образования и желание самой личности принадлежать к этой социальной группе;
- включением в элитную группу и усвоением субкультуры;
- наличием мотивов и потребностей, развитием познавательной активности.

В ходе работы над решением проблемы выявлены условия, необходимые для успешного функционирования научного сообщества, где эффективность обусловлена целенаправленным процессом формирования сообщества:

- создание корпоративной культуры университета (усвоение понятий, терминологии, манер, стиля поведения);
- возможности достижения наивысшего образовательного уровня;
- поддержка статуса академической интеллектуальной среды (повышение престижа научно-педагогической деятельности);
- получение наивысших результатов, направленных на развитие творческих способностей личности.

Изучение особенностей образа жизни научного сообщества позволило выявить основные факторы, которые влияют на мотивацию к научной деятельности:

- наличие высшего образования у родителей, детей, жен и мужей;
- отношение к научной работе и максимальное удовлетворение ее результатами;
- роль преемственности в уровне интеллектуального развития в первичной социальной группе;
- тенденция к более высокому социальному статусу;
- положительное отношение к представительству интеллектуальной элиты в политических институтах власти;
- необходимость подготовки интеллектуальной элиты в условиях современной высшей школы.

Исследование академической мобильности является важным при определении социально-педагогических условий, необходимых для формирования личности ученых, которые включают направления для развития академической мобильности: развитие познавательной активности как фактора, обуславливающего формирование интеллектуального потенциала; развитие магистратуры как формы воспроизводства научных кадров.

Данные факторного анализа и результатов тестирования показателей исследуемой социально-культурной среды доказывают следующее:

- желание заниматься научной деятельностью взаимосвязано с лидерскими качествами и целеустремленностью;
- подготовка интеллектуальной элиты должна осуществляться при наличии сформированной научной школы;
- преемственность в первичной социальной группе влияет на развитие способностей.

Использование базовых понятий теории социального здоровья позволило выявить интеллектуальный потенциал современных студентов.

Социальное здоровье, являясь базовым философским понятием, определяется как состояние социального благополучия, выраженное в более широких по смыслу и более сложных характеристиках (показателях), таких, как социальное самочувствие, социальная удовлетворенность, социальное равновесие, входящих в класс понятий «социальное настроение».

Исходя из данного понимания социального здоровья установлено, что социальное здоровье современной российской студенческой молодежи можно оценить как высокое. Это означает, что социальный состав современной студенческой молодежи представляет собой позитивную социальную группу, способную в перспективе занять лидирующие позиции в обществе, в том числе и в научно-педагогическом сообществе университета.

К основным характеристикам социального здоровья студенческой молодежи можно отнести социальный оптимизм, ориентацию на успех и витальные ценности, высокую субъективную оценку здоровья и положительное отношение к настоящему.

Современное студенчество положительно относится к содержанию российского образования, не стремится к обучению в западных университетах и рассматривает статус ученого как представителя высокопрестижной научно-педагогической деятельности.

Очевидно, что основное предназначение университетского образования – воспроизводство интеллектуального потенциала общества. Воспроизводство научного сообщества в сфере физической культуры и спорта – необходимая часть этого процесса, где данную задачу решают университеты физической культуры.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 003:005

О. А. Старицына

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ЗНАКОВЫЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В статье идёт речь об использовании вербальных и невербальных языков в вертикальных и горизонтальных коммуникациях в целях эффективного управления. Анализируется структура коммуникативного взаимодействия и сочетание моделей вербального и невербального управленческого воздействия.

Annotation: the article deals with the use of verbal and nonverbal languages with the purpose of effective control on the vertical and horizontal levels of management. The structure of communicative interaction and combination of patterns of verbal and nonverbal management are analysed.

Ключевые слова: управление, знаковые системы, информация, символы, вербальный и невербальный языки, вертикальный и горизонтальный уровни управления, коммуникации, формализация языка.

Keywords: management, sign systems, information, symbols, verbal and nonverbal languages, vertical and horizontal levels of management, communications, formalization of language.

Быстро меняющиеся социально-исторические и экономические условия, внедрение в организациях современной техники обуславливают необходимость исследования вербальных и невербальных знаковых систем, используемых в сфере управления.

Степень эффективности их использования определяется степенью управляемости сотрудниками в целях обеспечения успешной деятельности организации и достижения поставленных целей.

Основные задачи, которые выполняют знаковые средства в управлении, – это, во-первых, осуществление обмена информацией с целью определения проблем, поиска и принятия решений, регулирование противоречий, возникающих в ходе взаимодействия, координация и согласование действий, во-вторых, целенаправленное моделирование таких условий, которые создают образцы ролевого поведения и управляют поведением человека, вынуждая его действовать так, а не иначе.

Процесс передачи информации в организации включает несколько этапов. Это – формулирова-

ние сообщения, кодирование его в комплекс символов – вербальный и невербальные языки, способные передать информацию в максимально доступной для понимания получателем форме, передача отправителем закодированного сообщения, декодирование его получателем и обратная связь. Таким образом, сообщение представляет собой некоторую комбинацию знаков, каждый из которых несет смысловое значение. Конкретная форма сообщения зависит в немалой степени от канала передачи сообщения. В качестве канала могут выступать технические средства связи или непосредственное взаимодействие. Декодирование информации получателем происходит по схеме, обратной кодированию. Обратная связь устанавливается в виде реакции партнера на информацию, которая выражается не только словами, но и с помощью таких знаковых систем, как мимика, жестикуляция, произвольные движения тела, которые дают коммуникатору возможность контролировать собеседника и управлять коммуникационным процессом. Невербальные средства играют весьма существенную роль в процессе взаимодействия, поскольку они являются очень значимым источником дополнительной информации. Исследования показали, что на долю вербального общения приходится 7%, 38% приходится на модуляцию голоса, 55% – на выражение лица, жесты и позы [1].

Организация представляет собой сложную иерархическую структуру с уровнями руководства и подчинения. Такая структура может эффективно функционировать только при существовании хорошо налаженной информационной связи между всеми уровнями, как вертикальными, так и горизонтальными. Очень важным является своевременное и регулярное информирование сотрудников о целях и направлении деятельности организации, ее стратегии, социальной политике, о новых проектах и задачах, о происходящих изменениях, о позитивных и негативных тенденциях.

На протяжении многих лет сложилось так, что в большинстве российских организаций коммуникация носит преимущественно однонаправленный характер связей сверху вниз. Вертикальные каналы коммуникации существуют для того, чтобы связать все уровни управления организации в единое целое. Используя вертикальный канал связи, руководство доводит до сотрудников приказы и распоряжения, сведения о текущих задачах, рекомендуемых методах действия, применяемых санкци-

ях, об изменении различных нормативов и т. д. Все эти документы, как правило, функционируют в письменном виде для обеспечения лаконичности, достаточности с точки зрения информативности сообщения, ясности и отсутствия двусмысленности.

Коммуникации снизу вверх представляют собой каналы обратной связи процесса управления. Эти коммуникации очень важны, поскольку они дают информацию не только о положении дел в организации, но и о настроении работников. На основе этой информации руководители высших уровней постоянно корректируют и изменяют меры управленческого воздействия на поведение подчиненных всех нижестоящих уровней. Обмен информацией по восходящей обычно происходит в форме отчетов, предложений и объяснительных записок. Важным показателем и предметом анализа является язык и способы изложения проблем и их решений. Как показывают исследования, информация в процессе передачи теряет часть своего смысла и претерпевает значительные искажения. Недостаточную эффективность вертикальных, как восходящих, так и нисходящих коммуникаций подтверждают данные о том, что руководители среднего звена, покидая кабинет первого руководителя предприятия, выносят только 30–40% информации. Коммуникации снизу вверх еще более неудовлетворительны, так как до руководства по разным причинам доходит не более 10% информации [2]. Это свидетельствует о том, что языковые и знаковые возможности коммуникаций в организации используются неэффективно.

Не менее важна роль вербальных и невербальных языков и в горизонтальных коммуникациях, так как они служат для информационного обмена между подразделениями в целях координации и согласования действий.

По данным зарубежных исследований, эффективность горизонтальных связей достигает 90%, а вертикальных – 20–25%, то есть такое количество исходящей от руководителей информации доходит до работников и правильно понимается ими [3]. Значительно меньшая эффективность горизонтальных связей объясняется большими возможностями взаимодействия, большей интенсивностью и менее формальными отношениями между сотрудниками. Важным моментом устных коммуникаций является возможность быстрого и полного обмена информацией.

Широкое внедрение и активное использование технических средств в вертикальных и горизонтальных коммуникационных каналах, доступность разнообразных средств электронной и мобильной связи не могли не повлиять на специфику языкового взаимодействия в сфере деловых отношений. Вербальный язык стал приспосабливаться к современным особенностям управления: в рамках про-

фессиональной сферы он стал более простым и формализованным. Формализация языка проявляется в упрощении и минимизации используемых языковых средств с целью избежания нелогичности и непоследовательности, свойственным естественному языку, и придания им постоянного и конкретного смысла. Язык становится предельно однозначным за счет закрепления жесткого значения за конкретными комбинациями слов, так как информация, исключая разночтения, обеспечивает более эффективное управление организацией. Профессиональный язык характеризуется большей изолированностью, поскольку информация в одном контексте без ссылок на другие сообщения имеет большую определенность и обеспечивает более надежную и быструю связь. Точность языка становится главным условием, обеспечивающим лучшую согласованность и координацию действий, а передача информации более простым языком без сложных грамматических построений требует меньше времени на её осмысление и переработку [4].

Формализованный язык, используемый в основном в вертикальных коммуникациях в форме письменных приказов, распоряжений, информационных листков, предельно конкретен, представляет информацию однозначно, позволяет избежать разночтений, обеспечивает большую управляемость персоналом, обладает высокой точностью сообщения.

Несмотря на стремление к однозначности и предельной ясности, тем не менее существуют факторы, приводящие к потере информации и, следовательно, снижающие эффективность коммуникации.

Плохо сформулированные сообщения дезорганизуют работу и нуждаются в многочисленных письменных или устных разъяснениях и пояснениях. На дополнительную работу подобного рода расходуется большое количество средств, и особенно времени, которое тратится на выяснение, исправление, уточнение и дополнительное согласование деталей.

Управленцы среднего звена находятся в центрах коммуникаций в организации и функционируют как получатели и отправители сообщений. Они получают разные виды сообщений от вышестоящих руководителей и должны донести информацию, предназначенную для подчиненных, на понятном языке. Часто бывает недостаточно передать информацию слово в слово, она должна быть выражена знаковыми средствами, понятными специалистам конкретной сферы деятельности, или сопровождаться четкими разъяснениями. Этот процесс требует умения, которое зачастую отсутствует. Небрежность в выборе языковых средств оказывает негативные последствия на эффективность управления и приводит к значительным убыткам.

В процессе передачи информации происходит постепенная потеря информации. И чем больше

передающих звеньев, тем больше происходит потеря. В устном сообщении при каждой последующей передаче теряется около 30% информации. В наибольшей степени информация искажается, если она передается через большое количество каналов и на большие расстояния. Установлено, что при передаче информации через 2–5 каналов она искажается до неузнаваемости [5]. Серьезным препятствием остается и сам факт забывания информации. Даже письменные сообщения, которые сопровождаются комментариями и разъяснениями, теряют часть своего смысла при передаче.

При сетевом взаимодействии в сфере профессиональной деятельности отношения между сотрудниками носят преимущественно формальный характер. Как правило, в сфере производственных отношений переписка по электронной почте является электронной формой традиционной деловой переписки, в которой принят официальный стиль, характеризующийся предельной строгостью и рациональностью. Типовые тексты и тексты-трафареты широко используются при составлении официальных писем с однотипной информацией, с использованием годами наработанных стандартных языковых конструкций, которые охватывают огромное количество управленческих ситуаций. Каждый вид официального письма имеет свою языковую формулу.

Деловая переписка строго регламентирована в выборе языковых единиц – слов и словосочетаний, в построении предложений и в структуре самого текста, характеризуется строгостью оформления, нейтральностью стиля, использованием типичных речевых средств и стандартных терминов, повторяемостью языковых форм.

Однако в связи с новыми социальными и экономическими условиями, с появлением системы электронного документооборота, уже сложившийся язык деловой документации постоянно претерпевает изменения, адаптируясь к новым условиям.

К важнейшим правилам электронного общения относят следующие: в сфере профессиональной деятельности, когда отношения между сотрудниками носят преимущественно формальный характер, все детали электронного сообщения имеют знаковую форму, чутко улавливаются получателем и соответственно интерпретируются. Поскольку в электронном общении в сфере производственных отношений отсутствует непосредственное личное представление, которое формируется на основе всех знаковых систем, продуцируемых человеком при непосредственном общении, то на восприятие собеседника по ту сторону монитора влияют механизмы стереотипизации и установка на ожидаемое поведение. Сообщение становится визитной карточкой, особенно с учетом безличного общения, и формирует образ отправителя. Служебный этикет ограничивает и регламентирует исполь-

зование языковых средств, не нарушая границ этических норм и проявляя уважение к деловому партнеру. Фамильярность недопустима и расценивается как грубейшее нарушение этикетных норм. Послание, набранное заглавными буквами, воспринимается получателем как крик. Недопустимы также орфографические ошибки и несоблюдение сочетаемости слов. Неточный язык, неумение выразить мысль просто и ясно, косноязычие расцениваются как отсутствие профессионализма и компетентности и подрывают доверие к информации.

Грамотное использование современных компьютерных технологий обеспечивает организациям лучшую управляемость информационными потоками как по вертикали, так и по горизонтали, более эффективное планирование деятельности, оперативность принятия решений, возможность координации действий в короткие сроки.

От умения правильно выстроить систему информационного взаимодействия на всех уровнях организации зависит согласованность функционирования всей производственной системы как единого организма. Чем сложнее система, тем острее стоят вопросы координирования всех звеньев производственного процесса, тем актуальнее проблемы эффективного коммуникационного управления.

В связи с распространением компьютерных технологий заметно вырос объем информации, представляемой и передаваемой в визуальном виде. На основе современных достижений информатики и других наук, изучающих особенности восприятия информации человеком, разрабатываются коммуникативные системы на основе знаков, представленные в виде различных графиков, схем, рисунков, диаграмм, позволяющих быстро воспринять информацию и вычленив необходимые детали. Наглядная информация очень эффективна и удобна для восприятия. Например, детальное и последовательное представление в виде схемы какого-либо технологического процесса на мониторе компьютера позволяет проследить последовательность операций. Этот способ передачи информации, по сравнению с вербальным, значительно более эффективен, потому что он делает возможным изобразить «картинку» целиком, и при анализе или сопоставлении процессов не нужно вчитываться в текст и производить дополнительные умственные операции, поскольку текст на естественном языке обладает свойством линейной последовательности. Для более понятного представления информации знаковую форму приобретают и цвета объектов. Например, опасные участки или аварийные объекты окрашиваются в красный цвет. Однако при представлении информации в цвете целесообразно использовать простые и однозначно воспринимаемые цвета (черный, синий, белый, красный). В зависимости от состояния объекта его графический образ может изменять форму и цвет, перемещаться

по экрану, дополняться новыми поясняющими или дополняющими символами. Все эти действия имеют знаковую природу, поскольку каждое новое действие несёт в себе новый смысл и имеет определенное значение для получателя информации. Символы представляют собой наглядное и понятное средство передачи информации. Используемые в конкретной сфере деятельности символы воспринимаются специалистами однозначно. Символы позволяют достаточно быстро в сжатой форме донести до получателя большой объем информации.

Таким образом, практическое владение вербальными и невербальными средствами управления информационными потоками; сочетание моделей вербального и невербального управленческого воздействия, умение комбинировать и соотносить между собой все знаковые средства для адекватной передачи информации; умение выбрать наиболее подходящие способы передачи информации, для того чтобы информация была дешифрована получателем быстро и однозначно; способность варьировать языковые и неязыковые средства в процессе коммуникации в связи с изменением ситуаций и условий взаимодействия могут значительно повысить эффективность управления на всех уровнях организации.

Примечания

1. Кравченко А. И., Тюрина И. О. Социология управления. М.: Академический проект, 2005. С. 879.
2. Бахафев А. Р. Коммуникации внутри компании: как добиться их эффективности // http://www.iteam.ru/publications/human/section_44/article_2669
3. Бахафев А. Р. Коммуникации внутри компании: как добиться их эффективности // http://www.iteam.ru/publications/human/section_44/article_2669
4. Хазиев З. А. Образование и техническое мышление // Научно-технический потенциал Башкортостана. Уфа, 2007. С. 73–76.
5. Шарков Ф. И. Основы теории коммуникации. М.: Изд-во «Социальные отношения», 2004. С. 56.

УДК 301.0085+001(09)

А. Д. Батомункуева

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ИСТОРИИ НАУКИ

Статья посвящена анализу осмысления управленческих компетенций, их природы, содержания в истории науки. Выделены два подхода к исследованию управленческих компетенций: философский и социологический.

The article is devoted to administrative competence comprehension, its nature and content in the history of science. There are two approaches of administrative competence research applied: philosophic and sociological.

Ключевые слова: управление, управленческие компетенции, меритократия.

Keywords: administrating, administrative competence, meritocracy

Современное общество требует управленцев новой формации, способных эффективно управлять в новых, быстро меняющихся условиях. Обновляется и перечень управленческих компетенций. Термин «управленческие компетенции» в научный оборот был введен в XX в., но образ идеального правителя, качества эффективного управленца всегда представляли интерес для ученых самых разных областей науки.

Одним из первых управленческие компетенции рассмотрел Конфуций. В его концепции вся государственная жизнь стоит по образцу семейной: младшие должны подчиняться старшим – от родителей до монарха; а старшие обязаны заботиться о младших. Этот принцип выражается в конфуцианском патернализме управления. Ключевой управленческой компетенцией мыслитель считал добродетель, которая понималась как сыновья почтительность, отеческая любовь, верность долгу, мудрость и следование ритуалу. Конфуций наставляет: «Правитель, положившийся на добродетель, подобен северной Полярной звезде, которая за мерла на своем месте среди сонма обращающихся вокруг нее созвездий» [1]. Важно отметить, что Конфуций впервые в управленческой практике ввел квалификационные экзамены: человек, претендующий на государственную службу, должен был в течение 2–3 суток самостоятельно написать поэму из 60 слов, сочинение об историческом событии и трактат на отвлеченную тему. Этим было закреплено требование: управленец должен обладать особыми знаниями и умениями. Кроме этого в перечень управленческих компетенций входило особое умение без усилия побуждать других людей пови-

новаться. Это нашло яркое проявление в феномене стратагем, «неортодоксальных путей к достижению военных, гражданских, политических, экономических или личных целей» [2].

Таким образом, перечень управленческих компетенций, по мнению Конфуция, включает доброту, почтительность, верность, следование ритуалу, знание и владение стратагемами. Компетентность управленца или кандидата на замещение управленческой должности определялась путем прохождения специальных квалификационных испытаний.

Попытки осмыслить теоретические основы управленческих компетенций предпринимались и античными философами. В Древней Греции руководство народом и искусство управления людьми обозначались термином *demagogia*. Но он достаточно быстро приобрел негативную окраску и стал обозначать не управление, а систему манипуляций общественным мнением в целях осуществления нужного управленческого выбора. Подобный негативный оттенок приобрела и софистика. Софисты обучали предметам, которые, по их мнению, были необходимы для участия в управлении полисом: искусству аргументации, риторике, гражданскому праву, пониманию человеческой природы. Несмотря на право каждого выступать, в основном говорили люди, получившие специальное образование. Естественно, такую подготовку могли получить дети состоятельных афинян. Это обусловило постепенный переход от принципа меритократии к наследственному принципу.

Важно отметить, что в Афинах основная часть должностей распределялась по жребию. Эта практика хоть и служила примером непосредственного участия демоса в управлении полисом, но, по мнению Сократа, являлась ошибочной. Управленец, по мнению Сократа, должен владеть специальными управленческими компетенциями. «Проводя аналогию между государственным деятелем и кормчим на корабле, он [Сократ. – А. Б.] считал, что государством должен руководить лишь тот, кто сведущ в области управления, подобно тому, как кораблем может управлять лишь тот, кто обладает необходимыми знаниями, опытом и навыками кораблевождения» [3]. Поэтому Сократ был убежден в том, что власть в государстве должна принадлежать не воле случая, а «лучшим» – опытным, честным, справедливым, порядочным и обладающим арете государственного управления. При этом арете было эквивалентом знания, имплицитно включающим в себя правильное действие. Так, Сократ выделил гносеологический компонент управленческих компетенций – обязательное для управленцев владение специальными знаниями: теоретическими, техническими и моральными.

Идея отнесенности к управляющей системе «лучших» представителей народа была поддержа-

на и Платоном, который верил, что в идеальном государстве одаренные мудростью будут управлять обществом; обнаружившие мужество – защищать; проявившие умеренность и заботливость – производить необходимые продукты.

Платон описал процесс целенаправленной подготовки управленцев: с 10 лет все дети получают одинаковое образование, изучая гимнастику, музыку и религию, обучаясь послушанию, лояльности и готовности к самопожертвованию; в 20 лет проводится первый отбор, выдержавшие который продолжают обучение, уделяя особое внимание математике; в 30 лет – вторичный отбор, после которого оставшиеся молодые люди еще 5 лет изучают философию, затем 15 лет участвуют в практической жизни общества, приобретая навыки управления. Только когда человеку исполняется 50 лет, за его плечами 40 лет всесторонней подготовки, он может взять управление в свои руки. Этот управленец является компетентным и добродетельным, может обладать властью и управлять остальными членами общества.

Платон первым выдвинул идею длительной целенаправленной подготовки будущих управленцев; под управленческими компетенциями понимал обладание знанием, мудростью, справедливостью.

Аристотель из всех навыков, необходимых управленцу, выделял «умения военачалия», «умения хозяйствования» и красноречие. Но основной управленческой компетенцией определяет добродетель. Философ указывает: «Настоящий государственный муж (*politikos*)... больше всего старается о добродетели» [4]. У философа этика и политика совпадают в своей основе; нравственное действие у Аристотеля рационально и предполагает свободный выбор между злом и добром. Управленец как человек, обладающий мудростью и благоразумием, должен постоянно принимать управленческое решение – совершать выбор для возможно лучшего существования граждан. При этом данный выбор обязательно сознателен, рационален и нравственен. Так, Аристотель первым акцентировал внимание на акте совершения выбора и принятия управленческого решения.

Интересно, что ни Сократ, ни Платон, ни Аристотель в перечень управленческих компетенций не включали патриотизм. Это произошло во времена Римской империи. В этот период обязательные черты верховного государственного правителя включают божественную благодать, верность национальной римской традиции, чувство ответственности перед народом и нравственное достоинство. Например, Цицерон требует от политического деятеля благоразумия; чтобы в нем разум торжествовал над низменными страстями; таких достоинств, как мудрость, справедливость, воздержанность, красноречие, знание права и сочинений греческих авторов. Мыслитель пишет: «Правитель государства должен

быть выдающимся и ученым мужем; при этом он должен быть и мудрым, и справедливым, и воздержанным, и красноречивым» [5].

В целом, античные философы заложили начало рассмотрения проблем управления с гуманистических начал: управлением должно двигать не инстинктивное стремление к власти, а гуманные человеческие начинания. Это приводит к корреляции понимания управленческих компетенций и мудрости: в античном обществе понятия «философ», «мудрец» и «правитель» имеют тенденцию к отождествлению. Античность в перечень управленческих компетенций включила знания, добродетели, важность личностного выбора и управленческого решения. Все это обусловило формирование гносеологических и этических основ управленческих компетенций.

Значительный вклад в осмысление управленческих компетенций принадлежит Н. Макиавелли. В своих трудах он отразил видение «механики правления», заложил начало возникновению *Realpolitik* – политики как манипуляции. По мнению мыслителя, нерешительность, малодушие и легкомыслие – недопустимые для руководителя качества; идеальный правитель должен сохранять в себе качества льва (сила, честность) и лисицы (мистификация, искусное притворство, хитрость). Н. Макиавелли разводит понятия политики и этики; провозглашенный им принцип «цель оправдывает средства» комментирует: «Пусть обвиняют его поступки, лишь бы оправдывали результаты, и он всегда будет оправдан, если результаты окажутся хороши» [6].

Интерес представляет анализ управленческих компетенций в русле концепции общественного договора. В договорной теории государства (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и др.) главной целью управляющей системы является выполнение условий договора, обеспечение безопасности и свободы каждого. В связи с этим и для осуществления указанных обязательств возникают государственная власть и органы управления, появляется слой управленцев. Здесь необходимо сказать, что принцип выборности, принятый за единственно легитимный способ распределения власти в договорной теории государства, возродил меритократические позиции и актуализировал проблему формирования управленческих компетенций.

Дальнейшее развитие проблема осмысления управленческих компетенций получает в творчестве Г. В. Ф. Гегеля, который ратует за сильное правовое государство. Непосредственно об управленческих компетенциях философ пишет: «...государственная служба требует жертвования самостоятельными целями и именно этим дает право находить такое удовлетворение в сообразном долгу выполнении служебных обязанностей» [7], «среднее сословие,

к которому принадлежат государственные чиновники, представляет собой средоточие государственного сознания и выдающейся образованности» [8]. Таким образом, в управленческих компетенциях Гегель выделяет знание, образованность и служение долгу.

Новый аспект проблемы управленческих компетенций мы видим в учении марксизма. По мнению К. Маркса, «отдельный скрипач сам управляет собой, оркестр нуждается в дирижере» [9]. Говоря об управленцах, сторонники марксизма ведут речь о политических лидерах, вождях как наиболее последовательных и умелых выразителях воли класса. Успешная деятельность вождя, руководителя определяется «не силой власти, а силой авторитета, силой энергии, большей опытности, большей разносторонности, большей талантливости» [10]. По существу, управленцы с марксистских позиций выполняют вспомогательную роль, являются «слугами» и выразителями интересов класса.

Иных взглядов придерживается Х. Ортега-и-Гассет, описывающий феномен стадности и утверждающий, что масса «не должна и не способна управлять собой, тем более обществом» [11] и ей «необходимо следовать чему-то высшему, исходящему от избранных меньшинств» [12]. Философ убежден, что избранное меньшинство – это «не те, кто кичливо ставит себя выше, но те, кто требует от себя больше, даже если требование к себе у него сильно» [13]. Харизма, оторванность от толпы, высокая требовательность к себе, незаурядность, способность к «жизненному порыву» становятся важнейшими управленческими компетенциями в условиях массового общества. Х. Ортега-и-Гассет провозглашает идею особенности, величия и незаурядности представителей управляющей системы и «убогости», безликости и «серости» управляемой системы. Под управленческими компетенциями он понимает качества, которые и задают это величие: пронизательность, воля, высокая требовательность к себе, способность к «жизненному порыву», оторванность от толпы.

Огромная роль в осмыслении управленческих компетенций принадлежит М. Веберу. В русле данного исследования интерес представляет разработанная им типология легитимации власти, в частности харизматическая власть, в которой лидерам повинуются из-за их личных качеств, а не на основе закона или традиции. М. Вебер находил близость современных харизматических руководителей с пророками и колдунами. Харизма, понимаемая как милость божья и особый дар, является врожденным, а не приобретенным свойством. Если исходить из данной позиции, то управленческие компетенции – это харизматические качества, и, следовательно, их невозможно сформировать.

Необходимость целенаправленного формирования управленческих компетенций обосновывал

Т. Парсонс, сравнивший традиционный и современный типы общества. Из богатого наследия ученого интерес для нас представляют выделенные социологом основания статуса: в традиционном обществе – это предписания, в современном обществе – достижения. Ученый утверждает, что в современном обществе вновь усиливаются меритократические принципы распределения власти и включения в управляющую систему. Эта же позиция прослеживается в теории постиндустриального общества.

Важной характеристикой постиндустриального общества Д. Белл называет меритократию. В условиях постиндустриального общества право наследования, в том числе и власти, утрачивает былое значение. Человек теперь может продвигаться по карьерной лестнице благодаря своему образованию, квалификации и способностям. Необходимо отметить, что Д. Белл особое внимание уделяет роли информации и знанию: «...Информация – это власть... знания и информация становятся стратегическими ресурсами и агентом трансформации постиндустриального общества» [14]. Все это актуализирует умения человека в области работы с информацией и владения современными информационно-коммуникативными технологиями. Именно данные управленческие компетенции выдвигаются на первый план в условиях информационного общества.

Э. Тоффлер также считает, что знания и информация становятся главными стратегическими ресурсами человечества. Он высказывает мнение, что в будущем человечество ждет «глобальная битва за власть» [15]. Относительно управленческих компетенций ученый отмечает, что «для выполнения задачи выжить в условиях экономики суперсимволов ... не подходят педантичные, мелочные бюрократы, стремящиеся “сохранить лицо”. Это работа для индивидуалистов, радикалов, людей, не знающих пощады, даже эксцентриков – своего рода командос делового мира, мужчин, если продолжать параллель, готовых на штурм любых высот ради захвата власти» [16]. Выделяя в истории человечества три основных периода, названных «волнами», Э. Тоффлер считает, что для времен Первой волны лидерство обычно доставалось по праву рождения, а не в результате заслуг; от монарха требовались ограниченные навыки – способность вести людей в бой, пронизательность, правитель был свободен использовать широкие личные полномочия. Управленец Второй волны должен быть грамотным и способным к абстрактному мышлению, его полномочия ограничены. Лидер Третьей волны ученый видит «более способными к самостоятельной деятельности, скорее изобретательные, нежели беспрекословно выполняющие указания», «быстрыми на подъем», «индивидуалисты, гордящиеся тем, что не похожи на других»,

«принимают на себя ответственность» [17]. Управленческие компетенции управленцев Третьей волны – это яркая индивидуальность, ответственность, самостоятельность и инициативность, креативность и инновационность.

Итак, процесс осмысления управленческих компетенций в истории науки, начавшись со времен античности, нашел продолжение в прогнозах на будущее. Античные философы в образе управленца отождествляли мудрость, знания и добродетель, обусловив формирование гносеологических и этических основ управленческих компетенций. В дальнейшем в перечень управленческих компетенций вошли ораторское искусство и хитроумие. Средневековая философия укрепила взгляды о божественной природе власти и аскриптивный характер управленческих компетенций. Разделение политики и этики произошло в эпоху Ренессанса, дав начало *Realpolitik*, требующей от управленцев хитрости, гибкости и умений манипулирования людьми. Позже, в лоне договорной теории государства акценты ставятся на принципах меритократии – власти достойных. Данный принцип нашел развитие в концепции постиндустриального общества, в которой утверждается, что революция менеджеров является фактором трансформации индустриального общества. В информационном обществе особую роль играет информационно-коммуникационная компетентность управленца. В целом, ученые предполагают, что в будущем управленцам понадобятся совершенно новые управленческие компетенции – креативность, воображение, смелость, быстрота.

Таким образом, процесс осмысления управленческих компетенций протекал противоречиво, глубже раскрывая природу феноменов управления, власти, лидерства, точнее описывая наиболее значимые качества управленца – управленческие компетенции.

Примечания

1. Конфуций. Уроки мудрости: сочинения. М.; Харьков, 2003. С. 20.
2. Зенгер Х. фон. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. Т. 1. М., 2006. С. 28.
3. Кессиди Ф. Х. Сократ. СПб., 2001. С. 85.
4. Аристотель. Никомахова этика // Электрон. б-ка Максима Мошкова // <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt>.
5. Цицерон М. Т. Диалоги: О государстве; О законах. М., 1994. С. 76.
6. Макиавелли Н. Государь // Электрон. б-ка философского портала // <http://www.philosophy.ru/library/machiavelli/>
7. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 334.
8. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 336.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М., 1960. С. 342.
10. Ленин В. И. Письмо товарищу о наших организационных задачах // Полное собрание сочинений. Т. 7. М., 1967. С. 14.

11. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2008. С. 43.
12. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2008. С. 109.
13. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2008. С. 46.
14. *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 335–340.
15. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. М., 2003.
16. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. М., 2003. С. 48–49.
17. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 1999. С. 608, 609.

ОТРАСЛЕВАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 330

А. В. Крылов

О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ

В статье анализируются закономерности и причины циклического возникновения кризисов в мировой экономике, показан их объективный и системный характер.

В ходе анализа работ социологов и экономистов делается вывод о применимости теоретических разработок о волновом характере экономических процессов для прогнозирования возникновения кризисов и о необходимости научного подхода к управлению экономикой.

The regularities and causes of cyclical occurrence of crises in the international economics are analyzed in this article, their objective and system-based character is revealed.

Having analysed the works of sociologists and economists, the author concludes that the theories of the wave-like nature of economic processes can be applied to predict the occurrence of crises and that scientific approach to economics management is an urgent issue.

Ключевые слова: экономический кризис, устойчивое развитие, глобализация, циклы Кондратьева, системные противоречия, регулирование рынка.

Keywords: economic crisis, sustainable development, globalization, Kondratiev cycles, system-based contradictions, market regulations.

Нынешний экономический кризис, внезапно оборвавший восходящую траекторию экономического роста мировой экономики в целом и российской в частности, поставил практически всех нас перед лицом серьезных вызовов. По оценкам многих ученых и государственных деятелей, кризис, а вернее, вызванная им депрессия продлится около 10 лет. Вполне закономерно возникает вопрос, а как могли столь масштабные, можно сказать, тектонические негативные процессы возникнуть столь неожиданно для многих субъектов экономической деятельности? Могла ли современная экономическая и социальная наука предупредить мир о грядущих кризисных событиях и наметить некий комплекс мер если не по предотвращению, то по смягчению протекания кризиса в мире? Или она пре-

бывала в плену комплекса иллюзий под названием «устойчивое развитие», о котором так много говорили в последнее время оптимисты?

Попробуем обратиться к научному наследию по данной проблематике. Важный вклад в исследование поставленной проблемы внесли работы современных отечественных и зарубежных исследователей, которые обратились к ритмам развития социальных систем, – И. Валлерстайна, А. М. Шлезингера, Дж. Модельски, Б. С. Ерасова, М. В. Ильина, Э. С. Кульпина, А. С. Панарина, А. В. Полетаева, И. М. Савельевой, В. Н. Шевченко, Ю. В. Яковца и др.

Из анализа их работ видно, что соотношение между производительными и гуманитарными сферами общественной жизни меняется. Если раньше развитие науки определялось в первую очередь потребностями обороны и производства, то теперь, наоборот, наука начинает полностью определять производство. Производство становится все более наукоемким, наука превращается в непосредственную производительную силу. Можно сказать, что само западное общество меняет свою природу. Раньше оно было индустриальным, трудовым и капиталистическим. Теперь оно становится постиндустриальным, информационным и постмодерным. Можно по-разному оценивать эти объективно идущие процессы, среди исследователей есть и оптимисты, и пессимисты по отношению к этому вопросу. В рамках данной статьи нас интересует степень стабильности и устойчивости мирового сообщества по отношению к кризисам. Если в индустриальном обществе основой производства и обмена выступали труд и капитал, то в постиндустриальном – информация и творчество. Они уже не просто являются фундаментом функционирования экономики, но вместе с мировой индустрией телекоммуникаций образуют особую подсистему, роль которой становится ключевой. Это происходит оттого, что благодаря различным электронным системам платежей функции и роль знаний и денег сближаются. Обращение информации напоминает обращение денег. Обращение денег происходит практически мгновенно, в огромных масштабах и под влиянием циркулирующих в обществе информационных потоков. Данный процесс является едва ли не основным в том сложном комплексе процессов, именуемых глобализацией.

Все это вначале ведет к экономическому буму, ведь подвижность, скорость обращения капитала,

как известно, заметно повышает эффективность поведения операций в бизнесе. Однако все сказанное выше увеличивает и уязвимость экономики перед лицом различных кризисных явлений. Пророчества многих критически настроенных ученых и практиков, среди которых можно выделить Дж. Сороса и И. Валлерстайна, относительно надвигающегося периода «хаоса» и мирового кризиса игнорировались и отвергались большинством экономистов еще в середине 90-х. «Тезис миросистемного анализа состоит в том, что капиталистическая мировая экономика стоит перед кризисом, подобного которому она до сих пор не знала. Капитализм как историческая система далек от того, чтобы быть успешным и победоносным, он находится сегодня в состоянии невероятных структурных трудностей», – пишет И. Валлерстайн [1]. Теперь же можно слышать весьма и весьма пессимистичные прогнозы относительно перспектив и сроков выхода мировой экономики из нынешнего депрессивного состояния.

Почему же кризисы случаются с такой неумолимой и неотвратимой периодичностью?

Цикличность их возникновения после периодов бурного подъема экономики учеными была замечена уже давно. В частности, достаточное внимание этому уделял в своих трудах К. Маркс [2]. Очень многие исследователи заслуженно отдают авторство в открытии цикличности, волнообразности чередования подъемов и спадов социальной активности обществ русскому ученому Н. Кондратьеву, который показал, что длинные волны, которые он исследовал, связаны с динамикой нововведений, динамикой цен и заработной платы, развитием социальных конфликтов и революций, периодичностью возникновения войн и т.п., т.е. они исходно представляют собой комплексное социальное явление, охватывающее различные стороны процесса общественного развития. Продолжительность «кондратьевских» циклов составляет около 40–60 лет, в течение которых происходят кризисы, войны, революции и другие важные события в жизни социальных систем, которые можно рассматривать как проявления технологических, экономических, политических, социальных сдвигов, происходящих в пределах одного такого цикла.

В. Пантин считает, что теоретические посылы Кондратьева могут плодотворно использоваться при исследовании процессов социальной стратификации, социальной мобильности, урбанизации сельских регионов, рабочих движений, проведения реформ, развития и распространению различных идеологий, культурных течений, демографических изменений и даже с циклами внешней политики США [3]. Анализируя многочисленные труды авторитетных историков и философов – О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби, С. Хантингтона, О. Шпенглера, Х. Ортега-и-Гассета, П. Бьюкенена Э. Тодда и других, – автор находит

многочисленные подтверждения цикличности периодов подъема и упадка (кризиса) многих социальных процессов в историческом измерении [4]. Интересным для нас является вывод о том, что «после бурной фазы технологического переворота с ее социальными потрясениями, затрагивающими, прежде всего, модернизирующиеся общества, наступает фаза великих экономических и политических потрясений уже в самих развитых странах, которая стимулирует обострение в них социальных конфликтов и социальных изменений» [5].

Как всем хорошо известно, нынешний экономический кризис начался именно в стране, бывшей до этого в авангарде глобализации и вызванного ею экономического бума – Америке. Такое развитие событий как нельзя лучше подтвердило прогноз немецкого ученого У. Бека, который еще в 2000 году сделал следующий вывод: «Глобализация содержит в себе образец распределения рисков, не совпадающего с ней самой, распределения, в котором таится значительная взрывная политическая сила. Риски раньше или позже настигают и тех, кто их производит или извлекает из них выгоду» [4].

Почему же так происходит?

С точки зрения автора статьи, причины устойчивости повторения деструктивных тенденций в мировой экономике имеют свои корни в неустрашимых системных противоречиях самого капитализма. И. Валлерстайн их конкретизирует следующим образом. По его мнению, первая проблема кроется в рациональности самого либерализма, снижающего издержки и передающего новые технологии своим будущим конкурентам. В результате через некоторое время станет совершенно неизбежным, что предприниматели, вышедшие на мировой рынок позже, смогут освоить наиболее прибыльные рынки, используя самые передовые технологии и лишая конкурентного преимущества прежнего гегемона.

Во-вторых, внутривнутриполитической ценой либерализма, нуждающегося в поддержке непрерывного производства и потребления, является постепенный, но неизбежный рост реальных доходов как трудящихся слоев, так и высококвалифицированных специалистов и менеджеров, проживающих в лидирующих державах. С течением времени это неизбежно должно снизить конкурентоспособность предприятий, расположенных в этих странах. Как только явное преимущество в производительности потеряно, начинаются кризисные явления. При этом происходит резкое усиление конкуренции между лидирующими державами за уменьшающиеся на глазах доли прибыли, которая подрывает их совместную способность извлекать прибавочный продукт посредством неэквивалентного обмена. Степень неэквивалентности обмена, таким образом, уменьшается (но никогда не доходит до нуля) и создает дальнейшие

побудительные мотивы к переструктурированию систем союзов [7].

Известный американский экономист и социолог К. Поланьи, подводя итоги своего социально-экономического исследования, посвященного изучению социальных последствий функционирования рыночной экономики, делает вывод о том, что ни отдельные государства, ни международная система в целом не могут полагаться на автоматические регуляторы рыночного механизма. Сбалансированные бюджеты, свободное предпринимательство, мировая торговля, международные расчетные палаты и денежные системы и т. п. не способны сами по себе гарантировать устойчивость мирового порядка. А рынки, составляющие основу современной экономики, не являются автоматическими регуляторами социальной жизни общества и конечной целью общественного развития [8].

Из этого краткого анализа становится очевидным, что полностью избежать возникновения кризисов на данном этапе развития мировой системы хозяйствования не представляется возможным. Как показывает практика, глобализация не устраняет существующие противоречия, а скорее обостряет многие из них. Однако даже это еще не повод для безысходного пессимизма. Ведь даже такой широко известный критик существующей модели капитализма, как Дж. Сорос считает, противодействовать кризисам можно и должно. Являясь давним сторонником концепции «открытого общества», предложенной К. Поппером, которая, по мере своей реализации, должна заметно снизить накал системных противоречий мировой экономической системы, на данном этапе он предлагает хотя бы прогнозировать надвигающиеся кризисы и уменьшать их остроту превентивными финансовыми вливаниями. По его мнению, в этом случае эффективность антикризисных вложений в несколько раз выше, чем в фазе явно выраженного кризиса [см., напр., 9].

Резюмируя данную статью, можно констатировать следующее. Возникающие кризисы не являются чем-то экстраординарным, привнесенным извне либо результатом чьих-то роковых ошибок, они имеют закономерный, циклический характер и вызваны объективной логикой функционирования самих экономических систем. Изучая и учитывая в социальной практике закономерности их возник-

новения, можно если не предотвратить, то значительно смягчить их последствия для социумов, сократить периоды рецессии. Антикризисные мероприятия должны проводиться превентивно, на постоянной и планомерной основе, а не постфактум, как это происходит на наших глазах.

На основе вышеизложенного становится совершенно очевидным, что данное направление теоретических исследований, создания на их базе практических концепций для их последующей реализации в виде реформ и модернизаций еще долгое время будет актуальным для социальных наук. Особое значение рассмотренные выше проблемы имеют для поиска перспектив выхода из кризиса и эффективного проведения модернизационного процесса в России, которая переживает очередной, далеко не первый критический период своей истории. В этом контексте можно сделать следующий вывод – выход из кризиса и дальнейший экономический подъем станут возможны, если в ходе выработки и реализации антикризисных мероприятий будут непредвзято и сугубо рационально учтены все теоретические наработки предыдущих периодов, по-новому переосмыслены и учтены имеющиеся и потенциально возможные ресурсы, которыми в силу исторических причин обладает наша страна.

Примечания

1. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире: пер. с англ. / под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Изд-во «Университетская книга», 2001. С. 16.
2. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. Кн. 1. М.: Политиздат, 1983. С. 422–423.
3. *Пантин В. И.* Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М.: Наука, 2004. С. 66.
4. Там же. С. 77–88.
5. Там же. С. 156.
6. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 43.
7. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире: пер. с англ. / под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Изд-во «Университетская книга», 2001. С. 105–106.
8. *Верховин В.* Карл Поланьи и его анализ противоречий рыночной цивилизации // Социология. 2007. № 1. С. 184.
9. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1999. С. 231.

УДК 364-057

М. В. Полухина

РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ СТЕРЕОТИПНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ КАК ПРОФЕССИИ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматриваются результаты исследования, проведенного с целью определения стереотипов о социальной работе как профессии среди представителей ведущих СМИ Свердловской области. Исследование показывает, что сегодня проблемы с престижем социальной работы как профессии во многом связаны с нарушением коммуникации между МСЗН и СМИ, с качественными характеристиками информационных материалов о деятельности социальных служб, представленных в массмедиа.

The article deals with the results of a research which was carried out with the purpose of defining stereotypes about social work as a profession in consciousness of editors-in-chief of mass-media in Ural. The research proves that at present, problems with prestige of social work as profession are connected with infringement of communications between social services and mass-media, with qualitative characteristics of information materials about social services activity, submitted in mass-media.

Ключевые слова: социальная работа, стереотипы, социология профессий, средства массовой информации.

Keywords: social work, stereotypes, sociology of pro-fession, mass media.

Исследование проблемы повышения уровня престижности профессий социальной сферы с точки зрения выстраивания эффективного взаимодействия между субъектами социальной работы, средствами массовой информации и широкой аудиторией общественности имеет не только существенную значимость в рассмотрении теоретических аспектов изучения проблем массовой коммуникации, но и практическое значение для эффективного функционирования конкретных организаций и учреждений социальной сферы.

Феномен социальной коммуникации как информационного взаимодействия с позиции проблемы воспроизводства и ретрансляции в обществе социальных стереотипов получил фрагментарное освещение в практически ориентированной литературе по связям с общественностью, основам журналистики, психологии и социологии. Но именно благодаря социологическому анализу становится возможным изучение социальных факторов, обуславливающих влияние массовой коммуникации на формирование общественного мнения – отношения к социальным реалиям различных социальных групп.

Одной из разновидностей социальной коммуникации является массовая, при которой в качестве получателя информации выступает неструктурированный по типологическим критериям совокупный субъект. Под массовой коммуникацией в современной российской социологии понимается целенаправленное, побуждающее к действию смысловое взаимодействие, осуществляемое с помощью большого числа копий, тиражируемых и транслируемых коммуникатором специальными средствами на аудиторию в интересах субъекта с целью получения прибыли или достижения власти [1]. Социальная сущность массовой коммуникации состоит в том, что она выступает мощным средством воздействия на общество с целью оптимизации его деятельности, социализации индивида и интеграции общества, где функционально и содержательно одно из ведущих значений занимают средства массовой информации. Современные СМИ оказываются интегрированными в социальное взаимодействие, сопряжены с разными социальными институтами. Особо следует выделить роль СМИ в формировании общественного мнения. При этом отмечается двойная роль СМИ: с одной стороны, они могут манипулировать общественным мнением (это хорошо показано в трудах таких крупных социологов, как В. Парето и К. Маннгейм), с другой – помогают людям выжить в трудных условиях. Характерно в этом плане высказывание одного американского социолога и публициста Ч. Миллса: «Между сознанием и существованием стоит коммуникация, которая влияет на формирование такого сознания у людей, которое обусловлено их существованием» [2].

Основными функциями современной системы СМИ сегодня являются удовлетворение информационных потребностей личности, различных общественных групп и организаций, содействие их активному участию в процессах экономической, политической и культурной жизни общества; обеспечение взаимодействия, сотрудничества, координации и разделения труда между ними на основе совместно формируемых моделей поведения каждого социального субъекта; объективное и полное отражение условий жизни общества; сбор, производство и распространение информации в соответствии с динамикой общественного развития [3].

Вся практика массовых коммуникаций погружена в более широкие социальные контексты, получает подкрепление и обоснование с точки зрения значимости социокультурных аспектов информационного взаимодействия. С одной стороны, массовые коммуникации оказывают влияние на социальную, политическую, экономическую сферы общества, на определенные идеи, взгляды, на формирование материально-символического измерения социума. С другой стороны, различные аспекты социального взаимодействия формируют и прак-

тику массовых коммуникаций, наполняют содержательно понятие коммуникационной культуры. Таким образом, в социальной коммуникации четко прослеживаются субъектно-объектные отношения, где инициатор или создатель определенного информационно-символического текста с помощью активизации различных каналов и с использованием различных технических средств передает сообщение разным социальным группам как получателям. Благодаря публичной доступности и гласности, современными средствами массовой информации обществу одновременно предлагается поливариативный набор тем для обсуждения, что, в конечном счете, закономерно накладывает на социализационный опыт индивидов и оформляется в определенные стереотипные представления по разным вопросам.

У. Липман в работе «Общественное мнение» пришел к пониманию того факта, что, воспринимая мир, человек не способен «объять необъятное». Преодолевая разнообразие мира, он воспринимает только то, что ожидают воспринять его стереотипы, чем подтверждает ожидания и в результате еще сильнее укрепляется в своих стереотипах [4]. Он характеризовал стереотипы как упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки» мира «в голове» человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права [5]. Механизмы стереотипизации приводят, в конечном счете, к упрощению понимания и ускорения процесса усвоения большого количества информации. Любой социальный стереотип, как правило, не всегда отражает реальную картину. Содержательная смысловая наполненность образов в большей степени формируется под активным воздействием средств массовой информации, диктует определенное отношение или установку различных социальных групп к социальным явлениям и является следствием трансформации информации в процессе социальной коммуникации. Особенно сложно данный процесс протекает в условиях отсутствия каких-либо дополнительных ресурсов, предоставляющих информацию для формирования общественного мнения.

Таким образом, актуализируется необходимость ответа на вопросы «Какова роль современных СМИ в формировании институционального поля профессии социальная работа? Какую же информацию о данной профессии СМИ несут обществу?» В 2008 г. с этой целью было проведено исследование (реализовано при поддержке РГНФ, грант № 08-03-00028А), посвященное изучению практики массовой коммуникации в социальной сфере, где в процесс информационного взаимодействия оказываются включенными субъекты социальной работы, учреждения и организации системы Министерства социальной защиты населения; средства массовой ин-

формации как коммуникаторы; различные социальные группы широкой общественности, жители г. Екатеринбурга и Свердловской области. Именно в данной схеме активизируется процесс формирования в общественном сознании представлений о социальной работе как профессиональном поле деятельности. У различных категорий населения формируются «символические образы» специалистов социальной сферы, на обыденном уровне появляются знания о существующих возможностях поддержки со стороны государства и общества, что непосредственно влияет на создание оптимальных условий и повышения качества жизни населения региона.

Предметом качественного анализа стало информационное взаимодействие региональных СМИ и социальных учреждений, входящих в систему Министерства социальной защиты населения Свердловской области. Он рассматривался в трех аспектах: с точки зрения исследования профессионального имиджа социальной работы; запланированной проектной деятельности, нацеленной на коррекцию стереотипных представлений в массовом сознании различных социальных групп о социальной работе; активизации процесса системного формирования в коммуникационном поле позитивного имиджа профессий социальной сферы. В процессе работы были выявлены ключевые стереотипные представления и клише в массовом сознании о социальной работе (профессиональной группе, работниках МСЗН); оценены реальные представления о социальной работе как профессии среди представителей ведущих средств массовой информации как основных ретрансляторов стереотипных установок. Стратегия данного исследования заключается в изучении экспертных суждений относительно ограниченного по масштабам, но не по функциональной значимости объекта. В процессе работы были опрошены представители ведущих СМИ г. Екатеринбурга и Свердловской области, отвечающие за размещение текущей информации в новостных блоках. В экспертном опросе приняли участие специалисты пяти основных типов современных СМИ: информационно-новостных порталов регионального уровня; информационных агентств; регулярных массовых печатных изданий; телевизионных каналов; радиоканалов. Это позволило получить широкий выбор конкретной детализированной информации об условиях эффективного коммуникационного взаимодействия с учетом специфики различных типов коммуникационных каналов. Подход к организации выборки определялся стратегическими целями исследования: отбор информационно активных субъектов коммуникации (по уровню охвата целевых аудиторий, размеру числа пользователей, количеству обращений к информационному источнику и т. д.) позволил выйти на значимые выводы в ракурсе основ-

ной цели исследования. В работе была применена критериальная выборка [6], преднамеренно в качестве экспертов отбирались люди, имеющие в Свердловской области высокий уровень позитивного паблисити в информационной среде, а также занимающие высокие официальные должности в среде топ-менеджмента СМИ. Реализованная гибкая исследовательская стратегия, концентрировавшая внимание экспертов на субъективном видении условий коммуникации, обусловила выбор интервьюирования в качестве метода исследования. В бланке интервью все вопросы были объединены в тематические блоки по исследуемой проблематике, однако жесткой последовательности вопросов внутри блоков не предполагалось. Предварительно эксперты были лишь в общем ознакомлены с целями проекта и содержанием беседы. Важными характеристиками респондентов являются достаточно высокое должностное положение и продолжительный практический опыт в сфере массовых коммуникаций. Отчетливо проявляются высокий уровень компетенции в области своей профессиональной деятельности, социально активная позиция и определяющие личностные лидерские качества экспертов. В ходе исследования ответы информантов носили открытый характер, а ход беседы оставался достаточно свободным, что позволило выявить многочисленные аспекты рассматриваемых вопросов. Кроме того, в конце каждого интервью эксперту предоставлялась возможность высказать свое мнение по обсуждаемым темам, сделать дополнения и пояснения.

Итак, по результатам эмпирического исследования можно утверждать, что сегодня знания о реальной сущности профессиональной социальной работы среди представителей ведущих СМИ г. Екатеринбурга напрямую связаны с наличием личного опыта контактирования со специалистами, работающими в этой сфере. В сознании специалистов в области массовых коммуникаций проявляется своеобразная путаница представлений о структуре органов исполнительной власти, о социальных учреждениях, их структуре, функциях и статусе. Практически каждый респондент заявлял о том, что социальная работа представляет собой профессиональный вид деятельности, который связан с непосредственной помощью различным социальным группам, таким, как инвалиды, пенсионеры и т. д. Мало кто мог точно определить виды социальных учреждений, назвать конкретные организации нашего города, достаточно успешно функционирующие сегодня. Сфера социальной работы в большей степени связывалась экспертами с деятельностью многочисленных общественных организаций и волонтерских движений, а не с работой государственных центров и служб. В процессе интервью респонденты на вопросы о государственных учреждениях часто отвечали, приво-

дя примеры из деятельности общественных организаций, руководствуясь своим практическим опытом, не разделяя субъекты властных структур.

В целом, система информационного взаимодействия МСЗН Свердловской области и массмедиа работает, как правило, только в исследовательских целях или по долгосрочным проектам. Информация представителям СМИ предоставляется информационно-аналитическим отделом министерства только по официальным запросам в рамках законодательных норм, в связи с чем в информационные блоки материалы практически не поступают, так как просто теряют свою актуальность. Практически все эксперты отметили дискретный характер подачи информационного материала о деятельности социальных служб и организаций, административные барьеры при получении дополнительных сведений. Несмотря на выявленные проблемы коммуникации, практически каждый респондент особо подчеркнул наличие социального запроса на информацию о деятельности специалистов по социальной работе, о тех услугах, которые могут сегодня реально получить жители области, о текущей работе социальных служб.

Исходя из данных, полученных в результате опроса жителей г. Екатеринбурга, в содержании профессионального реального имиджа социальной работы присутствует элемент недоверия населения к этому социальному институту. Он не рассматривается сегодня населением области как реальный субъект помощи. В большей степени это связано с тем, что в массовом сознании социальная работа ассоциируется исключительно с непосредственным уходом за нуждающимися людьми, оказанием прямой помощи для удовлетворения только первичных потребностей. И хотя в общественном мнении отсутствует элемент неуважения к этой профессии, отдается дань усердию и работоспособности ее представителей, эффективность социальной работы оценивается невысоко. Отчасти это вина самой системы социальной работы, которой, несмотря на молодость и инновационность профессии, присущ старый принцип самооценки: «Я много работаю, не знаю ни сна, ни отдыха, значит я работаю хорошо». Но в большей степени это является следствием влияния тех образов, которые формируются сегодня СМИ. Они, как правило, доминируют в сознании людей, не имеющих опыта обращения в социальные службы, объясняя упущенные возможности, и трансформируют представления реальных клиентов социальных учреждений.

Стереотипы как неотъемлемые компоненты индивидуального и массового сознания включают в себя эмоциональное отношение, закладываемое схематически в новостных сюжетах, которые отражают профессиональное поле социальной работы. По заключению специалистов в области мас-

совых коммуникаций, все они (координаторы информационного вещания телевизионных и радиоканалов, редакторы печатных изданий, информационных агентств) создают информационные материалы, выпускают в эфир лишь сюжеты о рядовых социальных работниках, женщинах, которые помогают одиноким пенсионерам. Основной «захват» внимания аудитории в данном контексте происходит на образе бескорыстного человека, обладающего определенным набором душевных качеств, имеющего определенное социальное гражданское мужество выполнять свою работу за крайне низкую заработную плату. Таким образом, непроизвольно СМИ закладывают базис массового восприятия профессионального поля деятельности без учета иерархичности профессии, дифференциации уровня профессионального образования специалистов, непосредственно работающих в сфере управления, в социальных службах и организациях.

Постоянное воспроизведение в СМИ сконструированного стереотипа без особых доказательств и логических построений создает предпосылки для их некритического восприятия и усвоения аудиторией в условиях гиперинформированности и дискретной подачи материала, который направлен на эмоциональную сторону восприятия. Таким образом, в коммуникационном поле постепенно формировался крайне непривлекательный образ профессии в целом, ограниченный предоставляемой широкой общественности информацией, что подтверждается и результатами массового опроса населения.

Формирование социальных стереотипов относительно различных профессий складывается в массовом сознании под воздействием сложной системы коммуникационного взаимодействия, которое, в конечном счете, приводит к оформлению субъективных оценок в едином стратифицированном пространстве профессиональной деятельности людей в определенные образы-стереотипы. Однако несмотря на то что это достаточно сложный и длительный процесс, именно благодаря возможностям современных СМИ любые стереотипы сегодня могут трансформироваться, так как имеют динамические характеристики. Именно эта ситуация сегодня актуализируется в сфере социальной работы. Необходимость общественного резонанса очевидна, в данном случае задачи средств массовой информации носят более глобальный характер и не ограничиваются только передачей информации. Они должны способствовать формированию желаемого профессионального образа на основе реального положения дел с учетом специфики определенного эмоционального отношения аудитории к этой информации. На первое место по значимости здесь выходит также и вовлеченность людей в социально направленную деятельность, мотивация к проявлению активной гражданской позиции бла-

годаря формированию позитивного информационного пространства.

Примечания

1. Мартынов М. Ю. О предмете социологии массовых коммуникаций // Социологические исследования. 2006. № 12. С. 119–121.
2. Березин В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М.: Рип-холдинг. 2004. 174 с.
3. Засурский Я. Н. Система средств массовой информации России. М.: Аспект-пресс. 2003. С. 18.
4. Ослон А. У. Липман о стереотипах: выписки из книги «Общественное мнение» // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 125–141.
5. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: пер. с нем. М.: Прогресс-академия. 1996. 352 с.
6. Штейнберг И. Е. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алтея, 2009. С. 75.

УДК 316

С. А. Таланов

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ НА ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Основу статьи составляют результаты социологического изучения родительских семей 1234 несовершеннолетних, совершивших преступления в 2004–2009 гг. в Ярославской области, а также статистические материалы, отражающие показатели преступности и социального контроля по РФ, Ярославской области и другим сопредельным областям. В качестве основной гипотезы исследования выдвигалось следующее положение: вероятность совершения преступлений выше у той категории несовершеннолетних, социальные статусы которых (уровень образования несовершеннолетних и их родителей, доходы родителей и т. д.) находятся в большем несоответствии друг с другом.

This article is based on the results of sociological research of parents' families of 1234 minors, who committed crimes from 2004 to 2009 in Yaroslavl region, and also on the statistical data, reflecting crime rate and social control in the Russian Federation and, more specifically, in Yaroslavl region and other neighboring areas. The following supposition was given as the main hypothesis of the research: possibility of crime perpetration is higher in that category of minors, which social statuses (educational level of minors and their parents, parents' incomes, etc.) are not corresponding with each other.

Ключевые слова: делинквент, несовершеннолетний преступник, первичная социализация, дисфункциональные семьи.

Keywords: delinquent, juvenile delinquent, primary socialization, disfunctional families.

Переход России к демократическим моделям управления привел к изменению существовавших до этого морально-нравственных категорий. Как

© Таланов С. А., 2009

непосредственная реакция на разрушение старых норм и ценностей усиливаются взаимное отчуждение между людьми и граждан от государства, увеличивается агрессия, нетерпимость, страхи в социуме. Происходит реструктуризация общества, проявляющаяся на личностном уровне как кризис идентичности на фоне роста уровня притязаний, прежде всего касающаяся российской молодежи. Это ведет к поискам новой нормативно-ценностной структуры, которая могла бы стать для индивида личностно значимой базой, но не всегда совпадающей с законодательной базой, закрепляющей морально-нравственный эталон [1].

Основную проблему данного исследования составляет противоречие между декларируемыми и реально существующими ценностями в обществе. Главенство закона для молодежи – не аксиома. На первый план выходит самоутверждение и актуализация собственных способностей любым путем, отсюда правонарушения, число которых чаще всего растет в социально-экономических развитых регионах.

Накопленный за последние годы опыт свидетельствует, что некоторые идеи, положенные в основу борьбы с делинквентным поведением, требуют переосмысления, а практика управления данным процессом – известных корректив. Понимая под переосмыслением не отрицание необходимости реформ, но корректировку принципов, правильной говорить не о борьбе с делинквентным поведением, а о противостоении с нему.

Следует согласиться с мнением известного ученого-криминолога Д. А. Шестакова, что «государство заинтересовано в управлении преступностью, оно ждет указания рычагов управления ею, а точнее – перечня не всех, а «управляемых» причин. Значительная же часть причин (социальных противоречий) такова, что государство либо не может их разрешить (как происходит, например, с противоречивостью набора сосуществующих в общественном сознании жизненных ценностей и правил достижения успеха), либо не хочет этого делать (противоречие между богатством и бедностью). Отсюда с точки зрения прагматических потребностей государства вытекает нужда в оперировании некими факторами, занимающими в причинно-следственной цепи промежуточное положение между социальными противоречиями и массовым преступным поведением» [2].

В 2004–2009 гг. нами проводились социологические исследования на территории Ярославской области.

Подлежали исследованию с разных сторон следующие объекты:

– несовершеннолетние, состоящие на учете в отделе по предупреждению преступлений среди несовершеннолетних (ОППН) за совершение краж, но не подлежащие уголовной ответственности в связи

с недостижением возраста 14 лет или в силу малозначительности деяния, в том числе беспризорные (n=87 в 2005–2006 гг., n=98 в 2008–2009 гг.);

– несовершеннолетние, осужденные условно или к исправительным работам за совершения краж в Ярославской области (n=207 в 2005–2006 гг., n=219 в 2008–2009 гг.), дифференцированные по полу, возрасту, уровню образования, типу семьи [3];

– совершеннолетние (n=863 в 2005–2006 гг., n=904 в 2008–2009 гг.), совершившие преступления в несовершеннолетнем возрасте. Проведен ретроспективный анализ, что дало возможность сравнить обстоятельства, способствующие преступлению подростков с учетом разных условий макро- и микросреды;

– незаконопослушные студенты первого курса (n=243 в 2005–2006 гг., n=231 в 2008–2009 гг.) Рыбинской государственной авиационной технологической академии имени П. А. Соловьева (РГАТА);

– студенты-юристы (n=174 в 2005–2006 гг., n=182 в 2008–2009 гг.) Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (ЯрГУ), выступившие контрастной контрольной группой. Контрастные признаки: законопослушность, информированность. Группа выровнена по отношению к основной группе по основным признакам: пол, возраст, тип семьи, место проживания;

– позиционные эксперты, в качестве которых выступили сотрудники правоохранительных органов (n=108 в 2005–2006 гг., n=112 в 2008–2009 гг.);

– родительские семьи (n=1234) несовершеннолетних, совершивших преступление в 2004–2009 гг. в Ярославской области.

Были изучены статистические материалы, отражающие показатели преступности и социального контроля по РФ, Ярославской области и другим сопредельным областям; материалы уголовных дел: из 1437 уголовных дел было отобрано 200 (в 2005–2006 гг.), по которым в качестве обвиняемых проходили несовершеннолетние, проживавшие на момент совершения преступления на территории Ярославской области; материалы об отказе в возбуждении уголовного дела: из 3017 материалов было отобрано 500 (в 2005–2006 гг.). Выяснились причины, условия, способы, особенности мотивации при совершении этого преступления.

Кроме того, в декабре 2008 г. было проведено социологическое исследование с использованием метода фокус-групп по проблеме противостояния преступности несовершеннолетних в Ярославской области. Следует отметить, что отбор экспертов проводился, прежде всего, по критерию их компетентности, так как численность и репрезентативность группы экспертов оценивается не столько статистическими, сколько качественными показателями.

При разработке задач исследования мы исходили из того факта, что в основе правонарушений как

несовершеннолетних, так и взрослых делинквентов помимо общих социальных явлений и процессов следует учитывать различные местные факторы, проявляющиеся в особенностях маятниковой миграции, высокой урбанизации, экономических условий, количестве пенитенциарных учреждений, и в состоянии внешнего социального контроля (как неформального, так и формального) и в постановке воспитательной работы. Девиация присуща любому обществу, но не каждый девиант становится делинквентом даже при интенсивных процессах социальных трансформаций. Несмотря на существование общих факторов, влияющих на воспроизводство делинквентов, их число в различных регионах далеко не одинаково. В каждой республике, области, автономном округе, муниципальном образовании и т. д. действуют дополнительные факторы, которые сдерживают рост делинквентного поведения или, наоборот, способствуют ему. Это обусловлено социально-экономическими условиями, которые формируют среду обитания. Значительное влияние на этот процесс оказывают также особенности национально-исторического развития народа, населяющего данную территорию.

Как известно, под социальным контролем понимается «механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в нем нормативного порядка, устранения, или нейтрализации, или минимизации нормонарушающего (девиантного) поведения» [4]. В своей статье мы придерживаемся именно этого определения.

Традиционно по отношению к подросткам, совершившим преступление, применяются три основных метода для осуществления социального контроля: изоляция, обособление и реабилитация.

В Ярославской области применяют в основном два метода социального контроля: изоляцию и обособление. Порой суды принимают решения, неадекватные проступку малолетнего правонарушителя, либо выносят решения без учета социальной среды, в которой он находится. То есть, назначив осужденному условную меру наказания, судьи тем самым возвращают подростка в то же окружение взрослых и приятелей, благодаря влиянию которых он и нарушил закон. В Ярославской области ежегодно 60% несовершеннолетних освобождаются от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

Статистика показывает, что в Ярославской области условную судимость по-прежнему получает только незначительная часть виновных лиц (около 9%) в совершении преступления. Другими словами, в настоящее время типичным видом наказания для большинства лиц, совершающих кражи, является лишение свободы. Как известно, осужденные не перевоспитываются в тюрьмах, колониях и т. д. и как результат – рецидивная преступность по-пре-

жнему высока. Анализ уголовных дел (n=200) показал, что количество несовершеннолетних, совершивших преступления после отбывания лишения свободы условно, составляет в среднем 73,5% (при этом они совершают в основном кражи). На наш взгляд, необходим поиск альтернативных мер воздействия. Все это обуславливает необходимость разработки целостной концепции по противостоянию преступности, определение ее важнейшей цели, стратегии, тактики, форм и методов ее реализации.

С одной стороны – кризис наказания, с другой – «условный» срок возвращает подростка в ту же среду. Возникает вопрос: какой институт социального контроля должен взять ребенка под свое крыло? Инспекция по делам несовершеннолетних (ИДН), комиссия по делам несовершеннолетних? Или что-то другое? Это должен быть иной институт социального контроля? С 90-х гг. XX в. их работа оставляет желать лучшего. Комиссиями проводятся межведомственные рейды по дискотекам, ночным клубам и компьютерным залам города с целью контроля за их работой и пребыванием в них подростков; посещаются по месту жительства несовершеннолетние и их семьи, находящиеся в социально опасном положении; принимаются меры по оздоровлению обстановки в семьях, возвращению детей в семьи, посещают образовательные учреждения и т. д. Комиссии разрабатывают межведомственные программы реабилитации несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении. Дают конкретные поручения всем субъектам профилактики и должностным лицам по организации индивидуальной профилактической работы, устанавливают сроки и контролируют исполнение своих постановлений. И этот перечень, к сожалению, исчерпывающий.

Рассмотрим, как распределились ответы на вопрос «Как вы оцениваете деятельность комиссии по делам несовершеннолетних Ярославской области по профилактике преступности среди несовершеннолетних?» (в % от общего числа опрошенных по каждой группе).

Следует отметить, что внушительная доля респондентов-родителей (30%) и респондентов-экспертов (31%) «затруднились ответить» на данный вопрос. Стало быть, почти каждый третий из родителей, имеющий судимого ребенка, и каждый третий эксперт не имеют сегодня достаточно определенного представления о деятельности комиссии по делам несовершеннолетних.

Среди участников опроса, имеющих свой определенный взгляд на проблему, наиболее массово (половиной респондентов) дана отрицательная оценка мерам, которые предпринимает комиссия по делам несовершеннолетних Ярославской области по организации профилактической работы по предупреждению преступности среди несовершеннолетних.

Группы	Оценивают деятельность комиссии по делам несовершеннолетних			
	хорошо	удовлетворительно	неудовлетворительно	затруднились ответить
Эксперты	2,3	21	46	31
Родители	2,4	14	53	30
В том числе:				
по полу				
Мужчины	2,3	16	64	17
Женщины	2,4	14	51	31
по возрасту				
До 29 лет	5,4	12	58	25
30–34	1,7	12	51	32
35–39	3,1	16	54	27
40 и старше	1,6	15	55	26
по уровню образования				
Общее среднее	3,7	12	48	34
Техникум, н/высшее	1,2	14	57	27
Высшее	1,4	12	58	28
социальная группа				
Родители	3,3	9	55	32
Специалисты	5,6	12	57	24
Служащие	–	17	56	27
Без определенной работы	1,6	14	56	25
по уровню дохода				
До 10000 рублей	1,7	12	63	23
От 10000 до 15000 рублей	0,8	15	52	29
От 15000 до 17000 рублей	4,7	12	53	30
От 17000 до 25000 рублей	3,6	13	49	34
по типу семьи				
Полная	4,1	13	51	31
Неполная	2,7	11	52	33

Для эффективной работы комиссии у них должна концентрироваться информация не только на безнадзорных и правонарушителях, обсуждаемых на заседаниях, но и на несовершеннолетних, привлеченных в качестве обвиняемых по уголовным делам; осужденным к мерам наказания, не связанным с лишением свободы; а также находящимся и вернувшимся из учебно-воспитательных учреждений закрытого типа, следственных изоляторов и воспитательных колоний. Такой подход будет способствовать эффективной профилактике повторных преступлений.

Существующая система организационного досуга несовершеннолетних не всегда соответствует потребностям подростков. В Ярославской области недостаточное количество специализированных учреждений для несовершеннолетних с девиантным поведением, нуждающихся в социальной реабилитации, учебно-воспитательных учреждений открытого типа. Существующая в области система профилактики безнадзорности, правонарушений и защиты прав несовершеннолетних не отвечает в полном объеме современным требованиям норматив-

но-правовой и законодательной базы как федерального, так и регионального уровня. Кадровое и финансовое обеспечение по решению вопросов профилактики негативных явлений в подростковой среде является недостаточным. В области действовал и еще действует ряд программ и постановлений: целевая программа «Профилактика безнадзорности, правонарушений и защита прав несовершеннолетних на 2004 г.»; «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» федеральной целевой программы «Дети России» на 2003–2006 гг.; «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на период 2002–2004 гг.»; «Профилактика правонарушений и усиление борьбы с преступностью в Тутаевском муниципальном округе на 2003–2005 гг.»; «Патриотическое воспитание детей и молодежи Ярославской области на 2001–2003 гг.»; «Семья» на 2004 г., «Развитие физической культуры и спорта»; «Развитие культуры и искусства», Постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2006 г. № 272 «О Правительственной комиссии по делам несовершен-

нолетних и защите их прав» и т. д. Как показал проведенный нами анализ эмпирических и статистических данных, программы не дали должного эффекта.

Несмотря на создание таких, в целом необходимых, программ, все же общее состояние профилактики преступности несовершеннолетних в области еще нельзя назвать удовлетворительным. Основная причина этого кроется в том, что предлагаемые указанными и аналогичными программами меры и мероприятия не имеют достаточного материального, технического и организационного обеспечения. Кроме того, необходимо осуществлять контроль за исполнением предлагаемых профилактических мер, основным звеном которого должна стать ответственность должностных лиц, органов и организаций, предусмотренная нормативно-правовыми актами. К сожалению, надлежащего контроля на сегодняшний день нет.

В Ярославской области до сих пор не принята программа, направленная на социальную реабилитацию лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, хотя необходимость в этом существует, с учетом высокой концентрации учреждений уголовно-исполнительной системы на территории области.

Следует изменить государственную политику предупреждения преступности несовершеннолетних. Для этого необходимо в самое ближайшее время расширить номенклатуру учреждений для первичной и вторичной специальной профилактики правонарушений и преступлений несовершеннолетних.

Подводя итог в целом по статье, в первую очередь отметим, что многообразие законов и программ, направленных на профилактику преступности среди несовершеннолетних, характерное для двух из изученных нами городов, отнюдь не делают ее более эффективной. Напротив, стремление к уменьшению программных документов, имеющих декларативное содержание, представляется нам весьма положительным именно в отношении локального уровня, коим, бесспорно, является уровень профилактики в отдельном взятом городе. Так ли уж необходима на уровне региона программа по профилактике правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних? Может, следует обозначить на уровне областной программы профилактики преступности те параметры, основываясь на которых, каждое муниципальное образование (район или город) разработает и примет с учетом своей специфики собственные нормативные акты, в том числе в отношении и несовершеннолетних преступников? Необходимо, вероятно, при планировании мероприятий по профилактике преступности, в том числе и при создании нормативной базы, учитывать финансовые возможности конкретного региона или муниципального образования.

Необходимо проводить каждые три-четыре года (учитывая колебание преступности несовершеннолетних в регионе) мониторинги изучения делинквентного поведения. Система противодействия преступности требует концептуального подхода, основанного на научном изучении проблемы. Без научного обоснования концепции не могут быть четко сформулированы основные цели стратегии противостояния преступности, правильно определены пути и средства их достижения, а без этого оказываются малоэффективными практически действия по уменьшению уровня преступности. Концепция должна включать, кроме уголовно-правовых, общесоциальные меры воздействия.

К наиболее важным исходным позициям и подходам к решению проблемы отнесем следующие.

Во-первых, признание того, что широкое небывалое распространение преступности по своему содержанию и характеру последствий – явление глубоко противоречивое и поэтому требующее проведения гибкой политики с разносторонними по содержанию мероприятиями.

Во-вторых, недопустим подход к преступности как явлению вне его связи со многими другими социальными проблемами. Поэтому содержание стратегии по противостоянию преступности должно строиться на объективном анализе и учете реальных условий и возможностей общества, в том числе социально-экономических, культурно-воспитательных и т. д.

В-третьих, при реализации стратегии предпочтение должно отдаваться мерам профилактического, культурного, воспитательного и образовательного характера. Ориентация на увеличение (ужесточение) сроков наказания или необдуманное их уменьшение, как показал мировой и отечественный опыт, не обеспечивает устойчивого успеха по противостоянию преступности, и, как правило, порождает дополнительные трудности, усложняет решение проблемы.

В-четвертых, эффективное противостояние преступности возможно лишь при условии сознательной и активной ее поддержки широкими слоями населения. Поэтому государство должно стимулировать и обеспечивать участие общественных организаций, объединений в профилактике преступности, осуществлять в этих целях постоянное изучение общественного мнения, корректировать свою политику с учетом критических замечаний и предложений населения.

В-пятых, успех в практической реализации стратегии по противостоянию преступности обеспечивается созданием в стране широкой социальной системы профилактики преступности, особенно среди несовершеннолетних, эффективного механизма управления этой системой и координации усилий различных государственных органов, общественных организаций и социальных институтов.

Такие, на наш взгляд, наиболее важные исходные позиции, основываясь на которых, государственная политика могла бы оказывать позитивное воздействие на криминогенную обстановку в стране, позволят обеспечить постепенное снижение уровня преступности несовершеннолетних. Только изменив социальные условия микросреды, в которой формируется личность несовершеннолетнего, можно снизить уровень преступности рассматриваемой категории населения.

УДК 316

Р. Р. Хизбуллина

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В данной статье приводятся основные положения теоретико-методологических подходов, позволяющих изучить процесс включения личности молодого специалиста в профессиональную среду в условиях трансформации системы образования в современном обществе. Также рассматриваются особенности профессиональной социализации молодого специалиста в соответствии с основными функциональными задачами высшей школы на современном этапе в сфере подготовки молодых специалистов.

In given article substantive provisions of the theoretical and methodological approaches are resulted, allowing to study process of inclusion of the person of the young expert in the professional environment in the conditions of education system transformation in a modern society. As features of professional socialization of the young expert according to the basic functional problems of the higher school at the present stage in sphere of preparation of young experts are considered.

Ключевые слова: профессиональная социализация, трансформация системы образования, адаптация молодых специалистов, высшая школа.

Keywords: professional socialization, education system transformation, adaptation of young specialists, higher school.

В условиях глобализации и трансформации современного общества актуален вопрос о состоянии профессиональной ориентации молодого специалиста, тем более что ее закрепление осуществляется уже в процессе обучения специальности, уровень усвоения которого в последующем отражает свою проекцию на директиву профессионального поведения молодого специалиста в целом.

В связи с этим целесообразно рассмотреть процесс становления профессиональных норм и ценностей, а также оценка профессиональной ори-

ентации будущего молодого специалиста как со стороны образовательного процесса высшей школы, так и самой профессиональной среды, а сведение двух перечисленных положений в рамках сравнительного анализа позволит выявить их слабые и сильные стороны, а также даст возможность наметить основные пути их взаимной оптимизации.

Разделение процесса усвоения профессиональных норм и ценностей на две определяющие имеет следующий вид:

1) образовательный этап высшей школы в системе создания профессиональных ориентаций молодого специалиста;

2) профессиональная среда как фактор формирования профессиональных ориентаций молодого специалиста [1].

Здесь особая роль отводится процессу приобретения профессиональных норм и ценностей, где их влияние имеет первостепенное значение в системе становления профессиональной ориентации молодого специалиста.

Рассмотрим подробнее особенности влияния образовательного этапа высшей школы и профессиональной среды как факторов формирования профессиональной ориентации молодого специалиста.

Образовательный этап высшей школы в системе мультипликации профессиональных ориентаций студента как будущего молодого специалиста систематизирует совокупность его ментальных и эмоциональных характеристик, корректируя вектор профессиональной ориентации студента.

Подобная корректировка может быть осуществлена по средствам:

– обозначения примеров наиболее перспективного развития данной конкретной области будущей профессиональной деятельности студента;

– заинтересованности студента в изучении области знаний профессиональной деятельности за счет его включения в работу научно-практических конференций и семинаров, тематика которых непосредственным образом связана с профилем обучения студента;

– использования примеров жизнеописаний ведущих специалистов данной конкретной области профессионального знания, что может оказать эффект стимулирования в процессе заинтересованности будущего молодого специалиста в осуществлении профессиональной деятельности в рамках получаемой специальности.

Вышеперечисленное может быть отнесено к примерам положительного влияния на становление системы профессиональных ориентаций будущего молодого специалиста.

В случае отсутствия подобного рода установок со стороны студента процесс обучения является определяющим в системе становления профессиональной ориентации будущего специалиста. Здесь

система обучения высшей школы несет серьезную ответственность за нормы и ценности, прививаемые студенту в процессе обучения. На первый план должна выходить ориентация будущего специалиста на заинтересованность в получаемой специальности, его ориентация на будущую профессию.

Рассмотрим некоторые цифры социологического опроса, где респондентами выступили студенты первого и пятого (последнего) курсов обучения гуманитарного и технического профилей обучения. Так, понимание респондентами смысло-жизненных установок и ценностей в отношении работы и карьеры технического направления обучения составляет 25% на первом году обучения и 48% – на пятом (последнем) году обучения. Цифры свидетельствуют об увеличении числа заинтересованных в осуществлении профессиональной деятельности, карьерном росте. Ценностные ориентации в отношении работы и карьеры гуманитарного направления обучения составляют 52,0% и 44% – на первом и пятом (последнем) году обучения соответственно [2]. Видно, что численный показатель профессионально заинтересованных студентов сократился, что вызывает интерес к причине подобного явления, так как гуманитарные дисциплины прочно удерживают первые позиции среди абитуриентов вузов, а в соотношении ценностных ориентаций на семью и брак данный показатель отстает на 1 пункт.

Также в системе отношений студентов к будущему, в зависимости от направления обучения, выделяются следующие процентные соотношения: с надеждой и оптимизмом смотрят в будущее 84% студентов на первом году обучения и 72% студентов – на пятом (последнем) году обучения гуманитарного профиля. Ответы студентов технического направления по тому же показателю определены как 72% и 84% соответственно первому и пятому (последнему) году обучения [3]. Студенты гуманитарного направления обучения выказывают большую неуверенность в отношении своего будущего в сравнении со студентами технического направления обучения.

Выявление причин подобного распределения ответов студентов представляет собой интерес для дальнейшего изучения разницы профессиональных ориентаций студентов гуманитарного и технического направлений обучения в изучении влияния образовательного этапа высшей школы на предмет создания профессиональных ориентаций молодого специалиста.

Влияние *профессиональной среды* на формирование профессиональных ориентаций молодого специалиста в свою очередь можно разделить в зависимости от характера ее влияния:

- на вспомогательный аспект «научения»;
- испытательный аспект «использования».

И в том и в другом случае профессиональные ориентации «вчерашнего студента», а ныне моло-

дого специалиста играют первостепенную роль.

В первом случае *вспомогательный аспект* обучения несет в себе дополняющую функцию, так как представляет собой постобразовательную стадию образовательного этапа высшей школы. Положительным моментом в связи с этим выступает совмещение, но не замещение профессиональных ориентаций молодого специалиста, определенных в процессе его обучения в высшей школе ориентациями профессиональной среды.

Замещение же установленных профессиональных ориентаций ведет к дезориентации молодого специалиста в его профессиональной и функциональной значимости, а также снижению качественных показателей осуществления профессиональной деятельности. Здесь переоценка ценностей должна не накладываться одна на другую, взаимоисключая уже имеющиеся профессиональные установки молодого специалиста, а взаимодополнять друг друга, систематизируясь в единое пространство профессиональных ценностей, способствуя тем самым увеличению профессиональной заинтересованности молодого специалиста в собственной работе [4].

Испытательный аспект «использования» молодого специалиста в профессиональной среде определен как комплекс действий со стороны третьих лиц, направленный на выявление уровня применения его профессиональных способностей в жестких условиях конкурентной профессиональной среды, а также определение личностных характеристик молодого специалиста, куда относятся:

- уровень профессиональной подготовленности и пригодности;
- готовность к профессиональной адаптации;
- ментальные и психоэмоциональные особенности;
- конфликтная устойчивость;
- коммуникативные и креативные способности [5].

Перечисленное в рамках испытательного аспекта «использования» может рассматриваться как в комплексе, так и отдельно. Главное здесь заключено в системе испытаний молодого специалиста согласно перечню вышеуказанных составляющих, предполагающей возможное отсутствие априорной помощи со стороны третьих лиц в условиях возникновения у молодого специалиста профессиональных и/или коммуникативных трудностей. Последнее, так же как и вспомогательный аспект научения, может оказать либо положительное, либо негативное влияние на профессиональную ориентацию молодого специалиста.

Негативное может быть выражено в неумении молодого специалиста адаптироваться к тем или иным условиям производственной среды, что является потенциальной возможностью разочарования и/или нежелания осуществления профессиональной деятельности молодым специалистом в

целом, а положительным моментом может выступить закрепление профессиональных ориентаций молодого специалиста путем разрешения им трудностей и конфликтных ситуаций. Результатом последнего является эффект так называемой профессиональной «закалки».

И те и другие случаи встречаются в повседневной профессиональной деятельности молодых специалистов. В силу собственных внутренних особенностей молодой специалист может быть подвержен подобным «испытаниям» в большей или в меньшей степени. Так, если его психоэмоциональные характеристики позволяют ему противостоять определенным трудностям профессиональной среды, как, например, конфликтные ситуации или отсутствие заданной системы адаптивных практик в отношении молодых специалистов в организации, то система профессиональной ориентации, готовность к осуществлению профессиональной деятельности молодого специалиста не будет трансформирована подобными «испытателями».

Процесс социально-экономической трансформации современного общества в последние годы способствует повышению оценки жизненных перспектив как студентов, так и молодых специалистов, а также гармоничной расстановке их ценностных приоритетов и профессиональных ориентиров. Однако соотношение особенностей образовательного этапа и профессиональной среды уже сейчас выявляет разницу в системе формирования профессиональной ориентации молодого специалиста.

Влияние негативных факторов двух данных аспектов может быть разрешено посредством улучшения качества подготовки молодого специалиста, в том числе с использованием изучения и закрепления внутриличностных адаптивных практик как средства его внутренней подготовки к потенциальным трудностям профессиональной среды.

К сожалению, процесс профессиональной ориентации молодого специалиста на образовательном этапе высшей школы очень часто не затрагивает важные моменты непосредственно профессиональной среды. Так, например, одна из составляющих профессиональной среды, а именно, испытательный аспект «использования» в системе профессиональной ориентации часто не учитывается в процессе обучения будущего молодого специалиста, что может негативным образом сказаться на процессе профессиональной адаптации молодого специалиста.

Рекомендацией в связи с этим может выступить введение в образовательный процесс высшей школы специализированных дисциплин, направленных на изучение состояния и способов разрешения потенциальных проблем в процессе профес-

сиональной деятельности. Так, например, в Казанском государственном энергетическом университете студенты кафедры «Социология», обучающиеся по специальности 020300 «Социолог. Преподаватель социологии», имеют возможность прослушать курс лекций и присутствовать на семинарских занятиях по дисциплине «Адаптация молодых специалистов на предприятиях энергоотрасли».

Что касается профессиональной среды как фактора профессиональной ориентации молодых специалистов, то здесь следует обратить особое внимание на управленческий аспект. Как было сказано выше, молодой специалист в процессе осуществления профессиональной деятельности может подвергаться трансформации собственных профессиональных ориентаций, причем не всегда в плюсовом эквиваленте. Здесь влияние его руководителя или наставника на процесс подобной трансформации должно иметь первостепенное значение, так как в силу большей трудовой осведомленности в конкретной организации и на правах вышестоящего должностного лица он имеет возможность осуществлять корректировку изменений профессиональных ориентаций молодого специалиста, где вектор направленности должен быть определен как положительный.

Таким образом, профессиональная ориентация молодого специалиста в современном обществе подвергается влиянию ряда факторов, которые могут быть как негативными, так и позитивными. Существенным моментом здесь выступает возможность выработки единых механизмов в обучении будущих специалистов по разрешению потенциальных сложностей в процессе осуществления их профессиональной деятельности, а также внедрение в систему организаций практик профессиональной адаптации обучения управляющего состава высшего, среднего и низшего звеньев организаций работе с подобными практиками.

Примечания

1. Хлудова О. В. Психологические особенности профессионального роста личности (на примере сотрудников органов внутренних дел). Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2004. 24 с.

2. Эмоциональное самочувствие современной студенческой молодежи // Общество, государство, личность: проблемы взаимодействия в условиях рыночной экономики: м-лы VII Межвуз. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 2. Казань: Академия управления «ТИСБИ», 2006. С. 363–366.

3. Там же.

4. Реализация государственной молодежной политики: региональный опыт: м-лы Всерос. науч.-практ. конф., г. Казань, 25–26 ноября, 2004 г. / М-во по делам молодежи, спорту и туризму РТ. Казань: РУМЦ, 2006. 176 с.

5. Там же.

Н. Б. Горбачева

ЦЕННОСТИ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ В СОЗНАНИИ ТОЛЬЯТТИНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается роль семьи в процессе формирования семейных ценностей подрастающего поколения. Автором представлены результаты социологического исследования коммуникативных особенностей между родителями и молодежью, форм знакомства с историей своей семьи и приоритетов ценностных характеристик в семейной жизни как факторы формирования семейных ценностей подрастающего поколения.

In the article the role of the family is examined in the process of forming domestic values of rising generation. The author presents the results of a sociological research of communication between parents and youth, forms of acquaintance with the history of the family and value priorities of domestic life, as factors of forming domestic values of rising generation.

Ключевые слова: ценности, молодежь, поколения, семья, коммуникация.

Keywords: values, youth, generations, family, communication.

Семья является главным социальным институтом общества, под влиянием которой происходит социализация личности, закладываются основы нравственного воспитания человека, его культурного и духовного развития, раскрываются индивидуальные качества личности, а также осуществляется самоутверждение человека. Именно в семье ребенок приобретает ценности, с которыми входит во взрослую жизнь, строит свою жизнь и свою семью, ориентируясь в основном на опыт, приобретенный в родительской семье. Таким образом, осуществляется преемственность поколений.

Семья, ее функции, роль, методы воспитания интересовала с древних времен таких философов, как Платон, Аристотель, Демокрит, Сенека и др. [1] Во все времена остаётся актуальным вопрос о воспитании. Во-первых, тема воспитания всегда была животрепещущей, и в особенности в переломные моменты истории. Во-вторых, она интересна с позиции важности изучения духовного наследия прошлого. В-третьих, данная тема не разработана в историографии античной истории. Стиль семейного воспитания неразрывно связан с духовными, культурными, нравственными ориентациями и самоутверждением в жизни молодого человека.

Теоретические подходы, разработанные известными социологами, наложили отпечаток на социологию семьи. Как известно, Т. Парсонс рассматривал семью через структурно-функциональный подход, отдавая роль семье в обществе. Символический интеракционизм является ведущим направле-

нием в разработке раздела «социализация детей» (Т. Шибутани, Дж. Хоманс, Г. Беккер). Психоанализ явился основой психосоциальной терапии в семейных отношениях (З. Фрейд, Э. Берн, Э. Мэйо) [2].

В фамилистической социологии известны ученые, внесшие заметный вклад в становление социологии семьи: И. Я. Баховен, Дж. Ф. Мак-Леннан, Л. Морган, Ф. Энгельс, М. М. Ковалевский, Э. Дюркгейм, П. Сорокин и др. Фамилистическая теория семьи подкрепляется научными фактами, затрагивающими проблемы неблагополучного воспитания детей и подростков, сопровождающегося ростом жестокости и насилия в семье; демографического спада семьи; преемственности поколений; процесса социализации; функции семьи; которые рассматривают в своих работах А. И. Антонов, С. И. Голод, А. Г. Вишневский, В. Н. Архангельский, А. Б. Синельников, А. В. Мудрик, Н. В. Шахматова, В. М. Медков, Л. В. Карцева, В. А. Мансуров И. С. Кон, Л. И. Савинов и др. [3]

Социальное переустройство, перманентность экономической нестабильности России повлекли немало изменений в институте семьи: демографические проблемы, разрушение семейных ценностей, увеличение экстремизма и преступности среди детей и подростков, детская рождаемость и многие другие негативные факторы.

Родители могут пытаться воспитывать установок на доброту, чуткость, честность в отношениях с людьми, а многоканальные телепередачи, публикации в газетах утверждают образцы жестокости, эгоизма, пренебрежения интересами окружающих. Что выберет еще неопытный, плохо знающий реальную жизнь человек? Скорее всего, то, что более ярко, зрелищно, запоминается сильнее.

Требуется уточнения и то, что именно сопоставляется (социальные установки, ценностные ориентации или реальное поведение) и к какой конкретно сфере жизнедеятельности (труд, политика, семья, досуг, развлечения) они относятся. Степень сходства и преемственности поколений неодинакова в разных областях жизнедеятельности. В сфере потребительских ориентаций, досуга, художественных вкусов, сексуальной морали расхождения между родителями и детьми, как правило, значительно больше, чем в главных социальных ценностях (идеологические, политические взгляды, мировоззрение). Это объясняется не только разницей в темпах обновления соответствующих сторон бытия – мода изменяется гораздо быстрее, чем иерархия социальных ценностей, но и тем, что они традиционно являются привилегированными областями юношеского самоутверждения.

Ценностные ориентации, потребности молодежи в целом определяют жизненные планы юношей и девушек, которые со временем ими уточняются и перестраиваются. С целью их изучения ка-

федрой социологии Тольяттинского госуниверситета весной 2009 г. было проведено социологическое исследование с использованием метода анкетирования.

Всего было опрошено 523 человека. В выборке представлены две возрастные категории: молодежь 15–17 лет, 51,1%, и молодежь в возрасте 18–23 лет, 48,9%. В первую группу в основном включены 16–17-летние подростки, представленные примерно в равных долях. Во вторую группу вошли, в основном, респонденты в возрасте 20–21 года. Ошибка выборки составляет 5%. Это позволяет распространить данные исследования на старшеклассников города 16–17 лет и студенческую молодежь в возрасте 20–21 года. Данное распределение респондентов по возрастным группам дает возможность проанализировать изменение ценностных ориентаций межпоколенного взаимодействия при переходе из подросткового возраста во взрослую жизнь.

Опрос проводился по местам обучения респондентов в школах и вузах города Тольятти Самарской области, поэтому выборка была гнездовой, анкетирование проводилось в классах средних школ и студенческих группах. Среди респондентов учащихся 9–11-х классов шести средних общеобразовательных школ составляют 57% респондентов и студенты III–IV курсов двух вузов города Тольятти – 43%.

Главная цель исследования состоит в изучении семейных ценностных ориентаций в представлении молодого поколения города Тольятти.

В исследовании была поставлена задача определить, как характеризует семейную жизнь сегодняшняя молодежь.

	Что Вы особенно цените в семейной жизни?	В %
1	Понимание со стороны родных и близких	76,3
2	Чувство защищенности, психологическую поддержку	60,0
3	Интересное общение	51,8
4	Праздники в кругу семьи	44,2
5	Участие в повседневных делах и заботах семьи	37,5
6	Возможность проявлять заботу о членах семьи	36,7
7	Организованный быт	35,6
8	Полноценный отдых	22,8
9	Безвозмездную материальную помощь	20,3
10	Возможность проявить свою индивидуальность	17,8

На первую позицию выходят психологические характеристики «понимание со стороны родных и близких», отмеченное тремя четвертями опрошенных, и «чувство защищенности, психологическая поддержка» (60%). Уверенность в том, что в любой момент каждый член семьи найдет поддержку, понимание, сочувствие – основа того, что называется родовой духовной связью.

Половина юношей и девушек отметили, что особенно ценят интересное общение между членами семьи. Респонденты, которым важна данная характеристика в семейных взаимоотношениях, чаще, чем другие, оценивают общение с родителями

как интересное. Школьники на 9% чаще, чем студенты, отмечают данный вариант ответа.

Чуть менее половины опрошенных, среди которых в равных количествах учащихся школ и институтов, отмечают вариант ответа «праздники в кругу семьи», что указывает на проявление сплоченности между членами семьи.

Приблизительно треть респондентов считают немаловажными такие характеристики, как участие в повседневных делах и заботах семьи, организованный быт, возможность проявлять заботу о членах семьи. При этом студенты осознают значимость организованного быта на 16% чаще, чем школьники.

Анализ результатов показал, что для пятой части опрошенных юношей и девушек существенным в семейной жизни являются полноценный отдых и безвозмездная материальная помощь. Этот вариант ответа школьники отмечают на 7% чаще, чем студенты.

17,8% респондентов не представляют семейной жизни без возможности проявить свою индивидуальность. Наше исследование показало, что школьников в данном случае на 4% больше, чем студентов.

Результаты исследования выявили некоторую зависимость составляющих характеристик семейной жизни от возраста и пола респондентов. Девушки на 26% чаще, чем юноши, ценят чувство защищенности, они также примерно на 10% чаще выделяют «понимание со стороны близких» и «интересное общение».

Юноши и девушки в возрасте старше 18 лет чаще утверждают, что в семейной жизни необходимо понимание со стороны близких и родных. Школьники чаще указывают на «интересное общение», чем остальные участники опроса.

Вне зависимости от возрастных категорий на первый план в оценках молодежи выходят социально-психологические функции семьи: понимание со стороны родных и близких, чувство защищенности, психологическая поддержка, интересное общение. Таким образом, юноши и девушки большое значение придают межпоколенной коммуникации. При этом для старшеклассников наиболее важны проявление личностных качеств в семье, безвозмездная материальная помощь и интересное общение. Для молодежи старшего возраста – организованный быт, возможность проявлять заботу о членах семьи, чувство защищенности.

На формирование семейных ценностей у городской молодежи влияет как политика государства, так и система учебных учреждений и семейного воспитания. В исследовании была поставлена задача изучения отношения молодежи к семейным традициям, которое находит выражение в заинтересованности подрастающего поколения историей семьи.

На вопрос «Как Вы знакомитесь с историей своей семьи?» были получены следующие ответы. Для 78% юношей и девушек источниками сведений о прошлом семьи являются рассказы родственников. 71% респондентов рассматривают семейные фотографии. Рассказы о прошлом своей семьи и рассматривание фотографий интересны чаще для девушек.

Примерно треть опрошенных информирована о семейных реликвиях и проявляет бережное отношение к медалям, документам и другим памятным вещам. Девушки более чем в 2 раза чаще, чем юноши, интересуются памятными документами и вещами.

17,2% респондентов посещают места, где жили их предки, 8,6% – составляют генеалогическое древо.

Менее 5% респондентов занимаются поиском родственников, связи с которыми утрачены, разыскивают информацию о прошлом семьи в архивах, записывают воспоминания родственников о прошлом семьи.

Девушки на 16% больше, чем юноши, заинтересованы в рассматривании фотографий. Также они в 2 раза чаще отмечают «составление генеалогического дерева». Юноши в 2 раза чаще заинтересованы в информации о прошлом семьи, которую можно найти в архивах.

Почти десятая часть респондентов (11,9%) не интересуется прошлым своей семьи. Этот вариант ответа в 2 раза чаще отмечали юноши, чем девушки.

Заинтересованность историей семьи находится в прямой зависимости от показателей успеваемости подростков. Юноши и девушки, которые имеют высокие показатели успеваемости, значительно чаще, чем другие респонденты, выделяют формы знакомства с семейными традициями и документами. Таким образом, патриотические мероприятия, которые проводятся в учебных заведениях, стимулируют интерес молодежи к прошлому их родственников.

В анкете был поставлен вопрос о желании создать семью в ближайшие годы. Результаты показали, что общее количество желающих создать свою семью – 39,5% респондентов, не имеющих в планах заключить брак в ближайшее время – 52,7% опрошенной молодежи. Почти десятая часть респондентов не смогли определиться с вариантом ответа на данный вопрос.

43,2% девушек намереваются обзавестись семьей, что на 8,8% больше, чем юношей. Около половины юношей (55,1%) и девушек (50,9%) не предполагают в ближайшем будущем создавать семью.

Прослеживая возрастную зависимость по данному вопросу, мы получили следующие результаты. В первой возрастной группе, в которую входят респонденты в возрасте моложе 18 лет, 81,7% не планируют в ближайшее время создавать семью. Среди молодежи старше 18 лет положительно отвечают на вопрос 59,3% респондентов.

Рассматривая взаимосвязь по данному вопросу между школьниками и студентами, мы получили следующие данные. Предвидят возможность создания семьи 61,9% студентов и лишь 22,5% школьников. Таким образом, еще раз подтверждается возрастная зависимость перспектив создания семьи среди молодежи, которая в свою очередь зависит от социально-экономических факторов, сложившихся в нашей стране.

Работающие юноши и девушки примерно в 2 раза чаще, чем неработающие, выражают желание создания семьи. Значит, трудовая занятость молодого поколения способствует развитию сознательной ориентации на вступление в брак и продолжение рода.

Намерение создать семью находится в обратной зависимости от продолжительности общения с родителями. Юноши и девушки, которые общаются с родителями менее часа в день, чаще выражают желание создать собственную семью, чем подростки, которые общаются с родителями более продолжительное время. Аналогичная зависимость прослеживается в зависимости от оценки отношений в семье. Подростки из дружных семей реже задумываются над перспективами создания собственной ячейки общества, чем их сверстники из менее благополучных семей.

На формирование семейных ценностей у подростков и молодежи влияет как политика государства, так и система школьного и семейного воспитания. В исследовании была поставлена задача изучения отношения молодежи к семейным традициям, которое находит выражение в заинтересованности подрастающего поколения историей семьи.

Таким образом, современная семья, несмотря на перенесенные за последние десятилетия изменения, остается главным фактором духовного развития человека. Семья является опорой и поддержкой, ориентиром на добрые взаимоотношения, интересное общение и передачу опыта будущему поколению.

Примечания

1. Сократ, Платон, Аристотель, Сенека: биограф. очерки. Ростов н/Д: Изд-во Феникс, 1998. 416 с.
2. Социология семьи: учебник / под ред. А. И. Антонова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2007. 640 с.
3. Там же.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 165.8:821.161.1

А. С. Серопян

РЕАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ Ф. БЭКОНА И РЕАЛИЗМ ДОСТОЕВСКОГО*

В статье анализируется известное Ф. М. Достоевскому учение об очищении ума от идолов (театра, площади и др.) Ф. Бэкона, сопоставляются европейская мистерия и театр Димитрия Ростовского. В качестве ключевого предлагается понятие «инстанция креста» – опыт, имеющий решающее значение для принятия одного из альтернативных положений и отбрасывания другого.

The article investigates F. Bacon's ideas about purifying the mind from the idols (of the theatre, square, and others) which was well-known to F.M. Dostoevsky. The European mystery and Dymitry Rostovsky's theatre are compared in the article. The key notion is "the peak of the cross", i. e. the experience which is crucial for accepting one of the alternative theses and rejecting the other.

Ключевые слова: реализм, очищение ума, мистерия, литургия, инстанция креста.

Keywords: realism, purifying the mind, mystery, the Liturgy, the peak of the cross.

Придание смысла как отнесение к ценности у исследователя Достоевского должно находиться вне сферы психологии, индивидуального переживания. Речь может идти о понимании не самого действующего человека, а смысла его действия так, как его выявляет нам процедура отнесения к ценности. «*Меня зовут психологом, – отмечал Ф. М. Достоевский в "Записных тетрадах" 1880 г. – неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой*» (27, 65) [1]. Глубинный смысл творческой формулы Ф. М. Достоевского – «*при полном реализме найти в человеке человека*» – в видении писателем человека в перспективе его богочеловечности. В постижении законов человеческого духа и души писатель намного опередил философию своего времени. В библиотеке Достоевского находилась книга К. Фишера «Франциск Бэкон Веруламский. Ре-

альная философия и ее век. Сочинение Фишера. Пер. Н. Страхова – СПб-Тип. Н. Тиблена и К°. 1867» [2].

Замечателен факт интереса писателя к основоположнику материализма и экспериментирующей науки нового времени. Реальная философия Бэкона признает возможность достоверного знания, но для достижения истины ее основатель считает необходимой реформу метода. Первым шагом этой реформы должно быть очищение ума от постоянно грозящих ему заблуждений («идолов»). Часть этих заблуждений порождается склонностями ума, присущими всему человеческому роду, часть – склонностями, свойственными отдельным группам ученых или отдельным лицам, часть коренится в несовершенстве и неточности языка и, наконец, часть – в некритическом усвоении чужих мнений. После устранения ложных воззрений (по Бэкону) возможно построение новой науки на основе истинного метода.

Бэкон классифицирует заблуждения, называя их идолами. «Первый вид мы обычно называем идолами рода, второй – идолами пещеры и третий – идолами площади. Существует еще и четвертая группа идолов, которые мы называем идолами театра, являющимися результатом неверных теорий или философских учений и ложных законов доказательства. Но от этого типа идолов можно избавиться и отказаться, и поэтому мы в настоящее время не будем говорить о нем. Идолы же остальных видов всецело господствуют над умом и не могут быть полностью удалены из него» [3].

М. М. Бахтин полагает, что «у Достоевского на улицах и в массовых сценах внутри домов (преимущественно в гостиных) как бы оживает и просвечивает древняя карнавальная мистерийная площадь» [4]. Но, по учению Бэкона, площадь создает образ речи и поведения глумящейся, профанной и неуважительной толпы. Расцвет мистерий в Европе относится к XV в. Слагаются два больших цикла – Ветхого и Нового Завета, которые выросли из двух зерен первоначальных тропов на Рождество и Пасху [5]. Цикл Ветхого Завета, в сущности – обширный акт пророчества о Христе. Он носит на себе сильные следы апокрифов и изобилует многими деталями и подробностями бытового характера. Он более эпичен по сравнению с мистериями страстей Господних цикла Нового Завета, которые трактуют драматическую по существу тему, приближаясь к психологической драме.

* Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта «Герменевтические исследования макрокультурного кризиса и антикризисного потенциала русской словесной культуры»

Тем не менее грубый, вульгарный реализм резко выступает в сценах истязаний, пыток и виселиц и неприличных выходок действующих лиц, оскорбляющих Христа; эти выходки более всего и привлекали и интересовали толпу.

На XV в. можно также взглянуть и с другой точки зрения, заметив в нем приближающийся закат церковного театра, так как библейский материал в общих чертах исчерпан и использован. По сравнению с литургической и полулитургической драмой, мистерии XV в. преследуют не столько религиозно-нравственные и поучительные цели, сколько стремятся собрать как можно больше публики. Как отдельные циклы представлений, так и пьесы в целом растут в своих размерах. Так, например, представление «Апостольских деяний» продолжалось в Бурже 40 дней и за это время действующие лица должны были доложить зрителю 61908 стихов [6]. Яркой фигурой мистерийного театра является дьявол, который может быть серьезным и смешным, крупным и мелким. При этом уже намечается некоторая типизация. Еще в «Representatio Adae» XII в. мы встречаемся с главным дьяволом, хитрым соблазнителем Евы, серьезной фигурой в пьесе, вместе с второстепенными демонами, которые бегают, хохочут, делая всевозможные прыжки по церковному двору. В одной английской мистерии из цикла Таунли Люцифер садится на трон Бога и обращается к ангелам гордым тоном презрения и сарказма [7].

Предваряя свой рассказ о Великом Инквизиторе, Иван Карамзев замечает: *«Действие у меня происходит в шестнадцатом столетии, а тогда, – тебе, впрочем, это должно быть известно еще из классов, – тогда как раз было в обычае сводить в поэтических произведениях на землю горные силы. Я уж про Данта не говорю. Во Франции судейские клерки, а тоже и по монастырям монахи давали целые представления, в которых выводили на сцену Мадонну, ангелов, святых, Христа и самого Бога. Тогда всё это было очень простодушно»* (14, 224). Обратим внимание: Иван разводит Христа и Бога, делая первого уязвимым. Это не единственное его заблуждение: он искажает слова 117-го псалма, произносимые на литургии диаконом и подхватываемые хором (на это обратила внимание В. Е. Ветловская [8]), произнося вместо «Бог Господь и явися нам...» – «Бо Господи явися нам...». Это, безусловно, характеризует Ивана как несведущего в предмете разговора: ошибка – грубая, и не только смысловая, но и грамматическая: Иван допускает бессмысленное употребление слова Господь в звательном падеже.

На такой зов Христос Достоевского откликнуться не мог. Но некто явился. Христос сказал все верующим: «Если кто вам скажет: вот, здесь Христос, или: вот, там, – не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут знамения и чу-

деса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вы же берегитесь. Вот, Я наперед сказал вам всё. Но в те дни, после скорби той, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. Тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках с силою многою и славою» (Ев. от Марка, 13, 24–26).

Иван объясняет, почему он соглашается с любым восприятием его поэмы: *«<...> если уж тебя так разбаловал современный реализм, и ты не можешь вынести ничего фантастического»* (14, 228). В понимании Достоевского, *«концы и начала – это все еще для человека фантастическое»* (23, 145). Для народа католической Севильи – тем более. *«Это он, это сам он, повторяют все, это должен быть он, это никто как он»* (14, 227), – рассказывает Иван. Эти слова приоткрывают тайну: они исторгаются из уст людей, привыкших доверять легенде, находящейся под ее чарующим воздействием. *«Забота этих жалких созданий, – говорит старец-инквизитор Ивана, – не в том только состоит, чтобы сыскать то, пред чем мне или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтоб и все уверовали в него и преклонились пред ним, и чтобы непременно все вместе»* (14, 231). В поэме «Великий инквизитор» является идол площади. Призрачность и анонимность пленника, как справедливо заметил В. П. Океанский, «в святоотеческой литературе указывают на явную демонию» [9]. Реализм же, о котором упоминает Иван, конечно, реализм Бэкона с его учением об идолах.

Речь, насыщенная символами, вычленяет из целостности восприятия отдельные формы реальности, сохраняет их присутствие, сообщая им свойство длительности. Театральные действия весьма тому способствовали. Именно поэтому карнавальное начало не могло войти в сознание Достоевского. На Руси в ходу были пьесы Димитрия Ростовского, посвященные церковным праздникам [10]. Театр Димитрия Ростовского – это особый чин радостного служения во время торжеств по случаю Пасхи, Рождества Христова или Успения Пресвятой Богородицы. Признавая несомненное влияние западноевропейского театра на становление раннего русского театра, нельзя забывать о национальной почве и исторической необходимости возникновения последнего. Театр Димитрия Ростовского может быть самым ярким примером того, как русская сцена рождалась из православного храмового действия. Митрополит писал службы великомученице Варваре и другим святым, то есть создавал тексты сакральные, литургические. Его «Плач на погребение Христово» можно рассматривать как переходное произведение – от церковного к духовно-светской декламации, рассчитанной на орочка-исполнителя. В декламации «На Воскресение

Христово» уже появляются 11 Отроков, которые представляют зрителям орудия страстей: терновый венец, крест, гвозди. «Успенская» и особенно «Рождественская драма» – это уже произведения русского духовного театра, построенного по законам православной литургии [11].

Обратим внимание на то, что идола театра, по Бэкону, – те, которые вселились в души людей из разных догматов философии, а также из превратных законов доказательств. Философ считает, что, сколько было принятых или изобретенных философских систем, столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры. Он имел в виду не только общие философские учения, но и многочисленные начала и аксиомы наук, которые получили силу вследствие предания, веры и беззаботности. Люди, улаживающие себя подобного рода суетой, «отмечают то событие, которое исполнилось, и без внимания проходят мимо того, которое обмануло, хотя последнее бывает гораздо чаще».

Поэтому «тягостнее всех, – писал Ф. Бэкон, – идола площади, которые проникают в разум вместе со словами и именами». Люди верят, что их разум повелевает словами, но бывает и так, что слова обращают свою силу против разума. Большая часть слов имеет своим источником обычное мнение и разделяет вещи в границах, наиболее очевидных для разума толпы. Когда же более острый разум и более прилежное наблюдение хотя бы пересмотреть эти границы, чтобы они более соответствовали природе, слова становятся помехой. «В стремлении к образованию дух человеческий увлекается в одно из противоположных направлений – либо прелестью привычки, либо прелестью новизны...» (19, 90), – писал Достоевский в замечаниях к «Ряду статей о русской литературе».

Идолы, которые навязываются разуму словами, бывают двух родов. «Одни – имена несуществующих вещей (ведь подобно тому как бывают вещи, у которых нет имени, потому что их не замечают, так бывают и имена, за которыми нет вещей, ибо они выражают вымысел); другие – имена существующих вещей, но неясные, плохо определенные и необдуманно и необъективно отвлеченные от вещей». К этому отрицанию идолов Бэкон прибавил положительное учение о методе исследований. В истории науки он выделяет два метода исследования: догматический и эмпирический. Первый начинается с общих умозрительных положений и стремления вывести из них все частные случаи. Он похож на паука, который из самого себя тклет паутину. Эмпирический метод похож на муравья, который беспорядочно тащит все, что ни попадется ему на пути. Истинный же метод, по Бэкону, состоит в умственной переработке материалов, который доставляет опыт (этот опыт сравнивается с пчелой).

Метод – это путь, главное средство исследователя. Науку расширяет не пассивное созерцание, а эксперимент, т. е. активное испытание природы. Случаи, когда исследователь стоит как бы на перекрестке двух дорог и ему предстоит сделать выбор, по какой же из них пойти, Бэкон называет инстанциями креста. Инстанция креста – это такой опыт, который имеет решающее значение для принятия одного из альтернативных положений и отбрасывания другого. Представляется точным определение М. Ф. Мурьянова – посредине субъективного времени находится цезура – «Жагродф – момент жертвенной кончины Христа» [12], момент, когда свободная воля человека определяет свое отношение к Истине, проводником которой является Традиция.

Достоевский «при полном реализме» доходит именно до такой инстанции креста. «Найти в человеке человека» и есть метод Достоевского. В понимании реализма Достоевского мы исходим из его позиции, высказанной в «Ряде статей о русской литературе»: «<...> реализм – все-таки это возрожденная жизнь, начало сознания, начало воли, начало новых форм жизни», а «Православие, то есть форма исповедания Христа, есть начало нравственности и совести нашей, а стало быть, общественной силы, науки, всего» (21, 266). Мы показали влияние учения Бэкона об очищении от идолов на реализм Достоевского: после устранения ложных воззрений (по Бэкону) возможно построение новой науки на основе истинного метода. При этом главенствующее место отводится опыту, а инстанция креста – это такой опыт, который имеет решающее значение для принятия одного из альтернативных положений и отбрасывания другого. Для Достоевского инстанция креста – это момент истины, когда наступает осознание необходимости страдания.

В воздействии православного культа исчезает извечное противоречие героя и среды, формируется сознательное, творческое, соборное взаимодействие «я» и «других» – в «общем деле» литургии, реально являющей Христа. Таким образом, сохранение триады Слово – Место – Традиция, т. е. воспроизведение первичного сакрального образа, есть идеальная модель культуры, обеспечивающая жизнеспособность носителей священного, которые возводят человека из небытия к бытию в отведенное ему для этого время.

Примечания

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Здесь и далее все цитаты из произведений Ф. М. Достоевского приводятся по этому изданию: в скобках указываются номер тома и, через запятую, страницы.

2. Библиотека Ф. И. Достоевского. Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. С. 146.

3. Бэкон Ф. Новый органон (афоризмы об истолковании природы и царстве человека): сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1977. С. 18–33. Здесь и далее ссылки на труды Бэкона даются по этому изданию.

4. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского. Киев, 1994. С. 8.

5. Боянус С. К. Средневековый театр // Очерки по истории европейского театра. Петербург: АСАДЕМІА, 1923. С. 62.

6. Там же. С. 28.

7. Там же. С. 87.

8. Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: Пушкинский Дом, 2007. С. 500–591.

9. Океанский В. П. Апокалипсис присутствия. Барочное сооружение или настольная книга по филологической герменевтике. Иваново-Шуя: Ивкиносервис, 2004. С. 48.

10. Жигулин Е. В. Источниковедение театра святителя Димитрия Ростовского // История и культура Ростовской земли. 1993. Ростов, 1994. С. 139–145.

11. Театр Димитрия Ростовского // http://mystudies.narod.ru/another/collection/d_theatre.htm

12. Мурьянов М. Ф. Время (понятие и слово). История книжной культуры России. Очерки. Ч. 1 / сост. и вступ. сл. Т. А. Исаченко. СПб.: Мирь. 2007. С. 314–315.

УДК 316.723

А. В. Басенкова

СОВРЕМЕННАЯ ДЕТСКАЯ ИГРОВАЯ СУБКУЛЬТУРА И МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Данная статья посвящена детской субкультуре. Детская субкультура – автономное целостное образование внутри культуры взрослых – представляет различные возрастные группы, социальные слои, регионы, неформальные объединения и пр. Возникновение детской субкультуры как целостного историко-культурного феномена уходит своими корнями в глубокую древность. С развитием человеческого общества произошел переход от прямого подражания трудовым, бытовым и ритуальным действиям взрослых – к игре как особой непродуктивной форме активности, благодаря которой осуществляется управление собственным поведением ребенка, его ориентация в смыслах человеческой деятельности и отношений.

This article is about children's subculture. Children's subculture – autonomous integral formation inside the culture of adult – represents different age classes, social layers, regions, nonformal associations and etc. The appearance of children's subculture as integral historical cultural phenomenon exits by its roots to remote antiquity. With the development of human society there was a transition from the straight imitation working, everyday and ritual actions of adult – to the game as the special unproductive form of activity, because of which is accomplished control of the personal behavior of a child, his orientation in the senses of the human activity and relations.

Ключевые слова: детство, культура, детская субкультура, игра, традиция, детский фольклор.

Keywords: childhood, culture, children's subculture, game, tradition, children's folklore.

Детство как самостоятельный аспект культуры было выделено в качестве некоего мира, обладающего некоторой автономией и психологической ценностью, в романтической просветительской литературе. В культурологических исследованиях детство стало самостоятельным объектом анализа под влиянием распространения психоаналитического подхода, в котором оно является одной из центральных тем изучения. С 30-х гг. XX в. детство становится важнейшей функциональной частью в исследовании культурных систем самых различных народов.

Детство – это особый мир, своеобразная культура в культуре, область, полная загадок и непознанных явлений. Это мир со своими правилами поведения, мир фантазии и игр, воспринимаемый как реальность. Ребенок одушевляет окружающий его мир, вносит в него эмоциональную окраску. Преобразуя окружающую действительность, ребенок тем самым формирует и воспроизводит важ-

нейшее культурное качество человека в создании идеальных сущностей.

Важную роль в эмоциональной выразительности играют глаза ребенка. При достаточном внимании к ребенку в его глазах можно прочесть массу оттенков и значений, ответы на все вопросы, поставленные родителями, а также просьбы и эмоциональную оценку наличной ситуации: одобрение, несогласие, радость, печаль, удивление, внимание и т. д. Сложнейшей формой вопроса и ответа является улыбка ребенка, одна из первых форм эмоционального общения, чистая и непосредственная. Ребенок улыбается всем лицом, и особенно глазами. Улыбка – важнейшая форма эмоционального и невербального общения детей со взрослыми.

Детская игровая субкультура – это тот мир, который детское сообщество создавало «для себя» на протяжении всего социогенеза. Его составляют традиционные народные игры (хороводы, подвижные игры, военно-спортивные состязания и пр.); детский фольклор (считалки, дразнилки, заклички, сказки, страшилки, загадки); детский правовой кодекс (знаки собственности, взыскание долгов, мены, право старшинства и опекунское право в разновозрастных группах, право на использование грибного/ягодного места); детский юмор (потешки, анекдоты, розыгрыши, поддевки); детская магия и мифотворчество («колдовство» против везучего, призывание сил природы для исполнения желаний, фантастические истории-небылицы); детское философствование (вопросы типа «почему», рассуждения о жизни и смерти и пр.); детское словотворчество (этимология, языковые перевертыши, неологизмы); эстетические представления детей (составление веночков и букетов, рисунки и лепка, «секреты»); наделение прозвищами сверстников и взрослых; религиозные представления (детские молитвы, обряды). Основные культурные ценности детской субкультуры передаются, реконструируются из поколения в поколение сверстников, носителем этих ценностей, как правило, является исключительно детское сообщество. Детская субкультура оказывает влияние на конструирование индивидуального детства, становление личности, формирование ценностей и норм, таким образом являясь одним из механизмов поддержания конструкта детства и выполняя важнейшую функцию предъявления образцов конструирования.

Детская субкультура выполняет ряд других социальных функций, не осуществляемых или осуществляемых в недостаточной мере формальными социальными институтами:

- интеграции в детское сообщество путем представления неформальных правил поведения;
- регуляции взаимодействий между детьми разного возраста, между полами;
- адаптации в случае дополнения формальной организации детей;

– удержания образца через трансляцию норм и собственное воспроизводство;

– целедостижения, когда с помощью ее удовлетворяются потребности в признании, завоевании статуса, отличного от обязательных, формальных обязанностей ученика, ребенка в семье;

– социального контроля самого детского сообщества над сохранением детства через средства ожидания, признания, отчуждения, остракизма и т. п., но не через прямое принуждение.

Посредством субкультуры удовлетворяются потребности детей

- в изоляции от взрослых;
- близости, интимности за пределами семьи;
- самостоятельности;
- отстранении от групп ровесников, чуждых по духу, интересам;
- участия в социальных изменениях.

Остановимся на некоторых формах детской субкультуры. Это прежде всего игры, влияние которых в процессе социализации трудно переоценить. Игра имеет большое значение для жизни ребенка. У детей дошкольного и младшего школьного возраста игры являются ведущим типом деятельности, в которой складывается и совершенствуется управление поведением, в том числе и социальным. Важнейшее значение приобретают групповые игры, носящие особый интерактивный характер, предполагающие строгие правила, смену позиции в игровом процессе, постановку себя на место другого. К ним относятся такие традиционные для России игры, как «Лапта», «Горелки», «Казачьи-разбойники», «Жмурки», «Бояре» и многие другие.

Некоторые исконно детские игры вошли в детскую субкультуру, будучи до того элементами карнавальной, игровой или ритуальной культуры взрослых. Такова, к примеру, игра «Жмурки», которая у славян восходит к языческому погребальному обряду. Черты собственно игры она обрела сначала в забавах молодежи и лишь в 60-х гг. XIX в. перешла в детскую игровую традицию.

Традиционная игра – не просто воспроизведение детским сообществом исторически сложившихся отношений взрослых, а переосмысление им этих отношений и определения своего самобытного места в мире.

Творческая, пристрастная переработка совокупного опыта предшествующих поколений в игре является условием автономизации мира детства и возникновения широкого круга феноменов детской субкультуры, таких, как различные жанры детского фольклора; к ним, в частности, относятся считалки («Аты-баты, шли солдаты, аты-баты – на базар...», «На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной. Кто ты есть такой?..», «Вышел месяц из тумана...» и др.) и другие формы жеребьевки; дразнилки

(именные – для мальчиков и девочек типа «Андрей-воробей, не гоняй голубей...»), а также дразнилки, высмеивающие детские недостатки и проступки: ябедничество, хвастовство, глупость, плаксивость, жадность, благодаря которым детское сообщество осуществляет функцию воспитания своих членов. Дразнилки тренируют эмоциональную устойчивость и самообладание, умение отстаивать себя при нападениях сверстников в адекватной словесной форме.

Жанр считалки является уникальным, не имеющим аналогов во взрослом фольклоре, и представляет собой вместе с жеребьевками своеобразную прелюдию к игре, необходимый ее атрибут и культурно оформленную реализацию параигровых отношений. Именно благодаря считалке устраняются нежелательные конфликты в детской среде по поводу игры и обогащается репертуар традиционных текстов.

Детский фольклор – одна из форм коллективного творчества детей, реализуемого и закрепляемого в системе устойчивых устных текстов, передающихся непосредственно из поколения в поколение и имеющих важное значение в регулировании игровой и коммуникативной деятельности детей [1].

Фольклорная традиция, вобравшая в себя социальный и интеллектуальный опыт многих детских поколений, предоставляет ребенку – дошкольнику или младшему школьнику готовые способы решения жизненных проблем в детском сообществе, а в подростковом возрасте – приобретение психологической независимости от взрослых и отстаивание своей позиции.

Содержание отдельных компонентов детской субкультуры может меняться в зависимости от возрастных характеристик детей; например, если до 8–10 лет в детских сообществах наблюдаются преимущественно стихотворные жанры фольклора и правового быта, то в 11–13 лет в общении между детьми используются прозаические тексты демонстративного или юмористического содержания. В 14–17 лет – это песни, пародии, анекдоты, «черный юмор» как особые средства приобретения социального статуса среди сверстников и удовлетворения потребности подростков в коммуникации, а также в приобретении стиля поведения, моды. Передача всего богатства содержания детской субкультуры происходит непосредственно «из уст в уста» в условиях неформального общения на игровых площадках, в летних лагерях, санаториях, больницах. Лишь к концу периода детства, наряду с устными, появляются письменные тексты – пе-

сенники, девичьи альбомы, «гадалки», сборники анекдотов [2]. Одна из важнейших черт детской субкультуры – наличие собственного языка общения между детьми, отличающегося особым синтаксическим и лексическим строем, образностью, зашифрованностью.

В процессе коммуникации дети придумывают «тайные языки», недоступные пониманию непосвященных, прежде всего взрослых. Все эти ухищрения, иногда довольно наивные, необходимы детям для создания покрова романтической таинственности и свидетельствуют о стремлении к автономизации детской субкультуры [3].

В отличие от взрослого, ребенок свободно экспериментирует с языковым материалом, чувствует скрытую энергию слова; подобно поэтам, дети «снимают» с родного языка закоряченные напластования и ищут первоначальные его смыслы, делая слово живым и предметным, пластичным и вбирающим все возможные оттенки значения.

Еще одна важная черта детской субкультуры – табуирование личных имен в детских сообществах и наделение сверстников прозвищами и кличками. Прозвища представляют собой своеобразное проявление самого содержания детской субкультуры и богатый материал для уяснения механизмов функционирования детских сообществ в онто- и социогенезе.

Анализируя игры, обычно выделяют игры физические, в которых результат определяется моторной активностью; игры-стратегии, детерминруемые выбором возможных способов действия; и игры случая, удачи, когда итог зависит от каких-либо неконтролируемых обстоятельств.

На играх в детстве лежит многообразная функциональная нагрузка. Одна из важнейших функций игры у детей – компенсаторная. В играх реализуется и одновременно контролируется поведение. В игре дети овладевают многими навыками. Это касается форм общения со сверстниками (отношение дети-дети во всем многообразии), овладения первыми формами трудовой деятельности. Именно в игре дети копируют и воспроизводят мир взрослых.

Огромное значение игры имеют для развития фантазии и воображения.

Примечания

1. Кон И. С. Ребенок и общество. М., 1988. С. 12–34.
2. Абраменкова В. В. Во что играют наши дети? Игрушка и АнтиИгрушка. М.: Яуза: Эксмо: Лепта Книга, 2006. С. 34–290.
3. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 89–233.

УДК 130.2

С. Ю. Гасникова

ИНОКУЛЬТУРНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ В СПОРЕ СЛАВЯНОФИЛОВ И ЗАПАДНИКОВ

В данной статье представляется опыт ретроспективного анализа конституирующих оснований национальной идеологии в культурно-историческом пространстве XIX в. Проблема инокультурности рассматривается как имманентный фактор формирования национальной и культурной идентичности в споре между славянофилами и западниками в их отношении к культурному развитию России.

The author analyses retrospectively the constituting bases of national ideology in cultural-historical space of the XIX century. The problem of another's culture is represented as the immanent factor of formation of national and cultural identity in the dispute between Slavophiles and Westerners concerning their relation to cultural development of Russia.

Ключевые слова: инокультурность, национальная идеология, русская национальная культура, культурное самосознание, культурная идентичность, культурный диалог, западники, славянофилы.

Keywords: another's culture, national ideology, Russian national culture, cultural consciousness, cultural identity, cultural dialogue, Westerners, Slavophiles.

Национальная культура, что самоочевидно, представляет собой внутренне изменчивый и предельно сложный феномен. Ее восприятие, как правило, строится либо под знаком определенной ангажированности – если в роли наблюдателя выступает субъект/адепт данной культуры; либо – под знаком своеобразного неприятия, если в роли наблюдателя выступает некий внешний субъект. В этом смысле культура, как феномен, предполагающий участие в форме принятия/отчуждения, пожалуй, вряд ли когда-либо будет концептуализирована в рамках всеобъемлющей взвешенной теории, на статус которой, как можно думать, претендует и культурология, позиционирующая себя по преимуществу как общая теория культуры.

Ограниченная концептуализация, впрочем, не только возможна, но и продуктивна. Например, в русле общеизвестного подхода, рассматривающего культуру как социальный феномен. Здесь культура есть, прежде всего, синтез различных социально-исторических явлений, каждое из которых может быть понято в качестве «субкультуры». Иными словами, может рассматриваться в качестве некоего гиперэлемента, чьи качества не исчерпываются качествами культуры как целого. Банальность:

своеобразие национальной культуры, ее известная неповторимость и оригинальность проявляются как в духовной, так и в материальной сферах жизни и деятельности конкретного национального сообщества. Но каким образом подобное «своеобразие» связано с культурой как таковой?

Представители деятельностного подхода утверждают, что сущность национальной культуры можно понять лишь через призму деятельности человека или народа. Все зависит лишь от масштаба нашего взгляда на культуру: чем больше масштаб – тем меньше абсолютная масса деятеля культуры. В предельном смысле ее деятелем и субъектом оказывается всего лишь отдельный человек; более пафосно – личность как абсолютно индивидуальное событие в порядке бытия, иными словами, конституирующим основанием бытия культуры оказывается человек, индивид как некое событие.

Культура не существует вне человека. Она изначально связана с ним. В плане имманенции культура порождается стремлением человека к поиску существа своей культуротворческой деятельности, иными словами, смысла жизни, т. е. предельных онтологических оснований собственного бытия (точнее, со-бытия в культуре и со-бытия с культурой). Таким образом, нет ни общества, ни социальной группы, ни индивида без этой и вне этой порождающей культуру интенции. В горизонте же культурно-исторической эмпирии данная интенция репрезентирована не только фундаментальными устремлениями деятеля культуры. Так, он, например, может чувствовать некое, чаще попросту иррациональное, неприятие встречных критических влияний, порожденных «колониальным отношением» к культуре, например, «культуре 1000-летней Руси», столь характерное ныне в отношениях культур Запада и России; и, как следствие, ему может быть «обидно за державу».

Интересно, что пушкинское «я, конечно, презираю Отечество свое с головы до ног, но мне становится страшно обидно, если и иностранец разделяет со мной этой чувство» не только не утратило актуальности в контексте современной российской культурной действительности, но и стало еще более «самоценным». Зачастую, не имея поводов для национальной гордости в настоящем и все слабее представляя собственное прошлое, граждане постсоветской России чувствуют неподдельную солидарность в неприятии тотальной прозападной критики политической и социальной действительности современного российского государства. Трудно не признать данное критическое сознание, конституирующее отторжением тотальной деструктивной критики современной российской демократии со стороны Запада, как безусловный фактор национального единения и даже культурно-исторической идентичности. Отечество наше и доселе

существует неким парадоксальным (а, быть может, и не столь парадоксальным) апофатическим образом – позитивно определяемое как вариант традиционной историко-культурной солидарности, его существование стремится к нулю, негативно же, например, оказавшись в фокусе «колониального мышления» все еще здравствующей Британской империи, наше Отечество способно обнаружить вполне достаточный экзистенциальный и культурный тонус. Мы каким-то непостижимым образом меряем себя не собственной меркой, а, прежде всего, напряженностью критики извне – если эта критика переходит некие пределы, то странный и непоследовательный культурный организм под названием «Россия» вдруг на какое-то время обнаруживает согласованность собственных жизненных функций. Это, собственно, и составляет неразрешимую для Запада загадку российского культурно-национального анабиоза. И «механизм» сей, которым государство российское владеет практически на уровне безусловных рефлексов, служит эквивалентом многих эффективных западных ценностей – от идеи «правового государства» до пресловутой идеи «демократии».

И все же, не срываясь в панегирик собственной, едва ли не «социал-дарвинистской» живучести окончательно, основываясь на доверии к рациональности как средству интеркультурному, мы должны признать и значимость рефлексов «условных». Иными словами, нужно помнить собственное прошлое, как дерево «помнит» свои корни, и основывать собственную культурную рефлексию не на спонтанности безусловных рефлексов нации, а на мыслительном опыте поколений. Этот немалый опыт дан, в частности, и в полемической традиции, заложенной «славянофилами» и «западниками». При этом не нужно забывать, что даже в самоуничтожении перед Западом и Богом они не заходили дальше любви к России. Полемос той поры был ни чем иным как выработкой гигиенической программы, своеобразного способа обращения с собственными национальными амбициями. Достаточно вспомнить в этом смысле такое «верование», как «Москва – третий Рим».

С очевидностью Глинка-Волжский прав: «русская философия – это литература»; если и существовала помимо университетских стен философия в России, то вся ее телеология была по преимуществу христиански ориентирована. Но вот опыт выработки национального «самоуничтожения» в «споре» славянофилов и западников отличался поразительным качеством рефлексии, представляющей, как известно, имманентный фактор собственного философского отношения к миру и жизни. Культурология, руководствуясь стремлением к концептуализации историко-культурной эмпирии, служит неким посредничающим опытом между имманентной метафизикой философии культуры и рекон-

струирующей дескрипцией истории культуры. Тем самым, она призвана извлечь из привычных историко-философских и собственно исторических сюжетов тот самый смысл культурного бытия, который эксплицирован в юнговском понимании культуры как «общего и принятого способа мышления». Несмотря на очевидную и даже пресловутую полемичность речей славянофилов и западников, они, по-видимому, и были пионерами в концептуализации того самого способа мышления, который веками помогал и помогает выживать российской культуре. Отсюда очевидна и значимость собственного исторического и мировоззренческого контекста их штудий. Это тоже род рациональности – мысль, не лишенная чувства и для собственного существования предполагающая веру – вот и зазор, и фокус манифестации для тех самых, на первый взгляд, все затемняющих православных мотивов.

Обозначенная здесь известная синкретичность русской национальной культуры всегда проявляла себя в практике формирования и самокоррекции национальной идеологии. Известно, что XIX век явился временем окончательного формирования русской национальной культуры. Россия продолжала расширять свои территории. После присоединения Северного Кавказа, Средней Азии и других земель она стала не просто огромной, но и поистине необъятной империей. Россия медленно выходя из своего средневекового прошлого и все больше втягивалась в новое время. Вместе с тем ее культурное, политическое и экономическое развитие шло достаточно неравномерно. В целом, главными и наиболее важными событиями, определявшими развитие русской культуры XIX в., были Отечественная война 1812 г., восстание декабристов, институт крепостничества и реформа по его отмене.

Это и период становления русской философии как самостоятельного мировоззренческого феномена и заметной формы социально-культурной рефлексии. Русская философски ориентированная мысль критически осваивает достижения западной философии, представленной доктринами И. Канта, Г.-Ф. Гегеля, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше. Известная ангажированность и своеобразная «вторичность» отечественных адептов западной философской традиции не служила, однако, препятствием в деле формирования целого спектра самобытных школ и течений – от леворадикальных до религиозно-мистических. Наиболее крупными фигурами здесь были П. Я. Чаадаев, И. В. Киреевский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, В. С. Соловьев. При этом одна из центральных тем русской общественной и философской мысли – проблема выбора пути развития, будущего России. Эта тема – наследие предыдущего XVIII столетия. Она страстно захватила декабристов и была унаследована

другими двумя важными течениями русской мысли – западничеством и славянофильством. Они солидарно отвергали существующий режим самодержавия и крепостничества, но глубоко расходились в понимании путей переустройства России, по-разному смотрели они и на преобразования Петра I. Концептуально взгляды славянофилов сложились к 1839 г., чуть позднее – примерно к 1841 г. – сформировались и взгляды западников.

Встречи представителей двух движений проходили в московских литературных салонах Свербеевых, Елагиных-Киреевских, Аксаковых, Сенявских. В этих салонах организовывались обсуждения новых произведений, которые вызвали страстные споры по общественно-политическим, философским, историческим и религиозным вопросам. Идеи дискуссии московских салонов ярко изображены в произведении А. И. Герцена «Былое и думы».

Наиболее видные фигуры у славянофилов – И. В. Киреевский, А. И. Кошелев, И. С. Аксаков, Д. А. Валугев, Ф. В. Чижев, И. Д. Беляев, А. Ф. Гильфердинг, позднее – В. И. Ламанский, В. А. Черкасский. Близкими к славянофилам по общественно-идейным позициям в 40–50-х гг. были писатели В. И. Даль, С. Т. Аксаков, А. Н. Островский, А. А. Григорьев, Ф. И. Тютчев, Н. М. Языков. Значительный вклад в формирование позиции славянофилов внесли историки и языковеды Ф. И. Буслаев, О. М. Бодянский, В. И. Григорович, М. М. Средневский, М. А. Максимович.

В московский же кружок западников входили А. И. Герцен, Т. Н. Грановский, Н. П. Огарев, В. П. Боткин, Н. Х. Кетчер, Е. Ф. Корш, К. Д. Кавелин и др. Тесную связь с кружком имел также и живший в Петербурге В. Г. Белинский. К западникам относился и С. И. Тургенев.

По важнейшему вопросу исторических судеб России славянофилы, в противовес западникам, выступали против усвоения форм западноевропейской политической жизни. В то же время они считали необходимым развитие торговли и промышленности, акционерного и банковского дела, строительства железных дорог и применения машин в сельском хозяйстве. Славянофилы выступали за отмену крепостного права «сверху» с предоставлением крестьянским общинам земельных наделов.

Можно сказать, что западники не смогли сформулировать законченную концепцию, изложить ее программно четко в каком-либо одном произведении или документе. Но их общественно-политические, философские и исторические воззрения, имея многочисленные различия, в целом характеризовались известной общностью, например, отрицательным отношением к самодержавно-крепостнической действительности. Общественная и научно-литературная их деятельность была объективно направлена на то, чтобы приблизить и об-

легчить развитие капиталистического строя в России. Западники выступали с критикой крепостного права и составляли проекты его отмены, показывали преимущества наёмного труда.

В отечественных исследованиях, посвященных спорам между западниками и славянофилами, чаще всего рассматриваются их взгляды в отношении собственно исторического пути развития России. Отсюда, представляются актуальными исследования взглядов славянофилов и западников в отношении именно культурного развития России.

Знакомство с культурой и идеологией Европы, начавшееся в России еще при Петре I, инициировало двойственное к ней отношение. Представление о народах Западной Европы с их культурой и образом жизни с тех пор было актуальным в общественном и государственном сознании, постоянно привлекало внимание русских, требуя, одновременно, более тщательной и последовательной оценки.

Западная культура и ее ценности были так многообразны, что, увлекаясь одними ее сторонами, русские люди неизбежно формировали критическое отношение к другим. С одной стороны, Западная Европа была дорога духом Просвещения, своим движением к свободе, сложным сочетанием рационализма и сентиментализма, культом революции и религиозного бунтарства, причудливым сочетанием гуманизма и эгоцентризма. С другой стороны, образованный русский, увлекаясь духовными исканиями Запада, испытывал неодолимую внутреннюю жажду соединить земное и небесное.

В ходе Отечественной войны и последовавших за ней военных походов 1813–1814 гг. происходит то культурное взаимодействие между Россией и Европой, которое в дальнейшем послужило достаточным основанием культурного диалога между ними. В этот период усиливается процесс радикализации идей, связанных с непосредственным прикосновением большого количества русских людей к европейской культуре и жизнью, а также предпринимается попытка перенесения на российскую почву некоторых свойств политической жизни и культуры Запада. Как считает С. В. Оболенская, «...размышления участников кампании 1813–1814 гг. составили этап в процессе критического осмысления русского общества, осмысления истории России и места России в мировой истории, начавшегося в XVIII в., продолжившегося во время Отечественной войны 1812 г., позже – в спорах декабристов, и вылившегося в 30–40-х годах в борьбу западников и славянофилов» [1].

Поиск некоей сути спора западников и славянофилов о формировании национальной идентичности России, как правило, начинают с анализа работ выдающегося русского мыслителя и публициста XIX в. П. Я. Чаадаева (1794–1856). В его «Философических письмах» получило ярчайшее отраже-

ние то граничащее с отчаянием, пессимистическое настроение, которое царило в умах русской интеллигенции после поражения восстания декабристов.

Произведение, вышедшее в свет в 1936 г. и впервые опубликованное в журнале «Телескоп», стало важным событием, вызвавшим большой общественный резонанс в культурной жизни России. Автор остро и самобытно поставил вопрос об историческом развитии России и Западной Европы в их взаимном отношении друг к другу, что, в свою очередь, в немалой степени способствовало образованию славянофильского и западнического направлений в русской общественно-литературной мысли. Симптоматично, что сам П. Я. Чаадаев не примкнул ни к одному из идейных и общественных течений того времени. Ясно понимая предпочтительность западноевропейского пути, он, тем не менее, не видел в тогдашней России общественных сил, способных вывести ее на этот путь.

Широко известно действительно незабываемое высказывание П. Я. Чаадаева о культурном и идеологическом состоянии России: «...мы никогда не шли об руку с прочими народами; мы не принадлежали ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространяется..» [2]. По мысли П. Я. Чаадаева, русским, лишенным прямой связи с греко-европейской культурой, поневоле приходится говорить языком Европы. Мы становимся заложниками чужеземного образования, соответствующих культурных, мыслительных и главное – языковых привычек: «...нам не остается ничего другого, как говорить этим языком... Эта связь... скрепляет нас с Европой...» [3].

Впоследствии в «Апологии сумасшедшего» (1837) в ответ на обвинения в недостатке патриотизма П. Я. Чаадаев заметит: «...уже триста лет Россия стремится слиться с Западной Европой, заимствует оттуда все наиболее серьезные свои идеи, наиболее плодотворные свои познания и свои живейшие наслаждения» [4], но может ли позволить страна, чтобы «у нее отняли ее прошлое, и, так сказать, навязали ей прошлое Европы?» [5]. Это – не просто желание реабилитации, а трагедия выбора, пережитая тем поколением. Об этих людях С. А. Франк никогда бы не сказал «внутренние варвары», как он это сделал позднее, характеризуя роль интеллигенции в России. Граждане той поры, такие, как П. Я. Чаадаев, не были эмигрантами в собственной стране и не противопоставляли ее Западу, а лишь жаждали для нее лучшей судьбы. Запад здесь – не совсем релевантная (за неимением иного) модель. В противном случае размышления П. Я. Чаадаева, «представляя собой

довольно последовательную систему метафизики истории и культуры, понимания истории России» [6], не могли бы оказать столь значительное влияние на формирование взглядов западников и славянофилов.

Одним из представителей раннего славянофильства является русский философ И. В. Киреевский (1806–1856) – предтеча Н. Ф. Федорова с его идеей вселенского братства и В. С. Соловьева с его идеей богочеловечества.

И. В. Киреевский подчеркивал, что только невежество «отлучает народы от живого общения умов, которым держится, движется и вырастает истина посреди людей и народов» [7]. Он религиозно-мистически обосновывает единство человечества: будущее единство «не может опять быть народом, но только самим человечеством в его первобытной цельности и нераздельности». Между тем «первобытная нераздельность уже не может быть внешнею, она возможна только как внутреннее единство сознания» [8]. Однако, по мысли И. В. Киреевского, реализация идеи всеобщего братства должна начаться с создания новой универсальной культуры, с построения в России малого Царства Божьего, которое затем разрастется по всему миру как горчичное семя.

Путь европейского просвещения и магометанского востока воспринимается философом как греховный; Россия – хранительница подлинной веры, тогда как Западу – носителю просвещения, мысли и науки – веры не хватает. Католичество стало основой западной культуры, православие – русского просвещения, поэтому именно Россия должна играть ключевую роль в процессе преобразования мира. Будущая культура, по мысли философа, представляет собой синтез двух противоположных начал образованности, но под эгидой – православно-словенского [9].

Славянофил, публицист и политический деятель И. С. Аксаков (1823–1886 гг.), разделяя мнения И. В. Киреевского, писал Ф. М. Достоевскому в 1864 г.: для русского человека определение его национальности совпадает с православным, другими словами, с христианством. «Мудрено написать воззвание о русских наряду с тем, как пишут в других странах. *Franciaes!* или *Британцы!* – “Русские” – не годится, самый язык не терпит. А на всех сходках ежедневно по всему пространству России... с воззвания “православные”. Вот как определяет русский народ свою национальность...» [10].

И. С. Аксаков выступал за сохранение самодержавия, православия как основы русского начала, русского духа. Обвиняя во всем оторванную от национальной почвы бюрократию, Аксаков воспекает самодержавие, которое, по его мнению, не несет за нее ответственность. Критически он относится и к поколению интеллигенции времен Пушкина и Александра I как поколению, утратившему

суть народного духа – русский язык и превратившемуся полностью в иностранцев.

В более поздний период своего творчества (к нач. 80-х гг.) Аксаков отходит от либеральных воззрений славянофилов. В отличие от Ю. Самарина, А. Кошелева, В. Черкасского, он выступил против деления политических направлений на либералов и консерваторов. В своих размышлениях Аксаков утверждает, что нет русского либерального направления, может быть только истинное и ложное, здоровое и вредное, направление русское и анти-русское.

Таким образом, славянофилы считали, что у России должна быть своя судьба и свой путь в истории. Вступление на путь развития Западной Европы нежелательно и даже губительно. Ей не подходят западные порядки, так как в ней, прежде всего, сильны традиции коллективизма, коллективной собственности. Русский народ всецело доверяют монарху, который подобен отцу в семье, его слово и воля – это живой закон для них, и он не подлежит оформлению в виде конституций и хартий.

Одна из важнейших функций в жизни страны и ее народа – роль православной веры. Особенность славянофильской доктрины заключалась в идее национального единения всех русских людей под покровительством христианской церкви без разграничения на классы и сословия. По мнению славянофилов, самобытность России состоит в том, что в ее истории отсутствует классовая борьба, а ее сила в поземельной общине и артелях, в православии как единственно истинном христианстве. Все это, в конечном счете, имело реакционно-романтический и утопический характер.

Западники же, возражая славянофилам в спорах о судьбах России, отмечали отсталость России от Европы, полагали, что она должна по примеру ведущих европейских стран выстраивать свою государственность, развивать парламентаризм, демократические традиции, повышать культуру. Важное место они отводили вопросу о том, что россиянин должен осознать себя как независимую творческую личность, знающую и уважающую свои права.

Таким образом, рассматривая взгляды славянофилов и западников, можно констатировать: западники и славянофилы были, по своей сути, идеалистами, одни идеализировали Запад, а другие – Россию, причем и те и другие предлагали разрешение проблемы русской истории не вполне ре-

алистичным путем. И Запад, и Россия были для них определенными условными знаками или регулятивными символами, организующими пространство культуры между двумя крайностями – «своим» и «чужим», которые зеркально отображали полярные представления во взаимоотношениях между двумя культурами.

Можно отыскать немало свидетельств противоречий между этими двумя мировоззренческими направлениями в вопросах о политическом обустройстве, ходе исторического развития, положении религии в государстве, образовании, ценности народного наследия и т. п. Но почему-то нам «ближе» критика европейской культуры и идеологии в исполнении славянофилов. Очевидно, потому, что определенность и отчетливость формулировок, ясная постановка диагноза «болезни» Запада и глубокая вера в правду православных духовных начал, которые славянофилы воплощали и в своей частной жизни, сообщает их мыслям цельность и завершенность, которые не утратили актуальности во всяком опыте осмысления бытия отечественной культуры и в наши дни. По-видимому, жизнеспособная национальная культура строится не на путях наращивания родства с «общечеловеческими ценностями» и инвариантными проявлениями культуры как некоего целого – своеобразного универсума и макрокосма, имеющего всеобщую пространственно-временную размерность, а, напротив, через отрицание сходства – в опыте поиска собственного и не гарантированного пути. Именно на этом пути сознание инокультурности служит позитивным культуротворческим фактором.

Примечания

1. Оболенская С. В. Германия глазами русских военных путешественников 1813 года // Одиссей. Образ «другого» в культуре. 1993. М.: Наука, 1994. С. 70–84.
2. Чаадаев П. Я. Философические письма // Статьи и письма. М., 1989. С. 41.
3. Там же. С. 140.
4. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // Статьи и письма. М., 1989. С. 149.
5. Там же. С. 151.
6. Емельянов Б. В. Славянофилы: поиск идентичности. Екатеринбург, 1999. С. 31.
7. Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1998. С. 331.
8. Там же. С. 261.
9. Там же. С. 289.
10. Скороходова С. И. И. В. Киреевский о христианской культуре // <http://www.voskres.ru/idea/kireevsky.htm>.

А. А. Кузьмин

**ТРАНСФОРМАЦИИ «ТЕЛЕСНОГО КОДА»
В РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК)**

Статья посвящена трансформациям телесного кода в русской традиционной культуре. В качестве материала привлекаются тексты волшебных сказок из собрания А. Н. Афанасьева.

This article deals with transformation of body code in Russian traditional culture on the material of the Afanasyev collections of fairy tales.

Ключевые слова: трансформации, телесный код, волшебные сказки, антропоморфизм.

Keywords: transformation, body code, fairy tales, anthropomorphism.

Мифологическая модель мира, в числе прочих характеристик, включает антропоморфизм, связанный с персонификацией как важным свойством архаического сознания. Одним из проявлений персонификации является «телесный код», в соответствии с которым любое свойство реального мира обретает в мифе индивидуальный телесный образ, одновременно наделяясь анимистическими чертами: в антропоморфной модели мироздания животные обретают человеческий облик, а неодушевленные предметы наделяются способностью действовать, испытывать чувства, жить и умирать. Естественно, что наиболее последовательно эти явления прослеживаются в древних мифологиях, которые, в отличие от славянской, закреплены в источниках и демонстрируют классический антропоморфизм религиозного политеизма. Э. Б. Тайлор в своей работе «Первобытная культура» приводит несколько солярных метафор: в Новой Зеландии Солнце – это подвешенный глаз трикстера Мауи, а утренние и вечерние звезды – глаза двух его сыновей. В орфической поэме Юпитер представлен в одно и то же время как властитель мира и как самый мир. Его сияющая голова озаряет своими лучами небо, по которому рассыпаны его звездоносные волосы. Воды шумящего океана опоясывают его священное тело – всепородившую землю. Глаза его – солнце и луна, а ум его, движущий и управляющий по предначертанию всеми вещами, есть царственный эфир, от которого не ускользает никакой голос, никакой звук. В Зенд-Авесте Солнце представляется глазом Ахурам-азды, а древние германцы называли Солнце «глазом Вотана».

В русской культуре, как свидетельствуют наблюдения антропологов и фольклористов, сохраняются обозначенные антропоморфные свойства:

в частности, человек может увеличиваться в размерах до масштабов вселенной, причем небесные светила оказываются у него внутри, на голове или в руках [1]. Аналогичные трансформации наблюдаются во всех культурах мира, в частности в «телесной» составляющей ритуально-обрядового комплекса, где тело находится в самом «ядре» обряда, являясь неотделимой частью трансформации, перехода человека из одного качества в другое. Все манипуляции, связанные с получением тех или иных природных благ, непосредственно выражаются через взаимоотношение с единым общемировым телом. Отметим, что для мифологических текстов многих народов характерен факт рождения человека из неструктурированного, бесформенного однородного материала. В частности, мотив оформления, придания телесных свойств как условия включения в мир живых повсеместно проявлялся в обряде «доделывания» новорожденного [2]. В противоположность этому, размывание телесных свойств, вычленение за границы путем возврата тела к однородности, бессистемности характерны для погребальных обрядов, например, в ритуалах подготовки тела к погребению [3]. Таким образом, устанавливается оппозиция между упорядоченностью – телом и неупорядоченностью – хаосом, природным и рукотворным. С этой точки зрения придать чему-либо телесную форму «значило придать жизнь» [4]. Пограничное состояние перехода от реального, упорядоченного мира к потустороннему, хаотичному зафиксировано, например, в оборотничестве. Оборотень – это перевертыш, перешедший грань и оставшийся между мирами, повернувшись лицом к тому свету, а задом – к этому. В сказочном фольклоре эта пограничность переносится и на жилище (избушка на курьих ножках оборачивается поочередно то к лесу, то к миру). С. Ю. Неклюдов в работе «О кривом оборотне» [5] связывает мотив оборотничества с архаической концепцией взаимооборачиваемости всех сторон и явлений действительности. Он выделяет «оборотность» как характерную черту потустороннего мира (относящегося к хтонической зоне). Противоположность реальному упорядоченному миру маркируется перевернутостью (то есть хаотичностью) земных норм и установлений. В данном случае человеческое тело выступает в роли пограничной территории, разделяющей два мира, о чем, в частности, свидетельствует факт осуществления телесных метаморфоз на рубеже дня и ночи или границ пространства – согласно мифологической картине мира, на дорогах, перекрестках, крае леса, кладбище, на реке, берегу моря, мельнице и т. п. Зооморфизм является одним из главных атрибутов потустороннего мира, что С. Н. Неклюдов напрямую связывает с демоническим началом [6].

Обозначенные черты «телесного кода» мифологической культуры перешли в фольклор. Сказка

как жанр фольклора, образовавшийся в результате распада мифологического сознания, концентрирует многие его особенности. Несмотря на сложившийся образный и сюжетно-композиционный канон, мифологическая основа сказки сохранила семиотический статус телесного начала. Каковы же сферы его репрезентации?

Во-первых, оно реализуется в системе оппозиций *высокое/низкое*, зафиксированных в телесной характеристике. Облик персонажа сказки в ее начале прямо противопоставляется финалу. Низкое положение героя в начале сказки, характеризующееся отсутствием брачных отношений, подчиненным отношением к старшим, общей отверженностью, физической слабостью, сменяется новым статусом: пройдя инициацию, он превращается в богатого, статного, красивого, обретшего семью и царство в придачу.

Во-вторых, телесная составляющая сказочного персонажа фиксируется в его имени, которое является постоянной характеристикой, остающейся неизменной на протяжении всей сказки, от начала до ее завершения. В имени также может фиксироваться промежуточное между человеческим и природным положение персонажа, восходящее к элементам тотемизма. Одновременно оно совмещается в чудесном рождении героя – Покатигорошек, Медведка, Сученко, Лутоня (АФ. 141; АФ. 139; АФ. 111; АФ. 133 [7]).

В-третьих, телесная составляющая реализуется в системе оппозиций *свое/чужое, истинное/преображенное, живое/мертвое, красота/безобразия, одушевленное/неодушевленное* и др. Эта система оппозиций, предложенная Е. С. Новик [8], является структурообразующей характеристикой сказочных персонажей.

В оппозиции *живой/мертвый* тело подвергается либо перемещению в другой мир, либо трансформации. Эта оппозиция встречается во всех ситуациях, где герою угрожает смерть (львица проглатывает Ивана-солдатского сына АФ. 155, превращает героя в камень – АФ. 158 и т. п.) или происходит уничтожение (наказание) отрицательного персонажа, вредителя, антигероя.

О принадлежности к мертвому может свидетельствовать частичная зооморфность. Атрибут Яги – костяная нога – в определенном смысле являет собой переходную ступень от животного к человеку, что также прослеживается в «курьих ногах» ее избушки [9]. Лишение героя отдельных частей тела еще не является знаком его смерти, это лишь «временная» смерть, которая может быть сопоставлена со сном («как долго я спал», – говорит сказочный герой после своего оживления – АФ. 174). В этом же контексте – факт оказания услуги мертвому (сонному) или больному персонажу (в частности, сохранение останков, из которых затем вырастает дерево, часть которого впо-

следствии может превратиться в человека (АФ. 127) или, наоборот, «разрывание» тела (как аналог разрывания жертвы). Стоит обратить внимание на то, что настоящая смерть наступает лишь в том случае, если тело разорвано на множество маленьких кусочков или сожжено (АФ. 224, 136; АФ. 559). Это маркирует связь сказок с мифологическими сюжетами о расчленении божества на множество частей и последующем его возрождении (Осирис, Дионис-Загрой), а также устанавливает параллель с рядом видений шамана в процессе инициального обряда [10]. Для сказки характерны также элементы парциальной магии, основанной на передаче основных функций целого тела его части (по метонимическому типу), которая способна:

- функционировать самостоятельно (руки, при-служивающие Яге – АФ. 104);

- воссоздавать персонажа заново (перышко Финиста-Ясного Сокола, привезенное отцом, превращается в него самого – АФ. 234, 235);

- продуцировать новых персонажей (Мальчик-с-пальчик создается из мизинного пальчика – АФ. 300).

Особое место в структуре сказок принадлежит оппозиции *видимый/невидимый*, которая воплощается в образах бестелесных (невидимых) персонажей: Урза-Мурза, Шмат-разум (АФ. 212), Никто (АФ. 215), Саура (АФ. 214), невидимая девица, танцующая под гусли (АФ. 228). Роль этой оппозиции чрезвычайно велика, так как в ней фиксируется «физическое отсутствие» тел – свойство, которым наделяются как персонажи хтонического мира, так и основные персонажи – носители сказочного сознания в момент совершения над ними какого-либо действия или под влиянием волшебных предметов (шапка, пояс и др.).

В оппозиции *красивый/уродливый* реализуется важный момент сказочной структуры – распределение ролей между героями в соответствии с их внешним видом. Красивые антропоморфные существа чаще всего выступают в роли добрых, положительных персонажей, уродливые, кривые, наоборот, чаще всего являются отрицательными персонажами. Описание телесной красоты в волшебной сказке практически отсутствует, за исключением канона внешнего вида, включая оценку одежды, указания на цвет кожи (белы ручки, румянец АФ. 205, 211) и цвет бровей (черноброва АФ. 205). Это свидетельствует о прямом пересечении сказки с народными представлениями физической красоты: белие лица и тела, сурьмение бровей. Важно отметить, что подчеркивание женской красоты в сказке относится к персонажу, который еще не вступил или только готовится вступить в брачные отношения.

Оппозиция *красивый/уродливый* в визуальном выражении полностью переключается с оппозицией *добрый/злой*. Об этом свидетельствует описание

ряда отрицательных персонажей-представителей хтонического мира: яги («из-под камня Баба-яга костяная нога, ж... жиленная» – АФ. 141), змеи («лезет чудо-юда, мосальская гумба: змей шести-главый» – АФ. 136).

Оппозиция *сильный/слабый* часто заключает противопоставление мудрости-глупости. Признак высокой физической силы и сильного тела воплощается в богатырях, силачах, богатырских конях, чудесных предметах. Непосредственная реализация силы происходит в действии – испытании силы («давайте еще силу попытаем: станем бросать железную палку кверху; кто выше забросит – тот будет большой брат» – АФ. 137 и т. п.), усмирении богатырского коня («Коли смог ты, царевич, под моими ногами устоять, так тебе и владеть мною!» – Примечания к АФ. 295, 296 [11]).

Мнимая физическая слабость и немощь персонажа выражаются во временном проигрыше отрицательному персонажу сказки («Схватил горбушку хлеба и давай его в голову бить, до полусмерти прибил, чуть-чуть живого оставил» – АФ. 140), меньшей силе («Иван-кухаркин сын ударил, вбил Ивана-царевича да Ивана Быковича по самую грудь в землю; а Иван Быкович ударил – вбил обоих братьев по самую шею» – АФ. 137).

Оппозиция *истинный/преображенный* связана с формами изменения внешнего облика персонажа (Медведь оборачивается человеком – АФ. 562, царевна оборачивается лебедем – АФ. 145, Серый Волк превращается в красавицу – АФ. 168, Баба-яга перековывает свой голос – АФ. 108 и т. п.) и маркирует связь с обозначенным принципом телесного всеединства мира. Одним из самых распространенных проявлений оппозиции *истинный/преображенный* в волшебных сказках является феномен оборотничества, сущность которого была обозначена выше. Здесь же в связи с маркированностью указанной оппозиции выделим несколько сфер его репрезентации:

1. Телесные метаморфозы в ситуации оборотничества происходят как по воле персонажа, так и вследствие колдовства (АФ. 253), проклятья (АФ. 227) или произнесения клятвы (АФ. 197). Переход из одного состояния в другое фиксируется волшебным словом, непосредственным действием героя или сторонним действием, направленным на героя.

2. Оборотничество лишено однозначно негативной оценки, оно свойственно не только ведьмам и колдунам, но и мудрым помощникам главного героя (АФ. 137), положительным героям, которые во время погони принимают тот или иной облик, пытаются обмануть преследователей (АФ. 222), а также другим персонажам. Л. А. Черная называет амбивалентность оборотничества наиболее ярким показателем глубины проникновения в мифологическом мировоззрении представлений о всеединстве мирового Тела [12].

3. Основные превращения в сказках происходят в большей степени в рамках противопоставления человек-животное («перышко Финиста-Ясна сокола тотчас вылетело, ударилось об пол, и явился перед девицей прекрасный царевич» – АФ. 234) и в меньшей – в рамках замещения «человек – предмет»: «Дурак ударил – жена обратилась в камень» (АФ. 216). Тем самым фиксируется перемена статуса, сопровождающая пересечение пространственных и временных рубежей. Такая же особенность отмечается в сюжете о зооморфном брачном партнере – женихе или невесте – который сбрасывает звериную (птичью, рептильную и др.) личину в пределах определенного временного рубежа («Царевна-лягушка» – АФ. 267).

4. Оборотничество связано с преодолением поворотов, маркирующих рубежи между мирами. В сказочных сюжетах это прослеживается в поворачивании избушки Бабы-яги, повороте или перемещении кольца с руки на руку и т. п.

Приведенные наблюдения свидетельствуют о достаточно широком спектре трансформаций человеческого тела в пространстве русской волшебной сказки, сохранившей черты телесно-пластической культуры, свойственной мифологическому сознанию, в котором тело выступало в качестве знака природного мира, а телесное поведение человека фиксировало его диалог с этим миром.

Примечания

1. См., например: *Топорков А.* Символика тела в русских заговорах XV–XIII вв. // Тело в русской культуре / сост. Г. Кабакова, Ф. Кон. М., 2005. С. 131.
2. См. об этом: *Шаратов В. Э.* Концепция человеческого тела в традиционном мировоззрении коми // Гендерная теория и историческое знание: материалы семинаров // <http://teacher.syktu.ru/08/liter/007.htm>; *Славянские древности: этнолингвистический словарь* / под ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 257; *Мужики и бабы, мужское и женское в русской традиционной культуре* / под ред. И. Шангиной. СПб., 2005. С. 406; *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993. С. 39–53.
3. *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре... С. 107–112.
4. *Черная Л. А.* Антропологический код древнерусской культуры. М., 2008. С. 69.
5. О кривом оборотне (к исследованию мифологической семантики фольклорного мотива) // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979. С. 133–141;
6. *Неклюдов С. Ю.* Потусторонний мир в народных верованиях // <http://www.mith.ru/cgi-bin/yabb2/YaBB.pl?board=mith;action=display;num=1173034269>
7. Здесь и далее номера сказок и страницы указаны в тексте по изданию: *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки (полное издание в одном томе). М., 2008.
8. *Новик Е. С.* Система персонажей русской волшебной сказки // <http://www.ruthenia.ru/folklore/novik8.htm>
9. См. об этом подробнее: *Пропт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., 2005. С. 52.
10. Там же. С. 73–77.

11. См. об этом: *Бараг А. Г., Новиков Н. В.* Примечания // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 2. С. 389–459.

12. *Черная Л. А.* Антропологический код древнерусской культуры... С. 89.

УДК [130.2]

Е. В. Матусевич

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ПРОЦЕССА ИДЕНТИФИКАЦИИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ ПОСТМОДЕРНИЗМА И ПОСТКОЛОНИАЛИЗМА

В настоящей статье будет уделено внимание сравнительному анализу постмодернистской теории и постколониальной критики, где постколониальная парадигма определена в качестве сферы «реального опыта» в противоположность онтологической заданности постмодернистской теории. Методологическое основание обоих дискурсов раскрывается путем подмены понятий «инаковость» и «культурное разнообразие» оппозицией свой/чужой, приведших в результате к кризису идентификации во многих странах мира.

This article is devoted to a comparative analysis of postmodern theory and postcolonial critics. The postcolonial paradigm is regarded as a sphere of everyday life opposite to the ontological background of postmodern one. The methodological basis of both discourses reveals itself in the clash dynamics of “cultural difference” and “cultural diversity” which caused identification crisis in the world.

Ключевые слова: постмодернизм, постколониальная критика, процессуальность идентификации, универсализация, культурная унификация.

Keywords: postmodernity, postcolonial critics, identification process, universalization, cultural unification.

Социальные изменения в мире после 1970-х выразились в появлении новых путей осмысления категорий и форм культуры, появлении гибкости и открытости форм нового типа знания. Система культуры в отношении к процессу идентификации обретает пограничный смысл, являясь определяющим фактором для таких общественных сфер, как институты семьи, социальных отношений и религии, которые наделяют субъекта различными ролями. Рольевые модели оформляют структурно-функциональную целостность идентичностей «<...>» внутри репрезентации, которую мы признаем как свою собственную. Более того, идентификация всегда связана с тем, чем один не является – Другим. Мы должны помнить, что она [идентификация. – Прим. автора] мыслима в и через различие» [1]. Невозможность развития идентификации вне форм социального опыта подчеркивалась еще социальны-

ми конструктивистами Л. Хоффманом, К. Гергеном и Р. Шведером. Любопытна в этом отношении постмодернистская точка зрения Л. Хоффмана: «Граница между индивидуальным и социальным ослабляется <...> идея конструируется совместно с другими; затем перетекает в индивидуальное сознание; после воссоединяется с общественным сознанием; и далее по восходящей» [2]. В настоящей статье критика монологичности культурной идентичности в пользу ее процессуальности апеллирует к идее о вероятности ее кризиса. Наиболее адекватными теоретико-методологическими подходами для анализа служат постколониальная теория (как вариант осознания негативного «опыта» процесса идентификации) и постмодернизм (выявление сущности идентичности как нарратива).

Учитывая хронологические рамки, постколониализм занимает видную позицию с конца 1970-х гг. Это время ознаменовано публикацией влиятельной критики западной (европоцентрической) трактовки образа Востока Э. Саида – «Ориентализм», обозначая позицию противостояния системе империалистического господства. Постколониальная теория стала не просто критикой существующего (западного) знания во имя признания Востока, а выступила в качестве идеологического варианта контр(пост)колониального дискурса, способного дестабилизировать существующие универсалистские/имперские системы смысла Другого в пользу смешанного с так называемым плюралистичным, космополитным. «<...> ориентализм можно анализировать как корпоративный институт по “работе” с Востоком – разбирать его, определяя свое отношение к нему, описывать его, преподавать его, обосновывать его, руководить им. Для понимания ориентализма следует использовать дискурс М. Фуко. Без рассмотрения ориентализма как дискурса невозможно понять ту стратегию, благодаря которой европейская культура была способна управлять и даже перекраивать Восток – политически, социологически, милитаристски, идеологически, научно и творчески после эпохи Просвещения» [3].

В своих интеллектуальных построениях Э. Саид уделяет особое внимание идеям М. Фуко, выраженным в «Археологии знания» и «Надзирать и наказывать». Применение санкций в качестве действительных средств контроля в середине XVIII в. трансформировалось в идеологию управления личностью. «Во всяком случае, политическая теория XVII–XVIII столетий часто следует этой схеме, но не надо забывать, что в эту же эпоху существовала техника конституирования индивидов как коррелятов власти и знания. Несомненно, индивид есть вымышленный атом “идеологического” представления об обществе» [4]. Э. Саид обнаруживает у Фуко идею парадоксальной взаимосвязи самих структур власти с тем, что она «производит» –

«регулируемое распределение», имеющее своим воплощением «тюрьму со всей имеющейся в ее распоряжении исправительной технологией <...> где законосообразная власть наказывать превращается в дисциплинарную власть надзирать; где универсальные законные наказания применяются избирательно, к определенным индивидам, причем всегда к одним и тем же; где переквалифицирование правового субъекта посредством наказания становится полезной муштрой преступника; где право опрокидывается и выходит за собственные пределы, – где контрправо становится действенным и институциональным содержанием юридических форм» [5].

Ориентализм это не просто объект бинарных оппозиций доминирующий/подавляемый или диктатор/жертва, которые осмысливаются интеллектуальными кругами или социальными институтами. Он не является ни массивом расплывчатых текстов о Востоке, ни объектом идеологического контроля согласно радикальным «западным» империалистическим трактовкам. Это рассредоточение геополитического осознания Востока на художественные, научные, экономические, социологические, исторические и культурологические тексты. Это проработка не только существующей цивилизационной оси Восток-Запад, но и осмысление пространственно-временной открытости и культурного Пограничья. «Он [ориентализм. – Прим. автора] <...> является своеобразной волей или намерением осознания реальности контроля и манипулирования <...> он дискурс, для которого нехарактерны приоритетные открытые отношения с политической властью, но скорее собственное воплощение в неравном обмене с различными типами власти: политической (взаимоотношения колониальный/имперский), интеллектуальной (сравнительная лингвистика, анатомия или современная политическая теория в целом), культурной (каноны моды, текстов и ценностей) и этической (мысли о том, как “мы” себя ведем, и почему “они” не могут вести себя так же или, по крайней мере, понять “нас”))» [6]. Переосмысливая проявления двух фундаментальных оснований имперского авторитета – знание и власть, палестино-американский критик заложил основы будущих постколониальных построений. Знание – понятие, чаще всего выступающее в качестве незаменимого союзника экономического и политического контроля. Опыт накопления информации в отношении «иных» культур в конце XVIII – начале XIX в. позволял европейским странам занимать лидирующее положение, развивая процесс субординации в Европе, привнося в колонии европейскую систему языка, литературы и знания/опыта как часть облагораживающей миссии. В отношении власти Э. Саид, а затем и Х. Бхабха, Г. Спивак считают, что во власти нет ничего мистического или изначально присущего.

«Она формируется, активизируется и распространяется; она инструментальна, она непреложна <...> она фактически слита с идеями, которые она сама же признает за истинные, с традициями, оценками и взглядами, которые она производит, транслирует и интерпретирует» [7].

Совмещение двух установок, знания и власти, определили основные критические сферы анализа всей постколониальной теории: миграция, рабство, угнетение, тенденции маргинализации и сопротивления (социально-политический контекст освещения проблемы); репрезентация, различие, раса, самоопределение (философско-антропологический); пути модернизации наиболее влиятельных дискурсов Западной Европы (исторического, лингвистического и философского); фундаментальные практики говорения и письма, основные из которых уже были сформированы к тому времени.

Понятие постколониальности обретает статус научного термина лишь в 1989 г., с появлением сборника авторских статей «Переписанная Империя: Теория и практика в постколониальных литературах» (Б. Ашкрофт, Г. Гриффитс и Х. Тиффин). «Я бы хотел отметить, что то, что мы называем постколониализмом, фактически является частью раннего экспрессивистского дискурса культуры и различия, лежащего в основе критики техно-рационализма, бюрократического и эволюционного модернизма. Это язык культуры, вариативности и идентичности, который, по моему мнению, разделяется представителями колониализма и антиколониализма в XX в.» [8]. Основной проблемой данного проекта стал вопрос о том, что считать колониальным, а что – постколониальным. Исторически сконструированная зона контроля, памяти о собственном возникновении и локальном развитии в глобальной истории может представлять собой колониальный проект. В отношении к вариантам культурного подавления и противостояния, постколониальный, во многом уникальный, поскольку связан непосредственно с некоторыми элементами, заложенными в западном постмодернистском дискурсе.

Постмодернистский проект как проект политический Ч. Дженкс описывал как конец современного либерализма – либерализма индивида – во имя установления «постмодернистского либерализма», в отношении которого «<...> группы и субкультуры совершают поворот друг к другу как к равным на субъект-объектном уровне» [9]. Рассмотрение социально-политического контекста постмодернизма отсылает к анализу периода модернити и его связи с государством. З. Бауман вслед за М. Фуко четко различает понятия модернити и модернизма, подчеркивая, что особенность модернизма состоит во власти разделения и классификации теории и практики. Модернити – это историческая веха развития Западной Европы XVII в.,

носившая характер социально-структурных и интеллектуальных трансформаций, эволюция развития которой отразилась на культурном проекте Просвещения и, впоследствии, на развитии индустриального общества. Модернити ассоциируется с порядком, стабильностью, гармонией, чистым искусством и абсолютной верой. В модернизме доминирующий сугубо европейский вариант модернити подвергается переосмыслению и усовершенствованию в попытке избежать некоторых грубых ошибок и упущений. Баумановская критика (базируемая на концепциях «идеальных типов» М. Вебера и «генеалогии власти» М. Фуко) проекта Просвещения как выдуманного мира гармонии и предопределенного порядка направлена, прежде всего, на рационализм и заданность социального пространства той эпохи. «В искусственно созданной среде, разработанной так, чтобы обеспечить анонимность и функциональную специализацию пространства, горожане столкнулись с практически неразрешимой проблемой идентичности. Безликая монотонность и клиническая чистота искусственно сконструированного пространства лишала их возможности «обмениваться идеями», а тем самым, и навыками, необходимыми, чтобы вплотную заняться и справиться с этой проблемой» [10]. Обратной стороной одинаковости и соответствия стандарту являлась нетерпимость и страх перед другими: «<...> их нельзя моментально понять, “разложить по полочкам”, предсказать их поведение» [11].

Д. Харвей поддерживает З. Баумана, обсуждая в своей книге «Основания постмодерна» модернити в качестве позитивистского, рационального и технократического. Затем он противопоставляет ему постмодернистский вариант нового мифологизма как «состояние, претерпевающее едва уловимую эволюцию, возможно достигающую точки претворения в нечто иное» [12]. В результате появляется третий континуум, предельно широкий, даже «резиновый» (как и сам постмодернизм), вмещающий в себя всех и вся. Анализируя в начале работы становление постмодернизма как историко-географической матрицы, Д. Харвей критикует эту версию прочтения, предлагая новую: «На основе критического анализа очевидна возможность противодействия нарратива против образа, этики против эстетики, проекта становления взамен существованию, поиска единства в различии, существующего в контексте, где четко прослеживаются власть идеи, проблемы пространства-времени, значимости геополитики и инаковости» [13]. Д. Харвей рассматривает постмодернизм как часть «успешной» истории, включившую в себя фрагментацию, дисперсию и мимикрию. Логике Д. Харвея можно сравнить с рассмотрением постмодерна как превосходящего «культурную логику позднего капитализма» Ф. Джеймсона. Аргумент у них общий: постмодернизм стал культурным выражением эконо-

мических изменений, имеющих свое выражение в капитализме («дезорганизованный капитализм»).

Свой вариант критики постмодернизма как одной из современных гуманитарных теорий предложил Э. Гидденс, выступая одновременно против двух идей: первой, согласно которой все основания, методы и концепции открещиваются от внутренне присущей оригинальности, «подписываясь» под желанием сойти за норму в угоду современности; и второй, расценивающей историческую хронологию как абсолютную и управляемую. Подобная антагонистическая позиция оказалась очень популярной в академической среде и надолго утвердилась в качестве «голоса» подозрения в исключительности разума и прогресса. Э. Гидденс называет эту тенденцию «самокритичной рефлексивностью». В этом отношении постмодернизм представляет собой модель «радикализации модернити» или, иначе говоря, саморефлексии. Очевидно, что в методологическом плане постколониализм близок постмодернизму, направленному против логоцентризма просвещенческой традиции и форм ее репрезентации. Несмотря на это утверждение полемика с представителями постмодерна в текстах представителей постколониальной критики (Л. Хатчен, С. Слемона и С. Дюринга) занимает главенствующую позицию. Усиление теоретического интереса к постколониальной теории совпало с повышением роли постмодернистских практик в западном обществе, и эта тенденция привела одновременно к замешательству, беспорядку и частично совпадению обоих. Путаница во многом зависит от того, что основной проект постмодерна – деконструкция централизации, осознанное «овладение» нарративными структурами европейской культуры – очень схож с постколониальным, основанным на подрыве маргинального бинаризма империалистического пространства. «Несмотря на то что отношение к деконструкции в современной западной философии варьируется от восторженного почитания до полного неприятия и сурового осуждения, любопытно наблюдать за тем, насколько заразительной оказывается деконструктивистская стратегия даже для самых непримиримых ее противников» [14]. Постколониальные теории часто используют в своих текстах новоизобретенные деконструкционистские методики субверсии, реинскрипции и диссеминации.

Субверсия применяется для механизма переворачивания изначального смысла, отсутствия устойчивости. Наиболее точным проявлением субверсии является маргинализация культуры (как условное разрушение или провокация). Реинскрипция раскрывает потерю ориентации в процессе познания, ликвидацию привычных иерархий и канонов, ведущих к замене их плюральностью и мультицентризмом. Перенесенная в сферу восприятия культурных ценностей, субверсия и реинскрипция становятся инструментами для реабили-

тации маргинальных смыслов и смены культурных предпочтений. Диссеминация используется в попытке понять, что скрывается за границей, разделяющим значком «/» (структуралистская «медиация»). «Логоцентрические бинарности и полярности не могут составлять заранее данной системы, они имеют свою историю, как в их целостности, так и в каждой из составляющих. Поэтому надо залезть внутрь того, что в любой оппозиции составляет раздел между полюсами, и оттуда посмотреть на каждый полюс в отдельности и на их взаимосвязь» [15]. Процедура диссеминации заканчивается, как правило, констатацией того факта, что ничего на этой границе нет и быть не может. Граница – это всего лишь одна из устоявшихся конвенций, фикция сознания, а вместо непроходимого барьера налицо очень тонкий и сложный процесс перехода мнимо противоположных смыслов без всякой преграды, кроме устанавливаемой самими же исследователями. «Полностью потерять голову и не знать больше, где находится твоя голова, – таков, возможно, самый важный эффект диссеминации» [16].

Само понятие «граница» в настоящей работе рассматривается в предельно символическом смысле, размывая и расширяя понятие региональности. Пространственно-временной локус «лишается своей географической конкретности и переносится по аналогии либо на иные социокультурные и даже эстетические модели (взаимоотношения с “маргинальностью”), либо целиком внутрь сознания “человека-границы”, существующего на грани культурной трансгрессии, между культур, времен, среди языков, в состоянии постоянного пересечения границ, где коллективная культурная идентификация постоянно противоборствует с личностной» [17]. «Граница» в отношении национальной, культурной, этно-расовой идентификации выступает, прежде всего, в качестве образа безместности, утраты стабильности из-за существования в нескольких культурных системах одновременно. Определяя пространство между культурами, где различные культурные «голоса» выявляют противоречия, парадоксы и культурный пастиш, «граница» раскрывает сложности пространственной метафоры именно в культурном воображении. Дестабилизация и деиерархизация субъекта в постколониализме выразились в «культурном релятивизме», высшей точкой которого можно считать высказывания вроде «Шекспир – это мертвый белый мужчина, творивший тексты для мертвых белых мужчин» или удивленную реакцию Т. Моррисон на присуждение ей Нобелевской премии по литературе за 1993 г.: «Небольшой группе пожилых белых шведов удалось понять мои рассказы о жизни чернокожих американских женщин».

Если деконструкция выступила против методологической рефлексии в гуманитарных науках, то

такое направление, как рецептивная эстетика, уделило проблемам методологии существенное внимание. Ее представители справедливо полагают, что осознанное отношение к познаваемому иному формируется как осмысление позиции самонахождения в пространстве культуры, состояние с ним. «Граница между индивидуальным и социальным ослабляется <...> идея конструируется совместно с другими; затем перетекает в индивидуальное сознание; после воссоединяется с общественным сознанием; и далее по восходящей» [18]. Фиксация «текучести» идентичности особо отчетливо прослеживается в постфеминистской традиции. Наиболее остро эти проблемы поставлены Дж. Каллером, который фиксирует преимущество идеологии мультикультурализма – полного равноправия всех культурных парадигм перед лицом свободной интерпретации, отказа признавать центральное или привилегированное положение любых культурных феноменов. Все сотворенное человеческим сознанием имеет равное достоинство, ценность и интерес. Главная проблема постструктурализма – проблема границ и разделов в культуре, – по мнению Дж. Каллера, решена в концепциях культурного релятивизма и мультикультурализма. Видимо, человеческое сознание так устроено, что оно не может не полагать этих границ и различий без того, чтобы не утратить себя как культуuroобразующий фактор. Простая замена традиции безграничностью грозит культуре не подъемом, а упадком, деградацией, если не полным саморазрушением. Безграничный плюрализм интерпретаций – это всего лишь новый вид ограничений и разделений, новый конвенциональный дискурс, как сказал бы Ж. Деррида. Теоретическая концепция Дж. Каллера находит свое отражение в реальной практике американских университетов. Идеология РС (political correctness) как выравнивание ценностного статуса инокультурных явлений в определенной мере является следствием субверсии западной метафизики, диссеминации традиционных ценностей и плюрализации интерпретации. Дж. Каллер видит историческую необходимость возникновения РС в усилении защитных механизмов конструируемой идентичности.

Использование субверсивных стратегий часто описывается в оригинальной форме у Л. Хатчен. Аргументируя связь постколониализма и постмодернизма, исследователь фиксирует ее начало с различения постколониальной науки и критики. Учитывая существование развитых политических систем и теории управления, постколониальная критика способна выйти за пределы деконструктивистской основы философии постмодерна в реальность социального и политического действия. Но в то же время верно и то, что постколониальная литература, выражаясь словами Х. Тиффин, «чрезмерно обогащена империалистическим взгля-

дом», то есть реальное политическое соучастие в формировании культурных доминант задает те социокультурные пределы, в которых она существует. Эти культурные доминанты Л. Хатчен фиксирует в трех ипостасях: постколониализм, постмодернизм и феминизм, «<...> пытаюсь провести границу между империалистским субъектом и субъектом гуманизма» [19]. В то время как постколониализм актуализирует первого (империалистского) субъекта в качестве объекта критики, а постмодернизм принимает экспликацию второго, феминизм подчеркивает неприятие обоих. Подтверждением этого послужит название сборника эссе, демонстрирующего образцы колониального и постколониального женского письма: «Двойная колонизация» (Х. Петерсен и Дж. Раденфорд, 1986). Роль феминизма обозначается Л. Хатчен в схожем влиянии как на постмодернистскую теорию, так и на постколониальную критику. Говоря современным языком, феминизм «переставил» местами «универсалистско-гуманистический» и либеральный дискурсы, в которых утвердился и занял центральное место. Универсалистско-гуманистический дискурс стремился к переопределению природы двойной колонизируемости (но еще не двойной «де-колонизации») субъекта и его идентичности преимущественно в сфере искусства.

Современные постструктуралистские/постмодернистские изменения по направлению к автономии субъекта содержит в себе либеральный дискурс, обратив внимание на упорядоченность системы, которая может себе их позволить. По мнению Л. Хатчен, главное различие между постмодернизмом и постколониализмом состоит в методологическом подходе к взаимосвязи и взаимозависимости трех блоков аналитической деятельности: формального, тематического и стратегического. Суть формальных вопросов предстает тем, что обычно называют «тайным реализмом», тематические отражаются в развитии истории и процессах маргинализации, а дискурсивные стратегии иронии и аллегории относятся к стратегическим. Формальная техника «магического реализма» (с характерным смешением фантастического и реального) отображена многими критиками как один из ключевых моментов сопряжения постмодерна и постколониализма. Как аргументирует С. Слемон, еще до недавнего времени это понятие использовалось в отношении к литературе так называемого «третьего мира», особенно латиноамериканской и литературе Карибского бассейна, но сейчас рассматривается более широко и в других культурно маргинализованных контекстах. Характеристикой подобного типа пространств становится «сопротивление массивному империалистскому центру и тоталитарным системам» [20].

Тематический (структурный уровень) – это не только связь и отношение к истории, которая ус-

танавливает совместность двух типов дискурса, но и то, что мы могли бы назвать эксцентричностью. С позиции ценностного отношения постмодернистской парадигмы, маргинал (или Другой) признает, что не может обладать какими-либо привилегиями без дозволения на их наличие со стороны централизованной структуры власти. Регионализм «магического реализма» является в данном контексте хорошим примером оспаривания не только централизации, но и утверждения универсальности. Постмодернизм характеризуется как «мысль, отказывающаяся развернуть Другого по отношению к самому себе» [21] и это, безусловно, имеет значение для постколониализма. Несмотря на формальные и тематические блоки, упомянутые выше, существует и то, что может быть названо стратегическим и риторическим блоком: использование иронии в качестве двойного или расщепленного дискурса, имеющего тенденцию разрушения изнутри. Ирония как знак «расширения сферы применения постструктуралистских кодов, признаваемых западным обществом» [22], отражает суть семантической и структурной двойственности, вызывает дуализацию истории, сознания и идентичности, а ирония становится стратегией переосмысления и переадресации этих процессов в сферу человеческого мышления. Л. Хатчен считает, что критика всегда может быть соучастной, причем ирония играет в этом отношении главенствующую роль. По этой причине она не согласна с одним важным положением С. Дюринга, определяющего тактику постколониализма как «необходимость идентификации наций или групп, считающих себя жертвами империализма, согласно универсалистскому или европоцентрическому концепту и образу» [23], тем самым устраняя ироничность из процесса идентификации. Постколониальность в этом смысле становится более динамична и адекватна историческому и социокультурному контекстам.

В постколониальных текстах описывается «постмодернизация» вместо постмодернизма, «транснационализация» вместо фиксированных национально-этнических категорий. С. Дюринг объективирует возможность соразвития некоторых постколониальных обществ на основе их «постколонирующей» способности: она с необходимостью должна быть проработана человеческим сознанием до понимания «постколониальности» как процесса, совместного с идентификацией. Критерий процессуальности идентичности становится специфическим для переозначивания власти в постколониальном дискурсе. Во-первых, идентификация наделяет возможностью артикуляции чьи-либо культурные ценности без вовлечения в систему властных отношений, предоставляя им право на аутентичность. Во-вторых, исходя из неизбежности сочленения с властью (Э. Саид), все культуры равны без исключения (культурная идентичность стано-

вится автобиографией социума). В этом смысле постколониальная необходимость/желательность принадлежности или соответствия обладает «<...> почти родственной связью между возникающим в рамках постмодерна смыслом идентичности, рассматриваемым ее как возможность и причину подрыва и возвышения постколониальной чувствительности среди колонизированных» [24]. Налицо сходство мультикультурного смысла гетеротопии с характерной метафорой «постмодернистской чувствительности» и постмодернистского «различия», где общими принципами выступают сохранение самоидентичности и контекстуализация инаковости. В постколониальной теории основанием самоидентичности, как и в национализме, служит, прежде всего, язык. Вопрос языка для постколониализма является одновременно политизированным, культурным и литературным чисто в материалистическом плане самоопределения: выбор языка – это выбор идентичности. По словам Б. Андерсона, «конвергенция капиталистической системы и печатного дела повлияла на фатальное разнообразие человеческих языков, способствуя зарождению новой формы общества (воображаемого сообщества), ставшей прообразом современной нации» [25].

В экс-колониях Вест-Индии, Мавритании и Новой Зеландии национальным/родным языком является один из мировых языков – английский. Для постколониального проекта власть этой системы языка спроектирована заранее, а со стороны постмодерна, английский (мультинациональный язык капиталистической системы) заимствуется только теми доколониальными языками, которые сами обрекли себя на запоздалость развития. Подтверждением сказанного может послужить «Апокалипсис сегодня» С. Рушди. Нереализация языка и истории, триумф нормативности, пограничное состояние всех культур с его точки зрения и привели к кризису сознания/репрезентации/легитимации культурного развития.

Несмотря на усложненную теоретизацию, постколониализм – это не просто разновидность «политического постмодернизма». Это неослабевающее внимание к анализу стратегий разрыва наличного материала и его дискурсивного эффекта. Постмодернизм, является ли он логичным культурным базисом позднего капитализма (как утверждает Ф. Джеймисон) или нет, все же не претендует на роль фундамента повседневной жизни. Попытка замещения разнообразных форм проявления власти/знания постмодернистским пафосом привела к убежденности в том, что это всего лишь способ доказательства живучести европоцентризма. Столкновения Востока с Западом происходят, по мнению Ж.-Ф. Лиотара, отчасти из-за европейской космополитной природы, по причине которой все «дру-

гие», неосновные, вторые и третьи подвергаются (добровольно или вынужденно) универсализации по западному образцу и культурной унификации. В постколониальном прочтении заявленная объективность постмодернизма приобретает форму сугубо субъективной интерпретации. Очевидно, что методологический анализ постколониализма и постмодернизма обретает свое единое прочтение – завершенность постмодернистского проекта в силу возрастания актуальности постколониальной теории с целью выхода за рамки теоретизирования в сферу эмпирического освоения реальности. Как утверждает Л. Хатчен, «историографический метауровень признает парадокс реальности прошлого, но его текстуализованная доступность сегодня не вызывает сомнения» [26].

Примечания

1. *Sarup M.* Identity, Culture and The Postmodern World. Edinburg University Press, 1996. P. 47.
2. *Hoffman L.* Exchanging voices: a collaborative approach to family therapy. L.: Karnac Books, 1993. P. 204.
3. *Said E.* Orientalism. N. Y.: Vintage Books, 1978. P. 2.
4. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 284.
5. Там же. С. 328.
6. *Said E.* Orientalism... P. 3.
7. Там же. С. 4.
8. *Kabn Joel S.* Culture, Multiculture, Postculture. L., 1995. P. 14.
9. *Jencks Ch.* Heteropolis: Los Angeles, The Riots and the Strange Beauty of Hetro-Architecture. L., 1993. P. 10.
10. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 69.
11. Там же. С. 71.
12. *Harvey D.* The Condition of Postmodernity: an Enquiry into the Origin of Cultural Change. Cambridge University Press, 1989. P. 358.
13. Там же. С. 359.
14. *Гурко Е.* Деконструкция: тексты и интерпретация. Деррида Ж. Оставь это имя (Постскрипtum), Как избежать разговора: денегации. Минск, 2001. С. 115.
15. *Derrida J.* Dissemination. Chicago, 1981. P. 6.
16. Там же. С. 20.
17. *Глостанова М. В.* Проблема мультикультурализма и литература США конца XX в. М., 2000. С. 12.
18. *Hoffman L.* Exchanging voices... P. 204.
19. *Spivak G. Ch.* In other worlds: essays in cultural politics. N. Y., 1987. P. 202.
20. *Slemon S.* Magic Realism as Post-Colonial Discourse. L., 1988. P. 10.
21. *During S.* Post-modernism or Post-colonialism Today // Textual Practice. 1987. P. 33.
22. *Spivak G. Ch.* In other worlds... P. 157.
23. *During S.* Post-modernism... P. 33.
24. *Kabn Joel S.* Culture... P. 13.
25. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 49.
26. *Hutcheon L.* A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction. L.; N. Y., 1988. P. 14.

УДК 395(470.6)

А. Х. Шауцукова
М. А. Махотлова

ПРИРОДНО-ПРЕКРАСНОЕ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ АДЫГОВ

Статья «Природно-прекрасное в традиционной культуре адыгов» посвящена проблеме восприятия и оценки прекрасного в эстетической картине мира адыгов, чьим девизом могут послужить слова «истинное – прекрасно, прекрасное – полезно». Авторы статьи аргументированно доказывают: в оценке природы у адыга воедино слиты эстетическое и прагматическое, целесообразное и бесполезное, объективное и субъективное.

The article is dedicated to the problem of perception and appreciation of the beautiful in the aesthetic picture of Adyghe world, whose motto is “truth is beauty, beauty is useful”. The authors of the article prove that, when appraising nature, Adyghe merge the aesthetic and pragmatic, expedient and useless, objective and subjective.

Ключевые слова: природа, прекрасное, эстетическое, эпос «Нарты», Эльбрус, пейзаж, нарт санэ, адыгская картина мира, логика, рациональность.

Keywords: nature, the beautiful, the aesthetic, epos “The Narts”, the Elbrus, landscape, the nartsane, aesthetic picture of Adyghe world, logic, rationality.

Многие эстетики природы (основоположник географической эстетики А. Г. Гумбольдт, исследователи ландшафтной эстетики В. П. Семенов-Тянь-Шанский и А. Теттнер) отмечают, что эстетическое восприятие природы не замыкается чувственно-эмоциональной сферой, но несет определенный заряд интеллекта, когда красивое сопрягается с истинным и целесообразным. Сказанное как нельзя хорошо соответствует концепции природы природно-прекрасного в традиционной культуре адыгов, которая воспринимает как взаимосвязанные явления красоту и мудрость природных явлений и в эстетическом восприятии природных объектов соединяет сенсорный, интеллектуальный и аксиологический подходы.

Основной закон природы у адыга можно сформулировать следующим образом: истинное – красиво, красивое – полезно. Таким образом, эмоциональное прочно соединяется с рациональным, эстетическое – с прагматическим, целесообразное – с бесполезным, объективное – с субъективным, о чем говорит Аристотель: «...познание души много способствует познанию всякой истины, особенно же познанию природы» [1], а адыгская пословица гласит: «Великие мысли приходят от сердца».

В традиционном адыгском обществе взаимодействие человека и природы не носит чисто созерцательный характер, так как в нем не ограничивают-

ся созерцанием своего окружения, а активно его изменяют и преобразуют, тем не менее вслед за М. Пришвиным адыг бы сказал: «Природа – это я», так как он ощущает неразрывность, родство с миром вокруг себя, именно в стихии природных явлений формируется его чувство прекрасного. Ощущая себя частью мира, он познает себя, свое «я». Чувство природы, воспитываемое в нем с детства, связанное с любованием и ее преобразованием, есть, с одной стороны, способ общения между людьми, с другой – способ самовыражения личности, самооценки поступков человека, его эмоциональных переживаний, что рождает эстетические чувства.

В эпосе «Нарты» постоянно подчеркивается роль и место природы в формировании, воспитании будущего воина-богатыря. В сказании «Как Бadyноко сражался с чинтами» говорится: «Badyноко, выросший во мраке, не привык к дневному свету. Глазам его слабо больно. Он спросил: – Матушка, куда ты меня привела? Как называется это место? – Это место называется миром, – ответила мать. Мир прекрасен, а мы – его дети. Боль в глазах Badyноко утихла. Они хорошо видели во тьме, а дневной свет увеличил их зоркость. Высоко над собой сын Badyна увидел сияние, которое показалось ему чудесным. Он смотрел на него, не щурясь, и чувствовал, как грудь его наполняется счастьем. Он спросил, показывая пальцем: – Что это такое? – Это солнце, ответила мать. – Люди с чистыми сердцами кланутся его именем» [2]. Мать показывает витязю, как природа полна красотой, которую нужно увидеть и почувствовать, как ее надо ощутить всеми органами чувств, и только тогда возможна гармония между человеком и природой.

Древний адыг мог увидеть и прочувствовать красоту природы во всем – мельчайшем кристаллике легкой снежинки, чья симметрия и пропорция не укрылись от его глаз, капле росы, когда ранним утром она, сверкая, словно бриллиант на траве, создает явление радужного сияния, радуга, протянувшаяся, подобно коромыслу, после дождя, просто в свете, который имеет поэтическое звучание – «нур» (сияние).

Для нарта нур – это не только данность мироздания, но и эстетическое свойство природы, с которым у адыга ассоциируется представление об идеальной красоте мира, ясность, раскрывающая мир для зрения и познания, и вместе с тем нур – это сияние, горение, создающее окружение таинственности, волшебства и поэтичности материального мира, который есть то, что называется красотой. Сияние солнца, дающего жизнь всему, что находится на земле, яркий свет огня домашнего очага или кузницы, где хозяин – могучий нарт Тлепш – легко гнет раскаленный металл руками, передают свет всему, на что он падает:

Трудится в кузнице Тлепш,
Меч богатырский кует.
Нет у Тлепша клещей,
Уголь куричный – кизяк,
А наковальня – валун,
Жарко пылающий горн –
Утренняя заря [3].

Знали адыги и тайну света драгоценных металлов и камней, минералов. Особо любимый металл – серебро – прекрасно отражает все световые лучи в их первоначальном смещении в отличие от красно-желтого золота, которое поглощает световые лучи всех цветов падающего на него света и отражает только красный – эти свойства серебра, золота, драгоценных камней делали их предметами украшения и праздничного употребления адыгов.

Но не только свет может дарить яркое эстетическое впечатление. Особого разговора заслуживает тень, полумрак, отсутствие яркого света, ценного в адыгской эстетике. В традиционном адыгском доме, где небольшие окошки пропускают мало света, который, смешиваясь с огнем очага, образует удивительный, сказочный мир игры света и тени, все предметы обстановки, фигуры и лица людей, их движения приобретают волшебное, магическое значение.

Для адыгской культурной традиции свет и тень едины и гармоничны, они естественно переходят один в другой, имея свою индивидуальную эстетическую ценность. Когда в адыгские дома провели электрический свет, это вызвало у их обитателей двойственные чувства – с одной стороны, проблема освещения вечернего и ночного жилища решалась одним движением руки, что существенно облегчало практическую, прагматическую сторону жизни, экономя время, силы и средства. С другой стороны (об этом сохранилось много воспоминаний пожилых людей), интерьер стал голым, скудным, резким. Свет проник во все таинственные уголки дома, лишив его магической, трансцендентной составляющей домашнего уюта. Неторопливая беседа у живого пламени очага, бросающего таинственный свет и образующего причудливые тени на стенах и потолке, зыбкие, меняющиеся границы света и мрака, гармония, рожденная столкновением противоположностей, красота и мистика как данность этой игры – вот одно из самых сильных эстетических достоинств традиционного адыгского дома. При ярком свете предметы обихода, быта, интерьера теряют свои эстетические качества – самшитовая самодельная посуда, такая светлая и легкая в полумраке адыгского дома, на свету становится неуклюжей, примитивной, некрасивой. То же касается других вещей – деревянной тахты, самодельного шкафа или полок для посуды, железных щипцов для разгребания углей очага, даже простой металлический совок в пламене-

ющих отсветах очажного пламени приобретает изящество линий, строгость и правильность форм.

Вынужденные жить в доме, где света было не так много, предки адыгов открыли для себя прелесть полумрака и игры света и тени как эстетическую ценность.

Одна из самых любимых природных картин адыгов (об этом много сказано в мифологии и эпосе народа) – картина вечернего заката, когда особенно четко вырисовывались зубцы окружающих гор и на фоне вечернего неба залегали голубые тени, когда сливались и бледнели яркие цвета окружающего ландшафта, мягко изменяя свои очертания и наполняя мир таинственным, волшебным звучанием. С того момента, как таял снег, и до поры, пока не устанавливались морозы, мужчина-адыг отправлялся, как правило, в поход. Все свое время он проводил на природе, которая не только давала ему кров, пищу, предметы наезднического быта, но и щедро дарила красоту.

Особой любовью пользовалась у путешественников, часто отдыхающих под звездным небом, Венера, самая яркая звезда Солнечной системы, которая появлялась первой с наступлением сумерек, практически сразу после того, как солнце скрывалось за горизонтом. Эта планета, сияющая белым, величественным, блестящим светом, олицетворяла собой надежду, символизировала дом, встречу с родными и близкими.

В эпосе «Нарты» звезды и планеты указывают воинам путь во мгле, дарят веру в победу, утешают в горестный момент. Сатаней-гуаша, беспокоясь о судьбе своего сына Сосруко, ищет у небесных светил защиту и покровительство для него. Перед смертью Сосруко завещает:

Лишь земля зазеленеет,
Небосвод заголубеет,
И, шумя, помчатся воды,
Дайте мне семь дней свободы... [4]

В эпосе много раз говорится о том, как любит нарт Сосруко все живое в природе, и природа отвечает ему тем же: «С той поры каждый год, в тот весенний день, когда Сосруко закопали живым в землю, оживают животные, реки освобождаются от ледяных оков, пробуждаются травы, тянутся к свету земли. И когда он вспоминает землю, которую он так любил, силы его удесятерятся, он рвется вверх, на свет, но не может сквозь подземную толщу пробиться туда, где все растет и обновляется, – и невольно льются слезы из его глаз. Родники, бьющие из подножья Горы Счастья, – это горячие слезы Сосруко» [5].

Под Горой Счастья подразумевается Эльбрус – величайшая гора Европы и одна из самых красивых гор в мире. Устное народное творчество адыгов буквально пересыпано упоминанием об Эльбрусе, обращениями к нему, восхищением его сияющими вершинами, почитанием Ошхамахо, что в

переводе означает «Гора счастья». Красота этой двуглавой вершины не только доставляла эстетическое удовольствие адыгам, но и поддерживала их физическое и психическое здоровье, являясь мощным фактором культурно-нравственного воспитания, развития творческой активности.

Пейзажное разнообразие Эльбруса, его склонов и подножья – яркая, визуально разнообразная картина, создаваемая множеством контрастных элементов, достигаемая эффектом сопряжения разных типов ландшафта, образуемых льдами и снегами, зеленой растительностью, голубыми ручейками, различными камнями и минералами, хвойными деревьями и цветущими кустарниками – не могло оставить равнодушным того, кто эту красоту видел ежедневно. Цветовая гамма Приэльбрусья, сочетающая все мыслимые оттенки, имела большое значение для восприятия аспектов пейзажа, в котором значительную роль играли цветные выражения, выступающие в качестве «фигуры на фоне».

Не менее важную роль играло пейзажно-композиционное устройство, сочетающее линии гор, лесистой части, глаза озер и рек, характеризующихся многоплановостью и вариативностью, в которых символическим объектом, особо примечательным природным образованием, выступающим в качестве визуальной доминанты, выявлялись восточная и западная вершина Эльбруса. Если добавить к сказанному резко расчлененный рельеф, значительную активность геоморфологических процессов, богатую геологическую историю, ярко выраженную инсоляционную экспозиционность склонов, мозаичность и контрастность подножья, образующих вкупе со сказанным особую природно-пространственную зону, можно понять, почему Эльбрус воплощает у адыгов идеал прекрасного в природе.

С Эльбрусом связаны и другие легенды, сказки, пословицы, поговорки, песни, героические сказания адыгов. Великолепная симфония заснеженных кавказских вершин, бескрайних лугов, горных рек, водопадов, бесчисленных пещер послужили для многих чудесным воздухом, животворящим и пьянящим, насыщенным озоном в хвойных лесах и альпийских высокогорных лугах, природой, сохранившей первозданную красоту и чистоту, обладающей магической силой, мощным энергетическим импульсом, дающим радость жизни, бытия, создали замечательные произведения.

Тех, кто бывал в этих местах, восхищает панорама горных хребтов и долин, которые можно наблюдать с головокружительной высоты; у ног путешественника лежит загадочная, малоисследованная глубина пещер, в которых, по мнению специалистов, отсутствуют болезнетворные микробы, где дышится легко и свободно, где фантазия природы не имеет границ в создании кружевных колонных залов.

Поражает богатство растительного мира, в котором смешались хвойные и лиственные леса, здесь можно встретить толстые ветки дикого наскального винограда, здесь настоящий фруктово-ягодный рай, который дополняет обилие лекарственных, экологически чистых трав, ягод и грибов; из растений выделяется особо рододендрон кавказский, который не растет больше нигде в мире, он цветет летом прекрасными розовато-красноватыми или белыми цветами. Нарзановые источники, пенясь и журча, бьют из-под земли, переливаясь всеми цветами радуги; слово «нарзан» своим происхождением обязано адыгскому «нарт санэ», то есть напиток нартов-богатырей.

В эпосе «Нарты» говорится о том, что нарт санэ возвращал здоровье, красоту и молодость тем, кто его пил, давал богатырскую силу воинам, идущим в поход, и делал женщин прекрасными. Кто пьет нарзан, то живет семь жизней, говорят адыги. Аристотель утверждал: воды таковы, как земли, через которые они проходят, а известный русский естествоиспытатель Н. С. Паллас, обследовав в 1793 г. нарзанный источник на Кавказе, писал: «Только что зачерпнутая вода выделяет из себя с шипением, подобно лучшему шампанскому, большое количество маленьких воздушных шариков... Она щиплет язык, ударяет в нос и, наконец, делается совершенно светлою. Вода эта шипит со всеми винами. Можно без отвращения и вреда пить ее столько, сколько захочешь» [6].

Согласно мифам Древней Греции, курс минеральных ванн на Кавказе принял Геркулес перед тем, как сразиться с орлом, истерзавшим Прометея. Согласно другой легенде, Александр Македонский просил грузинского царя разрешить царице амазонок, которая никак не могла подарить ему сына, купаться в нарзанных озерах. Зимой же в ущельях царило снежное королевство, бастионы из льда и огромных сосул, как живой чистейший орган, сверкали подобно огромным бриллиантам, вода, пульсируя в ледяных лабиринтах, издавала звуки разной тональности, водопады, прекрасно вспененные и парящие в воздухе, напоминали драгоценные камни застывшего водного крошева, будто ажурные белоснежные кружева, усеянные драгоценностями.

Адыгская картина мира соединяет разные подходы в своей трактовке прекрасного в природе. С одной стороны, в этнической культуре природа – образец и идеал, имеющий самодостаточное значение, отсюда – различные культы животных и растений, и это не сводится исключительно к религиозно-магической составляющей, так как прагматизмом и задабриванием высших, неведомых сил никак нельзя объяснить то трепетное, олицетворяющее отношение в традиционной культуре к миру живой и неживой природы.

С другой стороны, человек – активный творец и преобразователь природы – он создает новые сорта растений и новые виды животных, он сажает сады и осушает болота, он занимается агрокультурой не только для физиологического выживания, но и ориентируется на определенные эстетические установки. Даже такие вечные и универсальные ценности, как жизнь и смерть, подчиняются этим законам. К примеру, ритуал похорон, как у большинства народов, у адыгов связан с демонстрацией горя и оплакиванием безвозвратно умершего. Но если покойный погиб от удара молнии, считалось, что умершему оказана высшая милость – его не только не оплакивали, но и хоронили с песнями, устраивая не поминальную тризну, а веселый праздник.

Подводя итог, можно сказать, что эстетическое воздействие на человека, несомненно, запечатлено в традиционной культуре адыгов, но оно строится не на случайных эмоциональных впечатлениях, хотя, безусловно, существующая гармония природно-прекрасного, его ритм и лиризм, его величие и спокойствие, его разнообразие не могут не вызвать в человеке гедонистические чувства. Эстетика природы в адыгской картине мира рациональна, имеет свою четкую логическую конструкцию, свои выработанные закономерности, свои категории и принципы.

Примечания

1. *Аристотель*. Собрание сочинений. Т. 2. С. 84.
2. Нарты. Кабардинский эпос. М., 1957. С. 159.
3. Там же. С. 323.
4. Там же. С. 147.
5. Там же. С. 146.
6. Цит. по кн. «Кавказ глазами путешественников». М., 2008. С. 204.

УДК 7(477)(092)

В. А. Васильев

А. А. КОКЕЛЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ УКРАИНЫ в 10–20-е гг. XX в.*

В статье рассматривается вклад А. А. Кокеля в культуру Украины в сложную переходную эпоху первой четверти XX в. Раскрывается его роль в становлении харьковской школы академического рисунка, создании литературно-художественного общества «Союз искусств», высшего художественного образования.

The article considers the unknown period of A. A. Kokel's life and the significance of his paintings for the Ukraine's culture in the early 20 century. A. A. Kokel's artistic activity is examined within the framework of the literary and arts circle "Social Arts" functioning at that time.

Ключевые слова: культура, национальное возрождение, наследие, художник, творчество, изобразительное искусство, основоположник.

Keywords: culture, national revival, national art, he-ritage, artist, creative work, visual arts, founder.

10–20-е гг. прошлого столетия на Украине, как отмечает академик и вице-президент Национальной академии наук Украины В. М. Литвин, «характеризуются термином «национальное возрождение» и наиболее ярко иллюстрируются великими достижениями в сфере литературы и искусства». В числе возрождавших нацию ученых и политик называет художников старшего поколения – М. Л. Бойчука, И. С. Ижакевича, Ф. Г. Кричевского, К. Д. Трохименко, моложе возрастом – А. А. Кокеля, В. И. Касияна, А. Г. Петрицкого [1], принадлежащих к разным национальностям и культурам. В этой славной плеяде назван и чуваш, основоположник чувашского профессионального изобразительного искусства А. А. Кокель. Судьбу выдающегося живописца, виртуозного рисовальщика, замечательного педагога, создавшего собственную педагогическую систему и взрастившего целую плеяду прекрасных мастеров изобразительного искусства первой половины XX в., известный русский публицист и поэт А. В. Жиркевич сравнит с историей «архангельского мужика» Михайлы Ломоносова и скажет: «Сказка вроде Ломоносовской» [2].

Алексей Афанасьевич (Афанасьев) КОКЕЛЬ родился 13 марта (1 марта по старому стилю) 1880 г. в селе Тарханы Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Батыревского района Чувашской Республики) в семье чувашского крестьянина, учился в Тарханском сельском начальном учи-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ 10-04-22409 а/В

лице с большим интересом и любознательностью, по всем предметам успевал на «отлично». Его звонкий голос в хоре местной церкви вызывал восхищение. Однако «на третьем году посещения школы жестоко простудился и заболел костным туберкулезом» [3].

Спасла его от верной гибели лишь помощь, подоспевшая из столицы России, – студентки Петербургского женского медицинского института Анна Виноградова и родственница управляющего Тарханским лесным удельным имением В. Ю. Раубе Мария Варганова [4]. «Меня показали им как больного, – пишет в “Автобиографии” А. А. Кокель. – К этому времени у меня было пять открытых ран (язв). Был приглашен также и земский врач, до сих пор лечивший меня <...>. Стены черной избы, в которой протекало мое детство, были до отказа увешаны моими работами, которые служили образцами для заказчиков» [5]. Девушки были потрясены прекрасными работами тяжело больного юноши и, не сдерживая своего восхищения, называли его «чувашиком Рафаэлем». Они убедили семью В. Ю. Раубе в необходимости спасения юного дарования и 17 октября 1899 г. в сопровождении матери Раубе К. С. Свенторжецкой он отправляется в Петербург, где лучшие врачи излечили его от смертельной болезни.

Возможно, спасительным чудом стал и Всевышний, образ которого тяжело больной юноша писал на иконах для жителей окрестных чувашских, русских и мордовских деревень.

После выздоровления Алексея жена В. Ю. Раубе – Мария Вячеславовна, художник-любитель, через Н. П. Ротаст знакомит с художественными опытами Алексея, выполненными под ее руководством, видного русского живописца, недавнего ректора Высшего художественного училища Петербургской Академии художеств В. Е. Маковского. Мастер был в восхищении от рисунков самобытного таланта и помог ему поступить в Петербургскую Академию художеств вольнослушателем. Так большая мечта чувашского крестьянина о счастливом исходе сложной хирургической операции, а затем учебе в Академии исполнилась.

Здесь талантливый самородок был любовно воспитован В. Е. Маковским, И. Е. Репиным, П. П. Чистяковым, Н. Д. Кардовским. Соучениками А. А. Кокеля были ставшие впоследствии не просто именитыми, а великими художниками И. И. Бродский, Л. А. Бруни, М. Б. Греков, Б. Д. Григорьев, Е. Г. Гуро, А. В. Лентулов, Н. И. Фешин, П. Н. Филонов, М. З. Шагал, В. И. Шухаев, А. Е. Яковлев. Эти имена Учителей и Учеников ярко раскрывают непревзойденную творческую среду великой русской художественной культуры, взрастившей талант.

Окончив в 1912 г. Петербургскую Академию художеств с отличием, он для совершенствования мастерства по индивидуальной программе был на-

правлен в пенсионерскую поездку во Францию, в Германию и Италию.

Его дипломной работой явилась картина «Чайная», которая была воспринята как событие художественной жизни России, она стала символом нового направления в изобразительном искусстве. Репин писал: «Вспоминается только <...> с **большой силой** полотно того художника (А. Кокеля), который написал картину “Чайная”, в ней есть **оригинальность и типичность**» (выделено автором. – В. В.) [6]. В числе избранных произведений лучших русских художников в 1913 г. – в год 300-летия царствующего дома Романовых, она экспонировалась на XI международной художественной выставке в Мюнхене.

Среди посетителей выставки нерусская фамилия Кокель русского художника внесла некоторую интригу. Ее разгадку начали искать в аристократических корнях немецких баронов von Kokel auf Grosskokelburg in Sibenburg, а ярким мастером оказался... выходец из крестьян, к тому же чуваш.

В 1914 г. «Чайная» «переедет» в Венецию на Всемирную художественную выставку и так же, как и в Мюнхене, будет пользоваться большим успехом.

Известно, что И. Е. Репин всем сердцем стремился к созданию на Украине лучшей художественной школы. С этой целью он намеревался основать у себя на родине в Чугуеве (неподалеку от Харькова) своеобразную творческую академию, которую именовал «Деловым двором». Однако харьковская художественная школа в то время представляла собой невысокий профессиональный уровень. Подтверждение тому – постановление Совета Петербургской Академии художеств, принятое в 1910 г., в котором отмечалось: «Не замечается никакой перемены в сравнении с прошлым годом. Ни в каком отношении школа не шагнула вперед.<...> Неподготовленность видна особенно в работах натурного класса как рисовального, так и живописного» [7].

Еще критичнее оценивал положение И. Е. Репин: «Там все еще **продолжается хронический дилетантизм** (выделено автором. – В. В.), разведенный слишком 30 лет назад Шрейдером» [8].

Излечение застарелой болезни – «хронического дилетантизма» – И. Е. Репин видел в одаренных выпускниках Петербургской Академии художеств, поэтому он рекомендует совету Харьковского художественного училища избрать с 1 января 1916 г. преподавателем своего талантливого ученика А. А. Кокеля.

С этого времени его имя, получившее мировую известность, неразрывно связано с изобразительным искусством Украины и становится символом плодотворного взаимодействия русской и украинской культур.

Культурологическую картину художественной жизни Украины 10-х гг. прошлого столетия невоз-

можно рассматривать без «Товарищества харьковских художников», созданного в 1905 году. 6 октября 1911 г. был утвержден его новый устав, предусматривающий содействовать «1) объединению художников Харькова и Харьковской губернии; 2) возможности членам товарищества и экспонентам знакомить общество со своими произведениями с целью развития в обществе понимания искусства и любви к нему» [9]. После приезда в Харьков А. А. Кокель сразу вступает в «Товарищество», однако остается неудовлетворенным его вялой деятельностью.

Это во многом было связано с немногочисленностью объединения и тем, что в него входили, как указывает А. А. Кокель, исключительно художники. Поэтому А. А. Кокель вместе с группой видных живописцев, в которую вошли А. М. Любимов, Н. Р. Саввин, Б. В. Порай-Кошиц, Л. И. Тракал, Э. А. Штейнберг и архитектор В. Н. Покровский, решили объединить все творческие силы Харькова и основать литературно-художественное общество «Союз искусств».

16 апреля 1917 г. инициаторы от своего имени разослали изготовленное типографским способом приглашение, которое мы нашли в деле, хранящемся в фондах Харьковского исторического музея. В нем сообщалось: «Группа художников приглашает Вас принять участие в учреждении в Харькове Общества “Союз искусств”, имеющего задачей объединение деятелей всех искусств для взаимного общения, для совместной работы, для взаимопомощи и для распространения художественного просвещения».

В случае Вашего сочувствия этой идее просят Вас пожаловать на собрание для обсуждения устава общества в помещении Художественного Училища (Каплуновская, 8) 20 апреля с. г. в 8 часов вечера» [10].

Так началась деятельность литературно-художественного общества «Союз искусств», которое объединило около 200 деятелей литературы, театра, изобразительного искусства и архитектуры. Вошли в его состав также члены Харьковского товарищества художников, «Художественного цеха», «Союза семи» и других группировок. Новое объединение ставило своей целью «приобщение к жизни искусства самых широких слоев общества и изыскание путей для проведения искусства в жизнь народа». Председателем правления был избран директор Харьковского художественного училища, ученик И. Е. Репина А. М. Любимов.

А. А. Кокель впоследствии будет вспоминать: «В “Союз искусств” влился архитекторы, музыканты и поэты, и помещался он в здании училища. На собранные средства – членские взносы – устраивались платные вечера, художественные выставки. Общество имело свою художественную библиотеку, рояль, который вы и сейчас (в 1950 г. –

В. В.) видите у нас в зале, полотно для устройства выставок» [11].

Вечера, которые устраивались 1–2 раза в год, стали одной из ярких харьковских страниц культуры Серебряного века. На них выступали поэты, артисты, музыканты Харькова, Петербурга и Москвы. Здесь читались лекции на самые различные темы, проводились дискуссии. Для желающих рисовать ставились в классе натуры, в зале раздвигали длинные столы, на которых лежали художественные журналы, книги, монографии и альбомы для зарисовок и шаржа. Для педагогов с учащимися по субботам еженедельно проводились отдельные вечера.

«Союз» организовал несколько цеховых мастерских и взял на себя управление городским музеем. Значительное место в его деятельности отводилось показу достижений мастеров изобразительного искусства Харькова. С этой целью 7 мая 1918 г. в помещении Художественного училища открылась Первая выставка картин «Союза искусств», в которой участвовали Г. А. Бабаев, В. В. Бобрицкий, Л. П. Гертик, А. Н. Грот, М. И. Дашкевич, К. И. Ершова, И. С. Загоскин, А. И. Заярный, Н. К. Перов, А. И. Перова, Б. В. Порай-Кошиц, Н. Р. Саввин, В. Н. Светличный, А. К. Симонов, А. И. Титов, А. И. Финогенов, Г. А. Цапок, Б. Цибис и др. Ее организатор А. А. Кокель выставляет картины «Итальянка» (уголь и сангина), «Бабушка, вяжущая чулки» (масло), «Виды Святогорского монастыря» и 9 акварелей. На выставке была развернута обширная посмертная экспозиция картин известного украинского художника П. А. Левченко.

Общее количество экспонатов составило 1200 работ. Выставка широко освещалась в печати и вызвала острую дискуссию [12].

Общество претендовало на монопольное положение в культурной сфере. Свидетельство тому опубликованное в начале 1919 г. следующее заявление: «Правление “Союза” считает необходимым предоставление “Союзу искусств” руководящей роли в художественной жизни Харькова, которая не должна зависеть от каких-либо случайных малочисленных односторонних организаций, для чего “Союз” должен быть надлежащим образом представлен во всех учреждениях, так или иначе относящихся к деятельности в области искусства. “Союз” с готовностью примет участие в культурных начинаниях народа, но под контролем и материальном содействии народных властей». Деятельность союза прекратилась весной 1919 г. [13]

Роль А. А. Кокеля в становлении и деятельном функционировании «Союза искусств», на наш взгляд, незаслуженно принижена. В книге-справочнике «Золотой век художественных объединений в России и СССР» о нем упомянуто лишь вскользь, да и то под несуществующей фамилией «Копель». Архивные документы, впервые выявлен-

ные и изученные нами, напротив, убедительно свидетельствуют о том, что одно из заметных художественных объединений того времени – литературно-художественное общество «Союз искусств» – было создано и активно действовало во многом благодаря его усилиям.

Начало 40-летнего украинского (харьковского) этапа творчества, педагогической и общественной деятельности мастера пришлось на 20-е гг. прошлого столетия. Именно в эти десятилетия его живопись определяет собою ведущие стилевые и содержательные особенности реализма в украинском изобразительном искусстве, а сама личность Кокеля пользуется непререкаемым авторитетом в широких художественных кругах.

А. А. Кокель, чуваш по национальности, явился одним из создателей высшего художественного образования на Украине, основателем харьковской школы академического рисунка. Зарождение и развитие украинского авангарда, советской станковой картины и плаката на Украине – также его заслуга. Он стал организатором Ассоциации художников Червонной Украины, основы Союза Советских художников Украины (с 1990 г. Национальный Союз художников Украины. – В. В.).

Прошли годы, десятилетия и, к великому сожалению, имя его, как и имена некоторых талантливых художников, которыми была богата и по праву гордилась русская земля, оказалось в забвении. Наша статья раскрывает малоизвестные страницы художественной культуры Украины, связанные с значительным вкладом А. А. Кокеля в «национальное возрождение» Украины, и возвращает, тем самым, его богатое творческое и духовное наследие современникам.

Примечания

1. Литвин В. М. Культурне життя // www.litvin-v.org.ua.
2. Жифкевич А. А. Мои встречи с И. Яковлевым. Из дневника за 1916–1924 годы. Чебоксары: Руссика, 1998. С. 63.
3. Харьковский исторический музей. Личный фонд А. А. Кокеля. Автобиография Кокеля Алексея Афанасьевича, художника, проф.[ессора] живописи Харьковского художественного института. Завершена 2 февраля 1950 г. Рукопись. С. 1.
4. Летом 1899 г. Поволжье постигло страшное народное бедствие – засуха. В Тарханах, как и повсюду, умирали и стар и мал, пал весь домашний скот. На борьбу с эпидемиями были посланы и студенты медицинских институтов, в числе которых были и А. Виноградова, М. Варганова. В это ужасное время болезнь А. А. Кокеля обострилась.
5. ХИМ, Указ. соч. С. 2–3.
6. Вечернее время. СПб. 1912. Ноябрь. № 146(47). С. 12.
7. Отчет о деятельности Императорской Академии художеств за 1910 год. СПб., 1911. С. 27.
8. Бродский И. А., Москвинов В. Н. Новое о Репине. Статьи и письма художника. Воспоминания уче-

ников и друзей. Публикации. А.: Художник РСФСР, 1969. С. 232.

9. Золотой век художественных объединений в России и СССР / сост. Д. Я. Северюхин, О. Л. Лейкинд. СПб.: Изд-во Чернышова, 1992. С. 306.

10. ХИМ, Указ. соч. С. 14.

11. Там же. С. 15.

12. См.: 1-я выставка картин «Союза искусств» // Наш Юг. 1918. № 54. С. 3; Шустер Ф. Ф. Выставка союза искусств // Вечерний телеграф. 1918. № 42. С. 4; Художник о выставке «Союза искусств» // Мысль народа. 1918. № 16. С. 4.

13. Золотой век. Указ. соч. С. 277–278.

УДК 316.61

В. А. Спирин, А. А. Стародумов

ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В настоящей статье феномен потребления анализируется в свете культуролого-антропологических представлений о потребностях. Ключевым для современного социума является понимание потребности как стремления к обладанию в избытке, находящее свое выражение в такой модели потребления, как избыточная демонстративная трата – стремление к приобретению «статусных» вещей, объектов престижа. Стимулирование аудитории к прогрессирующему приобретению и потреблению осуществляется благодаря ее симулятивному вовлечению в процесс серийного производства материальных и культурных благ.

In this paper, consumption is analyzed as a cultural-anthropological phenomenon, with different concepts of “needs” in view. The main contemporary idea concerning needs is their interpretation as desire for excess, expressed in such a consumption model as a redundant demonstrative expenditure, i.e. an urge to obtain the prestige objects. The audience stimulation to purchase and consume more and more is inseparable from the consumer inclusion in a serial production of goods and services.

Ключевые слова: культурная антропология, потребление, потребность, престиж, символический обмен.

Keywords: cultural anthropology, consumption, need, prestige, symbolic exchange.

Сложившаяся во второй половине прошлого столетия цивилизационная модель, которая получила название «общества потребления» и легла в основу идеологий подавляющего большинства развитых стран, во многом стала источником кризисных явлений, которые сопровождали первое десятилетие XXI в. Наряду с кризисом экономическим, затронувшим в основном материальный аспект существования человека, отчетливо проявляется и кризис идеолого-мировоззренческий, свя-

© Спирин В. А., Стародумов А. А., 2009

занный с модификацией культурных и коммуникационных координат социума.

Ментальное воплощение «общества потребления», массовая культура, во многом зиждется на тех же предпосылках, что и идеология «свободного рынка» (в том варианте, в котором ее представляли «новые правые» и неоконсерваторы в 1980-е гг.), а именно: свободная инициатива, «критическое» отношение к устоявшимся канонам и клише, экономическая востребованность как сущностная характеристика того или иного объекта или аспекта бытия человека, их опосредованная (медиатизированная) узнаваемость. Однако постоянно декларируемая защитниками массовой культуры (к ним, хотя и с некоторыми оговорками, можно отнести французских «Новых философов», североамериканский «неопрагматизм» и, особенно, адептов киберкультуры) свобода мироотношения и самовыражения отнюдь не означает полного отсутствия идеологии. Еще в 30-е гг., когда впервые серьезно заявляет о себе производство «культурных благ» в форме кино- и музыкальной индустрии, Б. Брехтом и В. Беньямином была предпринята попытка анализа имплицитных идеологем, на которых основывается и которые предлагает обществу массовое производство культурных благ. Целью данной публикации является систематизация подходов, которые сложились к настоящему моменту в гуманитарном знании (культурологии и антропологии) для анализа и характеристики феномена потребления как в традиционных культурах, так и в современном обществе.

Характеристика потребления в обыденном, равно как и сциентистски-ориентированном, критическом сознании осуществляется на основании культурно- и идеологически-детерминированных категорий «достаточного» и «избыточного», которые формируют своеобразный «социальный дискурс, остающийся по большей части бессознательным» [1]. При этом категория избыточного, отражающая демонстративное потребление благ, является основой социальной дифференциации, символическим атрибутом власти, отличительной чертой господствующего сословия или правящего класса и в «примитивных» культурах, и в современном обществе [2].

В доиндустриальную эпоху, особенно в Средние века, изобилие материальных благ являлось одним из воплощений щедрости Бога; потребности человека, таким образом, должны были соотноситься с наличным количеством потребляемых ресурсов. Всякая техническая новинка, которая в той или иной степени облегчала человеческий труд, зачастую рассматривалась как попытка обмануть Провидение; избыток благ или товаров, вне зависимости от того, был ли он следствием усердного труда или благоприятного стечения обстоятельств, подлежал раздаче бедным – существовали специальные «обеты благотворительности», обязывав-

шие высшие сословия заботиться о наиболее обездоленных. Как замечает современный французский историк-медиевист Ж. Ле Гофф, «совокупность технических недостатков, трудностей, узких мест – вот что прежде всего держало Запад в примитивном состоянии. Совершенно очевидно, что в широком плане ответственность за эту бедность и технический застой нужно возложить на социальные структуры и ментальные установки» [3]. Несмотря на обилие технических приспособлений, доставшихся в наследство от Античности или заимствованных с арабского Востока, крайне ничтожное их число получало распространение в повседневном быту. «Не существует, вне всяких сомнений, иной сферы средневековой жизни, нежели техническая, в которой с такой антипрогрессивной силой действовала бы другая черта ментальности: отвращение к “новшествам”. Здесь еще в большей мере, чем в прочих, нововведение представлялось чудовищным грехом. Оно подвергало опасности экономическое, социальное и духовное равновесие... В течение долгого времени на средневековом Западе не было написано ни одного трактата по технике; эти вещи казались недостойными пера или же они раскрывали некий секрет, который не следовало бы передавать» [4]. Установка на брэнность дольного мира, несущественность материальных благ способствовала тому, что количество наличных денег, на которые можно было приобрести эти самые блага и предметы роскоши, было крайне незначительным.

С зарождением и становлением буржуазного общества картина меняется: в XVI–XVII вв., в особенности в тех странах Европы, в которых доминировали протестантские конфессии, за субъектом экономической деятельности признается право производить столько материальных благ, сколько он способен произвести (доктрина «прощения через труд»). Ограничения из сферы производства переходят в сферу потребления – предосудительно теперь *не много производить, но много тратить*, и наиболее явно идеологию труда ради избыточного накопления демонстрирует кальвинизм – одно из направлений внутри протестантизма, названное по имени своего основателя Ж. Кальвина (XVI в.).

Основой доктрины Кальвина является учение о предопределении, который в своей работе «О граде божием» развивал в V в. Августин. Суть этого учения проста: если Бог всеведущ и знает все будущее до скончания веков, то он уже предугадал появление спасенных и мысленно отделил их от грешников. Следовательно – хотя Августин этого вывода в явной форме и не делает – судьба любого человека уже предопределена, и все его поступки обусловлены необходимым ходом истории, подчиняющейся воле Бога. Опасность этой доктрины для официальной церкви очевидна: если все

уже предопределено, не имеет никакого смысла добродетельная жизнь – все равно грешникам уже предначертано гореть в аду, а избранным спастись. Примечательно, что едва ли не первым еретиком, осужденным католической церковью в период раннего Средневековья был именно сторонник августиновского учения о предопределении – монах Готшалк (VIII в.), проповедовавший его простым смертным [5]. И с подобного рода еретическими взглядами католическая церковь будет вынуждена бороться на протяжении всех Средних веков, вплоть до появления в XVI в. протестантизма, в котором учение о предопределении станет одним из базовых идеологических постулатов. Кальвин писал по поводу свободной воли следующее: «Человек обладает свободной волей, но не потому, что у него есть свобода выбора между добром и злом, а потому, что он поступает по своей воле, а не по принуждению». И далее, опираясь на текст Августина, он поясняет: «Вместе с тем св. Августин признает, что вне присутствия Божьего Духа воля человека не свободна... Также, что свободная воля – пленница и не в состоянии делать добро. Также, что она не станет свободной, пока не освободит ее милость Бога» [6].

Однако учение Кальвина об «абсолютном предопределении» не предрасполагает, как может показаться, человека к фаталистической покорности судьбе, поскольку человеку не дано знать, предопределен ли он Богом к спасению или осуждению. Верующий должен быть *уверен* в том, что он является «божьим избранныком», и доказать это своей жизнью и деятельностью. Но так как Бог непосредственно не вмешивается в законы созданного им мира, то показателем предызбранности человека становится успех его деятельности. Таким образом, религиозное оправдание получали денежное накопление и экономическая деятельность вообще, ибо успех рассматривается Кальвином как показатель предначертанного спасения. Кальвинизм был первой религиозной христианской доктриной, которая оправдывала необходимость накопления капитала и рассматривала эксплуатацию как вполне допустимую с точки зрения религии [7]. Однако показное, демонстративное потребление и использование накопленных благ еще остается социальным табу – в нем религиозным протестантским мыслителям все-таки видится нечто предосудительное. В американской культуре лишь в конце XIX – начале XX в. намечается определенная тенденция к аристократизации и роскоши [8].

После того как капитализм прошел первый период своего развития и вступил в фазу индустриальной революции, фабричного производства (XVIII–XIX вв.), европейцы впервые столкнулись со зримым обилием материальных благ и объектов потребления – серийно произведенных товаров. К

концу XVIII в. в европейской экономической мысли наметились два основных подхода, в рамках которых предлагалось решение проблемы о том, откуда в экономике берется *избыток* материальных благ и их символического эквивалента – денег. Представители течения физиократов во многом являлись наследниками религиозных средневековых и ренессансных воззрений на природу достатка и прибыли – конечным источником материальных благ и денег является производительность земли, главного естественного ресурса. По милости природы я могу иметь некие продукты, которые являются для меня *благом*: например, плод, который я срываю с дерева и ем, дабы утолить голод. Если у меня возникает избыток этих благ, т. е. их количество превышает то, что нужно в данный момент мне, то блага переходят в категорию «богатства»: я могу использовать их для накопления или обмена. Основоположник школы физиократов Кенэ заявлял: «Воздух, которым мы дышим, воду, которую мы черпаем в реке, и все другие блага, находящиеся в изобилии и предоставленные всем людям, исключены из торговых отношений: это блага, но не богатства» [9]. Цель же обмена богатствами состоит в распределении излишков между теми, кто испытывает нужду, потребность в этих богатствах. Следовательно, благо обладает статусом богатства лишь до тех пор, пока способно обмениваться. «Цель обмена есть пользование, потребление, так что торговлю в целом можно определить как обмен полезных вещей, приводящий их к распределению среди потребителей». Таким образом, основанием теории физиократов является постулат о потребностях как стремлении к достатку, лежащих в основе эквивалентного обмена одних товаров или богатств на другие [10].

Их противники, утилитаристы, считали основой товарного и денежного обмена изначальные различия в востребованности того или иного товара: в зависимости от ситуации один и тот же объект может иметь различную стоимость – экономический обмен запускает большая необходимость в одном материальном ресурсе по сравнению со всеми другими. «Предположим самую примитивную ситуацию обмена: одному человеку – у него есть только кукуруза или зерно, противостоит другой – у него есть только вино и дрова. Еще нет никакой установленной эквивалентности, никакой цены... Оба партнера могут прекрасно обходиться без обмена; но каждый может в равной степени считать, что часть товара другого была бы ему более полезной, чем часть его собственного... Один и другой устанавливают – причтем каждый для себя, следовательно, согласно особому расчету – минимальное неравенство: столько-то мер кукурузы, которой у меня нет, говорит один, будут стоить для меня немного больше, чем столько-то мер моих дров. Такое-то количество дров, говорит другой,

для меня будут стоить дороже, чем столько-то кукурузы. Эти два оценочных неравенства определяют для каждого относительную стоимость, которую он придает тому, чем он обладает, и тому, чего он не имеет» [11]. Таким образом, для одного человека что-то должно быть более желательным, чем другое – и это более желательное стимулирует стремление к нему как *находящемуся в избытке*.

В XX в., с появлением психологических концепций человеческих потребностей, обозначенная выше дилемма в объяснении их происхождения сохраняется. Концепция «естественных потребностей», потребления как «стремления к достатку», характерная для воззрений физиократов и во многом имплицитно обусловленная религиозной, протестантской моралью, находит свое выражение в иерархии потребностей А. Маслоу (1943). Основой человеческого поведения, мотивами выступают неудовлетворенные потребности, ранжированные от низших, биологических, и потребности в безопасности, до «духовных», высшая из которых – потребность в самореализации (т. н. «пирамида Маслоу»). При этом предполагается, что при достижении объекта желания само это желание оказывается удовлетворенным. «Человеческие потребности располагаются в виде иерархии. Иными словами, появлению одной потребности обычно предшествует удовлетворение другой, более насущной. Человек – это животное, постоянно испытывающее те или иные желания» [12]. Маслоу описывает пять уровней, которые он именуется базовыми потребностями. К ним он относит физиологические нужды, потребность в безопасности, потребность в любви, потребность в удовлетворении чувства собственного достоинства и самую высшую – потребность в самоактуализации. Таким образом, в концепции Маслоу потребность рассматривается как стремление к достатку – как только она удовлетворена, индивид имеет возможность перейти к осуществлению потребности более высокого ранга [13]. По существу, движущая сила исканий американского психолога – это социальный оптимизм, уверенность в изначальной склонности человека к добру, из-за чего его теоретическую установку часто называют «гуманистической психологией».

Маслоу допускал, что, помимо пяти названных основных уровней потребностей, могут существовать и эстетические потребности – и это оказывает существенное и негативное влияние на ценность его теоретических построений. Ведь в современном обществе именно «эстетические потребности», пусть в упрощенном и клишированном варианте, лежат в основе базового механизма потребительской мотивации – моды.

Противоположной «гуманистической» психологии концепцией оказывается психоанализ, один из

краеугольных тезисов которого, в явной форме выдвинутый и развернуто аргументированный З. Фрейдом в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1922), – это тезис о принципиальной недостижимости объекта желания. Человек способен совершить что-то не по причине того, что он стремится к достижению реального удовлетворения и комфорта, а потому, что стремится к невозможному, не к тому, что доступно, а тому, что «сверх», исполнению своих желаний раз и навсегда (подобное состояние для живого организма, по Фрейду, недостижимо, поскольку это состояние смерти) [14].

Психоаналитические искания Фрейда к объяснению природы человеческих потребностей применяет в работе «Психоанализ огня» (1938) французский философ Г. Башляр, которого таким образом можно считать отдаленным наследником утилитаристской теории стоимости и автором теоретической модели потребления как «обладания в избытке», в том виде, в котором она была воспринята и разрабатывалась в XX в. Говоря о первом изобретении человечества – огне – Башляр замечает, что оно вряд ли стало бы возможным, если бы основой человеческого поведения была только и в первую очередь потребность в необходимом, а не желание избытка. Сырая пища, например, мясо животных, вполне способна удовлетворить физиологические нужды человека, однако приготовленная на огне, она становится «вкуснее»: прирученный огонь привносит в жизнь первобытных людей наслаждение и роскошь, нечто *избыточное*, а отнюдь не банальное удовлетворение настоятельной необходимости [15].

Сходную позицию в 1949 г. в книге «Проклятая доля» озвучивает и другой французский философ, Ж. Батай. Избыточной тратой, стремлением к роскоши Батай объясняет монументальные культурные явления древних цивилизаций, Античности и Средних веков, связывая появление концепции «необходимой производственной траты» и принципа полезности как основы потребления благ с развитием капиталистической идеологии. Избыточная трата для классического буржуа – это «проклятая доля», удел тех, кто не может сообразовать свою жизнь с идеалами полезности и бережливости. Эти идеи Батая нашли свое дальнейшее применение в исследованиях современного общества потребления, в частности, в работах современного французского социолога и философа Ж. Бодрийера [16].

Бодрийер в работе «К критике политической экономики знака» (1972) радикализирует идеи целого ряда своих предшественников, в частности М. Мосса, Г. Башляра и Ж. Батая, и показывает, что считающееся самоочевидным проведенное К. Марксом разграничение между потребительской (опосредующей «природные» потребности инди-

вида) и меновой стоимостью товара (способностью товаров к взаимобмену согласно принципу эквивалентности) не является самоочевидным ни в «примитивных», ни в «современной» культурах, и в значительной степени детерминировано представлениями индивида или сословия о достаточном и избыточном [17].

Существенным элементом массовой культуры является совокупность коммуникационно-культурных опосредований потребления, служащая идеологическим базисом общества потребления. Эти опосредования на современном этапе развития глобальной цивилизации по существу выполняют функции метаязыка, сверхструктуры, «надстройки», направляющей избыточное потребление современного человека вне зависимости от социального статуса или этнокультурных атрибутов.

Ключевой для идеологии избыточного потребления, доминирующей в современном социуме, является идея *престижа*, маркирующая социальное поле в соответствии с представлениями индивида или социальной группы об *избыточной демонстративной трате* (Т. Веблен, Ж. Бодрийяр). При этом речь идет в первую очередь не только о материальных тратах, но и о более фундаментальной характеристике той или иной социальной группы – способности произвольно тратить свое время. В доиндустриальную и капиталистическую эпохи *досуг* был символом роскоши, социального статуса и престижа; низшие социальные классы были вовсе лишены возможности тратить время по своему усмотрению. Все прочие элементы роскоши, украшения, декор, жилища и пр. также наследовали фундаментальные черты единичности, показной бесполезности и праздности, являясь избыточными подтверждениями статуса своего владельца. В результате смещения и размывания границ между социальными группами, происходившего на протяжении второй половины XIX – первой половины XX вв., досуг в развитых странах стал общим достоянием, а приобретение нефункциональных предметов, выполняющих функцию маркировки социальной или культурной принадлежности обладателя – частью общей системы потребления. Однако нынешние «статусные» вещи отличаются от традиционных предметов роскоши, во-первых, своей зримой многочисленностью (они производятся серийным способом и для сравнительно больших аудиторий); во-вторых, они все же подчиняются минимальному требованию «функциональности», даже не выполняя никаких реальных функций, – требованию быть элементом «окружения», декора, «имиджа» или дизайна, занимать пространство и/или время. Любая приобретаемая вещь становится элементом непрерывного процесса манифестации: если раньше обладатели больших состояний приобретали редкости для индивидуального созерцания и их эксклюзивность коррелировала с

исключительностью ситуаций их предъявления широкой публике, то сейчас (начиная примерно с 1950-х гг., когда – с появлением телевидения – эта тенденция впервые начала проявляться) нечто приобретает для того, чтобы быть выставленным напоказ: примером таких показных манифестаций являются телевизионные программы из жизни «звезд», охотно демонстрирующие предметы роскоши, собранные в их жилищах.

Избыточная демонстративная трата является главным элементом такого фундаментального фактора развития постиндустриального общества, как *мода*. Мода структурирует желания потребителей, заставляя их верить в то, что им нужно «именно это». Функциональным измерением моды является т. н. «отсроченное обладание» – стимулирование индивида к приобретению материальных или культурных благ через серийное воспроизводство копий или моделей недостижимого объекта желания [18]. При этом новое поколение копий должно во что бы то ни стало отличаться от предыдущего (даже если в реальности не отличается ничем), однако эти отличия вписаны в жесткую систему бинарных оппозиций, которые и воплощают собой господство кода, и придают функционированию всей системы моды в целом характер цикличности: мода 90-х актуализирует то, что было популярно в 70-х, мода 2000-х – популярное в 80-х и т. д. Подчиненность серий объектов потребления коду находит свое выражение в маркетинговом понятии «бренда» как наборе константных характеристик товара, лидера мнения или корпорации, и подчиненном ему понятию «суббрендов» – нюансированных разновидностей основного бренда. Немецкий социолог Н. Луман в работе «Реальность масс-медиа» (2002) подчеркивает парадоксальность этого сочетания постоянного и переменного, которая находит свое воплощение и в ряде жанров массовой информации. Например, сама структура новостей готовит аудиторию к предсказуемым неожиданностям, поскольку зритель знает, что новости обязательно завершатся прогнозом погоды, но не знает реального их содержания. В более жесткой и отчетливой форме указанное сочетание выражается в ряде рекламных слоганов, когда одновременно подчеркивается и сохранение узнаваемого облика, «верность традициям», и открытость постоянным изменениям – что приводит к появлению формальных противоречий, не распознаваемых аудиторией в качестве таковых («BMW остается BMW, но от модели к модели становится все лучше») [19].

Насаждаемое модой структурирование потребностей и вкусов людей имеет своим следствием стремление к избытку, желание приобретать все больше и больше. В связи с этим в т. н. обществе потребления кардинально меняется статус денег, материального посредника между потребностями

человека и миром вещей. В эпоху классического капитализма покупательная способность бумажных денег зависела от количества реального эквивалента, воплощающего богатство, золота, находящегося в распоряжении того или иного государства. С введением после Второй мировой войны «плавающих курсов» покупательная способность национальной валюты зависит от большого набора трудно прогнозируемых факторов, таких, как рост национальной экономики, средневзвешенные курсы других валют, общее состояние мировой экономики, торговый баланс и пр. При этом ключевым является абстрактное понятие «роста», который должен наличествовать в мировой экономике: ситуация нынешнего кризиса показывает, что мышление в иных категориях уже невозможно – «роста» ждут как всеобщего спасения [20]. Более того, социально активный индивид часто не в состоянии обеспечить собственные запросы, которые тоже все время растут: возникают механизмы, обеспечивающие человеку обладание вещами, за которые он не может заплатить сразу – например, покупка в кредит. Однако вещь, приобретенная в долг, человеку «до конца» не принадлежит, ее существенным атрибутом является характеристика «призрачности» (Ж. Деррида в книге «Призраки Маркса» внимательно проанализировал этот социально-культурный аспект общества потребления, истоки которого лежат, по его мнению, в политэкономической модели, которую создал еще К. Маркс), она является собственностью только «в рассрочку». Вместо реального объекта желания индивид получает его призрачную копию, «симулякр» – по существу, удовлетворение потребностей аудитории, которое должно было бы стать итогом реализации материальных или культурных благ, оказывается симуляцией, происходит «понарошку», виртуально.

Из сферы потребления ощущение симуляции реальности приходит и в сферу ментальности. Уже Т. Адорно в работах 1950-х гг. отмечал такую фундаментальную характеристику т. н. «культуриндустрии», массовой культуры, поставленной на маркетинговую основу, как *бесконфликтность*. Фактически культурные блага, так же как и любые другие произведения человеческого труда, являются свидетельством конфликтной природы капиталистического производства: однако содержательно они никаких реальных конфликтов показать аудитории не в состоянии. И дело не только в сознательном выборе «продюсеров», но и в особенностях технологического процесса производства объектов культуриндустрии: процесс съемки кино таков, что, например, невозможно показать реальный размах крупных социальных конфликтов. Показываются в основном главные действующие лица, что для аудитории является лишним подтверждением стереотипа «сильный лидер как ре-

альный творец истории» [21]. В 1970-х гг. подобное наблюдение относительно телевидения сделал Р. Уильямс, заметивший, что симулятивная драматизация происшествий является неотъемлемой частью производства новостных сюжетов, поскольку журналист в буквальном, физическом смысле не может занять «срединной точки» между конфликтующими сторонами, и вынужден показывать лишь отдельных «причастных к происшествию» [22]. С приходом компьютерных сетей мозаичный тип восприятия информации становится доминирующим: происшествия просто не расцениваются аудиторией как заслуживающие внимания, если у новости нет броского заголовка, а в содержании отсутствует драматический элемент («пассивное восприятие» П. Вирильо) [23]. Кроме того, сама информация воспринимается лишь на поверхностном, «первом» уровне: человек, проводящий основное время за компьютером, саму реальность начинает воспринимать лишь как «мелькание знаков» на плоской поверхности, относясь к любым происшествиям отстраненно, скользя по поверхности и не пытаясь проникнуть вглубь, доискаться до смысла. Данный тип мировосприятия известен культурологу М. Эпштейн назвал «травмой постмодерна» [24].

Определенной гносеологической ценностью обладает анализ современного общества потребления на основе сравнения с моделями обмена объектами престижа, присущими внеевропейским культурам. Эти сравнительные исследования стали возможны благодаря накоплению в XX в. обширного антропологического материала, относящегося к культурам американских индейцев и жителей Океании. Резюмируя исследования первобытных обществ и современного общества потребления, Ж. Бодрийяр для обозначения агонистического, конфликтного характера процессов потребления вводит понятие «символического обмена» [25].

Символический обмен в самом широком смысле – это процесс, в котором индивиды отвечают друг другу встречными действиями. Как только обмен прекращается, возникает ситуация «не-ответа», удержания символических или материальных объектов, их накопления – это ситуация зарождения властных отношений. Например, субъект власти полномочен до тех пор, пока он способен делегировать свою власть: как только подчиненные сословия проявляют сомнения в правомочности подобного делегирования, властное отношение прекращает свое существование. Для репрессивного аппарата ситуация символического обмена, ответа является его коллапсом [26].

Традиционные формы символического обмена, существующие в т. н. «первобытных культурах», исследовались в рамках культурной антропологии в 1920–1950-е гг. Б. Малиновским, М. Моссом и К. Леви-Стросом как ситуации обмена репликами,

подарками, женщинами. При этом «престижным» оказывается не только предлагать что-то как ответный дар своему сопернику, но и – как в случае «потлача», ритуала ответного одаривания, существующего у североамериканских индейцев, – осуществить публичное, демонстративное уничтожение полученных даров [27]. В ряде работ 70-х гг. прошлого века Ж. Бодрийяр экстраполировал модель символического обмена на современный социум. В его теории общества потребления понятие символического еще сохраняет определенные коннотации с образом «естественных добродетелей человека» и геничными формами символического обмена, поскольку им обозначаются те области человеческого бытия, которые не охвачены консюмеризмом, очаги сопротивления всеобщему маркетингу: стихийные уличные выступления, стрит-арт, анаграмматическая поэтика и пр. [28]. Однако на данный момент можно констатировать, что практически все проанализированные французским мыслителем в 1970-е гг. формы «спонтанности», в которых еще можно было рассмотреть подлинное человеческое бытие, естественную агонистичность социальных отношений, оказались интегрированы в систему массовой культуры. Разумеется, при этом элементы символического обмена утрачивают свое главное свойство – взаимозаменяемость, реципрокность, поскольку оказываются зафиксированы в жесткой системе бинарных оппозиций, поддерживаемых социально-культурными кодами, а сам символический обмен – разновидностью симулятивного потребления.

Фундаментальными формами символического обмена в современном обществе потребления можно считать следующие три:

1. Принудительное одаривание – навязывание индивиду избыточных объектов потребления, как правило, символических, «в дополнение» к основным, в виде различных бонусов, скидок, подарков, прямого общения с поп-кумиром и пр. Принудительное одаривание никогда не предполагает ситуации реального ответа (например, в форме отказа) или вопроса (если поп-звезда начинает отвечать на спонтанные вопросы, под угрозой оказывается сам «звездный статус») и, таким образом, симулирует такую геничную форму символического обмена, как дар (осуществляющийся, по М. Моссу, согласно схеме «давать, получать, возмещать» [29]).

2. Виктимизация приобретения – риторическое возведение траты средств и времени индивида на приобретение того или иного блага в ранг «жертвоания». За потребителем – в качестве риторического приема – все еще сохраняется идеологический статус «последней инстанции»: например, многие рекламные сообщения всячески подчеркивают обращение ко второму лицу («только для Вас»), за которым якобы остается конечный выбор. Кроме

того, всячески поддерживается иллюзия того, что производящие и распространяющие разного рода блага компании по определению находятся в долгу перед потребителем (своего рода маркетинговый «категорический императив») – ведь он по-видимости тратит свои время или усилия на ознакомление с информацией о товаре. Таким образом, осуществляется симуляция такой формы традиционного символического обмена как жертва.

3. Интерактивное удовлетворение потребностей, которое представляет собой обращение (инверсию) отношения «производство – потребление». Предполагается, что социальные агенты являются не конечной целью, но только звеном, элементом производственного процесса, определенной его ступенью, вовлекаясь практически во все этапы производства материальных и культурных благ. При этом декларируется, что именно благодаря вовлечению потенциальных потребителей в разработку концепции товара аудитория как раз и получит то, что ей «действительно» нужно. В данном случае объектом симуляции являются креативные, творческие способности человека в целом. Примерами вовлечения, формирования «верной аудитории» являются «пользовательски-ориентированный дизайн», интерактивные сериалы и реалити-шоу, books on demand (физические релизы книг, объем которых определяется количеством заказов, поступивших после ознакомления с текстом, как правило, через Интернет), тестирование контента продуктов шоу-бизнеса в социальных сетях в преддверии их физической реализации.

Примечания

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономики знака. М.: Академический проект, 2007. С. 13.
2. Жирав Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 128; Mauss M. The Gift. The form & reason for exchange in archaic societies. L., N. Y.: Routledge, 2007. P. 4–5.
3. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 185.
4. Там же. С. 188.
5. Тейс А. Наследие Каролингов. IX–X века. М.: Скарабей, 1993. С. 90–91.
6. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. Т. 1. Кн. 1–2. М.: Изд-во РГГУ, 2001. С. 203.
7. Сказкин С. Д. Кальвинизм. // Советская историческая энциклопедия. Т. 6. М.: Сов. Энцикл., 1964. С. 870–871.
8. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 278–279.
9. Фуко М. Слова и вещи. СПб: А-сид, 1994. С. 216.
10. Там же. С. 220.
11. Там же. С. 224–226.
12. Maslow A. A theory of human motivation. In: Psychological Review, 1943. Vol. 50 (4). P. 371.
13. Там же. С. 382.
14. Фрейд З. Психика: структура и функционирование. М.: Академический проект, 2007. С. 102–104.
15. Башляр Г. Психологический анализ огня. М.: Прогресс, 1993. С. 31.

16. Фокин С. А. Философ-вне-себя. Жорж Батай. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2002. С. 149–153.
17. Бодрийяр Ж. К критике... С. 12.
18. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001. С. 115–117.
19. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. С. 79–82.
20. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 74.
21. Adorno T. The Culture Industry. L., N.: Routledge, 2007. P. 162; 172–173.
22. Williams R. Television: technology & cultural form. L., NY: Routledge, 2007. P. 43–44.
23. Вирильо П. Машина зрения. СПб: Наука, 2004. С. 112–116.
24. Эпштейн М. Н. Информационный взрыв и травма постмодерна. // www.philosophy.ru.
25. Бодрийяр Ж. Символический ... С. 43–44.
26. Бодрийяр Ж. К критике ... С. 243–346.
27. Mauss M. The Gift ... P. 8.
28. Бодрийяр Ж. Символический ... С. 155–166.
29. Mauss M. The Gift ... P. 50.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАСЕНКОВА Любовь Васильевна – соискатель кафедры теории и истории культуры Государственной академии славянской культуры. 143530, г. Москва, ул. Героев Панфиловцев, д. 39/2.

E-mail: basluba@rambler.ru

БАТОМУНКУЕВА Ага Дунгилаевна – аспирант кафедры социологии и социальной работы Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 672007, Забайкальский кр., г. Чита, ул. Бабушкина, д. 129.

E-mail: publish@bookhouse.ru

БАТРАКОВА Татьяна Сергеевна – аспирант кафедры философии Липецкого государственного технического университета. 398055, г. Липецк, ул. Московская, д. 30.

E-mail: Vfhueirf@yandex.ru

БОРОЗИНЕЦ Григорий Ленфридович – кандидат философских наук, доцент, директор Ухтинского филиала Современной гуманитарной академии. 169300, Республика Коми, г. Ухта, ул. Юбилейная, д. 14.

E-mail: ubmuh@online.ru

ВАСИЛЬЕВ Владимир Александрович – кандидат исторических наук, профессор, зав. проблемной научно-исследовательской лабораторией А. А. Кокеля Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. 428015, г. Чебоксары, Московский просп., д. 15.

E-mail: vasilyev_va@mail.ru

ВИТЯЗЕВ Александр Клавдиевич – кандидат социологических наук, зам. директора Ухтинского филиала Современной гуманитарной академии. 169300, Республика Коми, г. Ухта, ул. Юбилейная, д. 14.

E-mail: ubmuh@online.ru

ГАСНИКОВА Светлана Юрьевна – старший преподаватель кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартовского государственного гуманитарного университета. 628606, Тюменская обл., г. Нижневартовск-6, ХМАО-Югра.

E-mail: prayss@rambler.ru

ГАУК Анастасия Викторовна – аспирант кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского государственного технического университета УПИ им. Первого президента России Б. Н. Ельцина. 620002, г. Екатеринбург, Втузгородок, ул. Мира, д. 19.

E-mail: gauk@bk.ru

ГОРБАЧЕВА Наталья Борисовна – старший преподаватель, зав. лабораторией кафедры социологии Тольяттинского государственного университета. 445667, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14.

E-mail: GNB@tltsu.ru

ДИДКОВСКАЯ Яна Викторовна – аспирант кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского государственного технического университета УПИ им. Первого президента России Б. Н. Ельцина. 620002, г. Екатеринбург, Втузгородок, ул. Мира, д. 19.

E-mail: diyana@yandex.ru

ДЬЯЧЕНКО Игорь Валерьевич – аспирант кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского государственного технического университета УПИ им. Первого президента России Б. Н. Ельцина. 620002, г. Екатеринбург, Втузгородок, ул. Мира, д. 19.

E-mail: uskino@mail.ru

ЗАКРЕВСКАЯ Наталья Григорьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта. 190121, г. Санкт-Петербург, ул. Декабристов, д. 35.

E-mail: Zakrevskaya_n@mail.ru

КОПЫТИНА Маргарита Юрьевна – аспирант кафедры философии Липецкого государственного технического университета. 398055, г. Липецк, ул. Московская, д. 30.

E-mail: Vfhueirf@yandex.ru

КРЫЛОВ Андрей Владимирович – соискатель кафедры экономической социологии и маркетинга социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 119992, г. Москва, ул. Воробьевы Горы, д. 2.

E-mail: plast@yandex.ru

КУЗЬМИН Алексей Александрович – аспирант кафедры культурологии Московского гуманитарного университета. 111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5/1.

E-mail: Alvin.melhioras@gmail.com

МАТУСЕВИЧ Елена Владимировна – преподаватель Европейского гуманитарного университета. LT-01114, г. Вильнюс, ул. Тауро, д. 12.

E-mail: elena.matusевич@gmail.com

МАХОТЛОВА Мадина Асланбиевна – аспирант кафедры культурологии Северо-Кавказского государственного института искусств. Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, просп. им. Ленина, д. 1.

E-mail: MakhotlovaM@rambler.ru

ПАЩАК Игорь Владимирович – аспирант кафедры истории философии Пермского государственного университета. 614600, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

E-mail: vladimir.pashak@yandex.ru

ПИЛЕЦКИЙ Сергей Григорьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Ярославской государственной медицинской академии. 150054, г. Ярославль, ул. Чкалова, д. 6.

E-mail: SergeyPiletsky@yandex.ru

ПОЛУХИНА Мария Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского государственного технического университета УПИ им. Первого президента России Б. Н. Ельцина. 620002, г. Екатеринбург, Втузгородок, ул. Мира, д. 19.

E-mail: maria003@sky.ru

ПОЛЯКОВА Ирина Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Липецкого государственного технического университета. 398055, г. Липецк, ул. Московская, д. 30.

E-mail: Vfhueirf@yandex.ru

ПОРОСЕНКОВ Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и общественных наук Пермского государственного института искусства и культуры. 614600, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», д. 18.

E-mail: rectorat@psiac.ru

ПРОШАК Людмила Валерьевна – кандидат исторических наук, зам. главного редактора журнала ТА, Медиакомпания Gameland (г. Москва). 119021, г. Москва, ул. Тимура Фрунзе, д. 11.

E-mail: proschak@gmail.com

СЕРОПЯН Аветис Сережаевич – преподаватель кафедры культурологии и литературы ГОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет». 155600, Ивановская обл., г. Шуя, ул. Кооперативная, 24.

E-mail: sgpu@tpi.ru

СПИРИН Вячеслав Анатольевич – кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. 192238, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, д. 15.

E-mail: staatur@mail.ru

СТАРИЦЫНА Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Башкирского института социальных технологий филиала Академии труда и социальных отношений. 450098, г. Уфа, ул. Р. Зорге, д. 17/1.
E-mail: olstar-09@mail.ru

СТАРОДУМОВ Артур Анатольевич – старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью Кировского филиала Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. 610000, г. Киров, ул. Герцена, д. 42.
E-mail: staartur@mail.ru

СУВОРОВ Глеб Владимирович – аспирант кафедры философии и социологии Вятского государственного гуманитарного университета. 610001, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: ma-ros-ol@mail.ru

СЧАСТЛИВЦЕВА Елена Анатольевна – кандидат философских наук, ст. преподаватель кафедры философии и социологии Вятского государственного гуманитарного университета. 610001, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: abcr@yandex.ru

ТАЛАНОВ Сергей Львович – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин филиала Волго-Вятской академии государственной службы в г. Рыбинске Ярославской области. 152935, Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Моторостроителей, 12.
E-mail: talanov_sergei@mail.ru

ТРАВНИКОВ Григорий Николаевич – кандидат педагогических наук, доцент, проректор по научной работе и инновациям Прикамского социального института. 614022, г. Пермь, ул. Карпинского, д. 68.
E-mail: travnikovgn@mail.ru

ХВОСТОВ Антон Александрович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы Института социального образования (филиал) Российского государственного социального университета в г. Саратове. 410049, г. Саратов, Кавказский пр., д. 9а.
E-mail: torpedo85@rambler.ru

ХИЗБУЛЛИНА Радмила Радиковна – аспирант кафедры социологии Казанского государственного энергетического университета. 420066, г. Казань, ул. Красносельская, д. 51.
E-mail: kgeu@kgeu.ru

ШАУЦУКОВА Людмила Хажсетовна – кандидат культурологии, доцент, зав. кафедрой общих гуманитарных и социально-экономических наук Северо-Кавказского государственного института искусств. Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, просп. им. Ленина, д. 1.
E-mail: MakhotlovaM@rambler.ru

ШТАЙН Оксана Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Удмуртского государственного университета. 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1.
E-mail: Shtainshtain@gmail.com

**ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
В РЕЦЕНЗИРУЕМОМ НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

Срок публикации – по мере поступления материалов.

Для публикации статьи в реферируемом журнале необходимо

1) представить в редакцию

- а) отзыв-рекомендацию научного руководителя;
- б) заключение кафедры, на которой проходило выполнение научной работы;
- в) текст статьи в печатном варианте и в электронном виде с приложением сведений об авторе (см. ниже);

2) возместить стоимость издательских услуг, исходя из действующего тарифа (включая тариф НДС).

В сумму платежа входит получение автором 1 экз. журнала.

Статьи, в которых отражаются результаты исследования, должны полностью отвечать требованиям, предъявляемым к научным журнальным статьям. К публикации принимаются научные статьи объемом от 0,5 до 1 печатного листа, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями.

**ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА**

Общие требования

Распечатка на бумаге А4 в 2 экземплярах, дискета с текстом статьи в формате Word или RTF (файл обозначается фамилией автора).

Параметры страницы

Поля: левое – 25 мм, правое, нижнее и верхнее – по 20 мм.

Интервал: 1,5.

Гарнитура: Times New Roman.

Размер кегля: основной текст – 14 пт; сноски и примечания, формулы – 12 пт.

Запрет висячих строк.

Оформление статьи

Текст начинается с указания фамилии, имени и отчества автора статьи (на русском и английском языках). Далее следует название статьи (на русском и английском языках), до десяти ключевых слов на русском и английском языках. После названия (для аспирантских работ) указывается: работа представлена кафедрой (название кафедры и вуза). Статья сопровождается индексом УДК (универсальная десятичная классификация).

Аннотация статьи. Аннотация пишется на русском и английском языках – не более 400 знаков каждая, включая пробелы (помещается непосредственно перед текстом).

Ссылки на литературу в тексте статьи даются в квадратных скобках.

Ср.: напр.: Этот вопрос уже рассматривался лингвистами [1].

Литература указывается в конце статьи под заголовком ПРИМЕЧАНИЯ. Далее под номерами указывается литература *в порядке цитирования ее в тексте статьи*. Автор, источник, место и год издания, страница оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 Библиографическая ссылка. Ср., напр.:

Примечания

1. Лурия А. Р. Язык и сознание. Ростов н/Д, 1998.
2. Леонтьев А. А. Психофизиологические механизмы речи // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 314–370.

---

3. *Кутепов В. И., Виноградова А. Г.* Искусство Средних веков / под общ. ред. В. И. Романова. Ростов н/Д, 2006. С. 144–251.

4. *Паринов С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. А.* Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и онлайн-сервисов // Электрон. б-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/> (дата обращения: 25.11.2006).

Рисунки

Формат bmp, tif

Диаграммы

Формат Excel

Таблицы

Формат Word

Математические и физические формулы

Редактор MS Equation

Сведения об авторе (на отдельном листе)

1. Фамилия, имя, отчество (полностью)
2. Специальность
3. Ученая степень, звание, должность по кафедре
4. Полное название кафедры, вуза
5. Научный руководитель (ФИО, научная степень, ученое звание, должность)
6. Адрес с почтовым индексом, контактный телефон, e-mail

• Аспиранты очного обучения указывают ведущую кафедру и полное название вуза.

• Аспиранты заочного обучения и соискатели указывают место работы и должность.

• Доктанты и преподаватели вузов указывают ученую степень, звание, должность по кафедре, полное название кафедры и вуза.

Все документы необходимо отправлять в **одном** письме по адресу
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
Редколлегия журнала «Вестник ВятГГУ»,
направление «Философия и социология; культурология».

Редколлегия рецензируемого научного журнала
оставляет за собой право отклонять представленные материалы,
если они не соответствуют установленным требованиям.
Авторам присланные материалы и корректуры не возвращаются.

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета

Научный журнал № 4(4)

Подписано в печать 25.11.2009 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Mysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,5. Тираж 1000. Заказ № 1331.

Издательский центр ВятГГУ
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111
(8332) 673-674